

СМЕНА

№ 12 июнь 1982

**КОМСОМОЛ!
ТЫ МОЖЕШЬ
НА НАС ПОЛОЖИТЬСЯ**

курс партии-

ЗАБОТА ОБ ИНТЕРЕСАХ НАРОДА—ДЕЛО ЧЕСТИ КОМСОМОЛА

Речь товарища Л. И. БРЕЖНЕВА
на XIX съезде ВЛКСМ

Дорогие товарищи делегаты! Уважаемые гости съезда!
В торжественный час открытия XIX съезда Ленинского комсомола я передаю вам от имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, от всех коммунистов страны горячий привет и пожелание деловой, плодотворной работы. **(Продолжительные аплодисменты)**. Мы желаем вам, дорогие друзья, и в вашем лице всем комсомольцам, всем советским юношам и девушкам больших успехов в жизни и труде, большого личного счастья. **(Аплодисменты)**.

В этом году советский народ торжественно отметит 65-летие Великого Октября и 60 лет со дня образования Союза ССР. Это были славные, хотя порой и очень трудные десятилетия. Мы шли через тяготы и лишения, учились на ходу, преодолевая ошибки и просчеты, достигали успехов, поражающих мир. Двадцать миллионов жизней отдал наш народ в битве с фашистским агрессором, чтобы отстоять построенное и сохранить право на свои идеалы.

И все эти годы на передовой линии была молодежь, руководимая и вдохновляемая ленинской партией. Это они, ваши предшественники, легендарные бойцы гражданской войны и ударники первых пятилеток, герои Великой Отечественной и послевоенного возрождения, участники гигантских строек последних десятилетий, создали все, что мы имеем сегодня. **(Аплодисменты)**. Они передают в ваши руки бесценное достояние—первое в мире государство победившего социализма, общество, строящее коммунизм. В этом наследии, товарищи, есть все для того, чтобы наши пожелания вам стали реальностью. Сделать это должны будете вы сами, молодежь 80-х годов—ваш труд, ваше умение, ваш энтузиазм. И мы верим, что вы будете достойны стоящих перед вами исторических задач. **(Аплодисменты)**.

Тюмень и БАМ, «Атомаш» и Нечерноземье, мощные промышленные комплексы по всей стране—вот сегодняшние символы трудового героизма советской молодежи. А всего у комсомола сейчас 135 подшефных Всесоюзных ударных строек. И какого масштаба строек! Сотни новых предприятий, весомый вклад в работы по мелиорации, успехи в повышении урожайности полей и подъеме животновод-

- ПУТЬ КОМСОМОЛА

МОСКВА. КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ СЪЕЗДОВ. ДЕЛЕГАТЫ XIX СЪЕЗДА ВЛКСМ С ОГРОМНЫМ ВНИМАНИЕМ ВЫСЛУШАЛИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ЯРКУЮ ПРОГРАММНУЮ ПО СВОИМ ПОЛОЖЕНИЯМ И ВЫВОДАМ РЕЧЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ТОВАРИЩА ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА.

ства — таков трудовой отчет нашей молодежи за время после XVIII съезда комсомола. Об этом, видимо, расскажет в своем докладе товарищ Пастухов и будут говорить делегаты съезда.

Но сегодня вклад комсомола в развитие народного хозяйства и всех сфер нашей общественной жизни должен быть еще более крупным. Решения XXVI съезда КПСС требуют от молодежи большой энергии и постоянного напряжения сил. Ибо успех не может быть достигнут, говоря словами Ленина, лишь «героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и будничной работы».

У нас сейчас 41 миллион комсомольцев, более 450 тысяч первичных комсомольских организаций. Понятно, что вся эта армия не может находиться лишь на Всесоюзных ударных стройках. Район ее дислокации — весь Советский Союз. И я бы сказал, что передовой линией надо считать каждый участок, где есть комсомольцы. **(Продолжительные аплодисменты).**

Вы знаете, что в последнее время партия приняла ряд важных решений, в которых определены пути повышения эффективности работы всей нашей экономики, дальнейшего улучшения условий жизни народа. На днях состоится Пленум ЦК КПСС, где будут рассмотрены и утверждены основные параметры Продовольственной программы.

Продовольственная программа сегодня — это и повышение урожайности, и увеличение производства удобрений и сельхозмашин. Это подъем животноводства и развитие промышленности комбикормов, всей кормовой базы. Это отличная организация переработки сельхозпродуктов на предприятиях в городе и в селе. Это борьба с потерями на всем продовольственном конвейере — от поля и фермы до заводского цеха и прилавка. Это и создание необходимых условий для труда и быта молодежи, закрепления ее в сельском хозяйстве.

Ясно, товарищи, что перед вами — необозримое и благодарное поле приложения сил в этом общенародном деле! И надо, чтобы каждая комсомольская организация,

каждый комсомолец села и города четко знали свое место в такой огромной работе. Надо, чтобы они брали на себя конкретные обязательства, отчитывались о сделанном. Вот тогда это будет по-деловому. **(Аплодисменты).** Тогда это будет настоящая комсомольская ударная работа! **(Аплодисменты).**

Другая важнейшая хозяйственная и политическая задача, которую партия ставит сейчас перед всем народом, — это строжайшая экономия, экономия везде и во всем. Мы располагаем громадными ресурсами. Но беда в том, что зачастую машины и металл, хлеб и сырье, материалы и топливо используются недостаточно разумно, неряшливо, не по-хозяйски. Так продолжаться дальше не может. Если мы сумеем избавиться от этого греха, страна станет намного богаче, а люди будут жить лучше. **(Аплодисменты).** Кому как не комсомольцам быть застрельщиками в реализации этого важнейшего дела? Так будьте же ими, товарищи! **(Продолжительные аплодисменты).**

Собственный вклад каждого, пример молодых энтузиастов могут быть бесценной помощью. Уверен, что комсомол сумеет найти самые разные формы участия в этом нашем общем деле. Но формы эти обязательно должны быть живыми, интересными и прежде всего — действенными. Главное тут — конечные результаты, их точный учет. И гласность: пусть все видят, кто у нас рачительный хозяин, а кто транжирит народное добро. **(Продолжительные аплодисменты).**

Забота об интересах народа — дело чести комсомола. Причем забота не на словах, а на деле. Еще на прошлом съезде ВЛКСМ шла речь о том, чтобы комсомол взял под постоянную и неослабную опеку сферу торговли и обслуживания населения, помог наладить там работу. К сожалению, сделано в этом отношении пока недостаточно.

Это ведь такое дело, товарищи, где одноразового порыва и даже самых хороших решений мало. В торговле, обслуживании у нас трудится много молодежи, и приток ее туда продолжается. Это в большинстве — хорошие, честные работники. Но сегодня требуется больше принципиальности и настойчивости в борьбе за устране-

Фото
Сергея
ПЕТРУХИНА

Наша обложка:
молодые работники
Московского завода
шлифовальных станков
Нугзар Кобалов,
Петр Гуторов,
Виктор Дудоев и
Борис Медведь.

- 1** XIX СЪЕЗД ВЛКСМ.
КУРС ПАРТИИ—ПУТЬ КОМСОМОЛА.
- 6** «СКВОЗЬ ТАЙГУ, БОЛОТА, ГОРЫ...».
«Рабочая эстафета» на строительстве
системы магистральных газопроводов.
- 8** «ПЕРЕХВАТ».
Репортаж Яна ВЛАДИНА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 10** Елена ЗЫКОВА. «ФУТБОЛ НА ВСЕ ВРЕМЕНА».
- 12** «ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ!»
- 13** Рассказ Риммы КОВАЛЕНКО
«ХОЧУ ВАС ВСЕХ УВИДЕТЬ».
- 16** КИЕВУ—1500 ЛЕТ.
«СРЕДЬ ГОРОДОВ ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН».
СТИХИ УКРАИНСКИХ ПОЭТОВ.
- 18** 20 ИЮНЯ—ВЫБОРЫ В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ.
Олег ПЕТРИЧЕНКО. «С ИСКРОЙ ЧЕЛОВЕК».
- 20** «УЛИЦА ИМЕНИ СОСЕДА».
- 21** «ДЛЯ ЧЕГО ПРИДУМАН ГОРИЗОНТ».
- 22** «ИЮНЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ».
Обзор зарубежной печати.
- 24** Евгений СОЛОМЕНКО. «ПРАВО НА ПОСТУПОК».
- 26** Константин ПАУСТОВСКИЙ.
«ЕВРОПЕЙСКИЙ ДНЕВНИК».
- 29** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Нозль КАЛЕФ. «ЛИФТ НА ЗШАФОТ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответствен-
ный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора),
Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исеева.

ние недостатков и злоупотреблений. Ведь не секрет, что во многих местах у нас и магазины, и предприятия бытового обслуживания все еще работают не так, как хотелось бы. Встречаются и грубое обращение с посетителями, и халатная работа, и даже факты хищений, нарушения правил торговли. Все это серьезно ущемляет интересы граждан. С этими болячками пора кончать! (**Продолжительные аплодисменты**).

Конечно, комсомольцам тут нужна помощь партийных, советских, хозяйственных органов и их руководителей. Обещаем вам обеспечить такую помощь, товарищи. (**Аплодисменты**). И хочу сказать так: мы ждем, что комсомольцы и в этом деле покажут такие же примеры образцовой, самоотверженной работы, как, скажем, на БАМе. Когда идет речь об условиях жизни, о здоровье советских людей, тут мелких дел нет, все они — важнейшие. Помните это всегда, друзья мои. (**Продолжительные аплодисменты**).

Товарищи! Хорошая у нас молодежь — образованная, талантливая, смелая. Так и должно быть. Молодость — это утро жизни. Это пора, когда человек формируется как личность, как гражданин. Вот почему молодежи должна постоянно учиться. И не только овладевать знаниями. Учиться честно труду, уметь видеть жизнь со всеми ее сложностями с позиций советского патриотизма и коммунистической убежденности. Учиться непримиримости к малейшим отступлениям от наших общественных норм. Проходить и школу армейской службы, учиться в совершенстве владеть современным оружием и боевой техникой, чтобы всегда быть готовыми к защите Родины. (**Продолжительные аплодисменты**). Наконец, смолоду надо учиться быть людьми культурными, организованными, умеющими ценить свое и чужое время, уважающими старших, — словом, людьми воспитанными, добрыми, порядочными, настоящими гражданами развитого социалистического общества. (**Продолжительные аплодисменты**).

Комсомол для того и есть, чтобы прививать молодежи эти качества. И делать это призваны прежде всего комсомольские работники. Время предъявляет к ним самые высокие требования. Комсомольскими работниками не рождаются. Их выдвигают доверие молодежного коллектива и доверие партии. Это обязывает вдвойне. (**Аплодисменты**). Ленин предупреждал, что надо «как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с умением без шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации. Только таких людей, после десятикратного испытания, надо, двигая их от простейших задач к труднейшим, выдвигать на ответственные посты...»

Это, товарищи, и сегодня — самый мудрый совет, самый надежный ориентир в работе с кадрами, в том числе и с кадрами комсомола. Придерживайтесь его — и успех будет обеспечен. (**Аплодисменты**).

Товарищи! Завтра Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина исполняется 60 лет. Это прекрасный праздник советской детворы и ее бесценного вожака — комсомола. Давайте пожелаем нашей славной пионерии, чтобы она и впредь была всегда готова к борьбе за дело Коммунистической партии! (**Бурные, продолжительные аплодисменты**).

Дорогие друзья! Вы — представители той части нашего великого народа, которой предстоит формировать завтрашний день страны. И вам более, чем кому-либо, небезразлично, каким он будет, этот завтрашний день. Не только для советских людей, но и для всего человечества. Что ожидает народы — мирное созидание, нелегкая, но благородная работа по обеспечению более счастливых и достойных условий жизни или безумие и кошмар ядерного уничтожения?

Политика наиболее агрессивных сил империализма в наши дни заставляет ставить вопрос именно так. И ответ на него зависит от того, насколько активной и последовательной будет политика миролюбивых стран, насколько решительно и сплоченно многомиллионные народные массы выступят против курса поджигателей новой мировой войны, в защиту мира на земле. (**Продолжительные аплодисменты**).

Через три недели в Нью-Йорке откроется сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Специальная, целиком посвященная вопросам разоружения. Советский Союз со своей стороны сделает все, чтобы эта сессия была успешной.

Сейчас мало говорить о мире. Нужны конкретные и практические дела. Ключевая задача сегодня в этом плане — снизить достигшее опасных пределов ядерное противостояние в Европе, прекратить дальнейшее наращивание здесь ядерных потенциалов. Нельзя допустить, чтобы в Европе, где уже дважды начинались мировые войны, создалась реальная угроза возникновения в любой момент мирового ядерного пожара.

На днях в Женеве СССР и США начнут новый раунд переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе. Посмотрим, как поведет себя американцы, — будут ли они опять лишь тянуть время, готовясь к размещению ракет, или проявят желание договариваться.

Советские предложения по этой проблеме известны. Мы высказались за полную ликвидацию всех ядерных средств средней дальности в Европе; на Западе возразили, что это значило бы пойти слишком далеко. Мы предложили сократить такие средства более чем втрое; нам говорят, что это — слишком мало. Что же, давайте искать взаимоприемлемые величины — мы готовы и на большие сокращения, — разумеется, на обоюдной основе.

Чтобы помочь делу, Советский Союз недавно в одностороннем порядке прекратил дальнейшее развертывание ракет средней дальности в европейской части СССР, принял решение сократить некоторое их количество. Могу сообщить, что мы уже осуществляем сокращение значительного числа таких ракет.

Эти конкретные миролюбивые действия нашей страны с одобрением встречены в мире. Кое-кто на Западе пытается, однако, поставить под сомнение и их значение.

Утверждают, например, что принятое Советским Союзом решение не помешает размещать и впредь наши ракеты таким образом, чтобы они, пусть из-за Урала, но смогли «доставать» до западноевропейских стран. Могу со всей определенностью сказать: никаких ракет средней дальности не будет дополнительно размещаться там, где в пределах их досягаемости оказались бы и ФРГ, и другие страны Западной Европы.

Спрашивают далее, предусматривает ли принятое нами решение об одностороннем замораживании также и прекращение подготовки к размещению ракет. Да, предусматривает, включая и прекращение строительства стартовых позиций для таких ракет.

Еще одно замечание. Правительство США претендует на то, чтобы СССР заморозил, а то и вообще ликвидировал также ракеты, размещенные в восточной части нашей страны. Вот уж поистине абсурдная претензия! Решать вопросы об этих ракетах — их ограничении и сокращении — можно. Но лишь путем переговоров с теми, в чьих руках находятся ядерные средства, которым противостоят наши ракеты. И опять-таки, конечно, на основе взаимности. Против таких переговоров мы не возражаем. Но, понятно, это отдельный вопрос.

Судьбы войны и мира во многом зависят и от того, будет или не будет достигнута

советско-американская договоренность об ограничении и сокращении стратегических вооружений. Договоренность честная, справедливая, не ущемляющая ничьих интересов.

Что касается Советского Союза, то он неизменно выступал за начало переговоров с целью выработки такой договоренности без промедления и без каких-либо уязвок. Эта наша позиция неоднократно — и публично, и по дипломатическим каналам — доводилась до сведения американской стороны.

Сейчас и президент Рейган со своей стороны заявил о том, что США готовы к возобновлению переговоров. Это, на наш взгляд, — шаг в правильном направлении. Важно, однако, чтобы переговоры сразу начались в верном ключе.

В той же речи президента говорилось, что США будут выступать на переговорах за существенные сокращения. Что ж, мы всегда были за существенные сокращения стратегических вооружений, нас агитировать здесь не нужно.

Но если присмотреться к существу мыслей, высказанных президентом США по поводу таких сокращений, то, к сожалению, обнаруживаешь, что американская позиция носит абсолютно односторонний характер. Прежде всего потому, что США хотели бы вынести вообще за скобки переговоров те виды стратегических вооружений, которые они в настоящее время наиболее интенсивно развивают.

Не случайно ведь в самих Соединенных Штатах компетентные люди тут же заявили, что это — нереалистичная, оторванная от жизни, а может быть, и просто неискренняя позиция. Она прямо направлена в ущерб безопасности СССР и в то же время оставляет Вашингтону свободу рук в реализации американских программ наращивания стратегических вооружений.

Трудно не прийти к выводу, что объявленная президентом США позиция направлена не на поиски соглашения, а на то, чтобы обеспечить условия для продолжения попыток Вашингтона достигнуть военного превосходства над Советским Союзом.

Что нужно для того, чтобы переговоры шли успешно и привели к достижению договоренности?

Говоря кратко, для этого требуется, во-первых, чтобы переговоры действительно преследовали цель ограничения и сокращения стратегических вооружений, а не служили прикрытием для продолжения гонки вооружений и ломки сложившегося паритета.

Во-вторых, необходимо, чтобы обе стороны вели их с учетом законных интересов безопасности друг друга и в строгом соответствии с принципом равенства и одинаковой безопасности.

И, наконец, надо сохранить все то положительное, что было достигнуто ранее. Ведь переговоры начинаются не на пустом месте, была уже проделана большая и отнюдь не лишняя работа. Об этом не следовало бы забывать.

Мы убеждены, что только при таком подходе можно рассчитывать достичь договоренности о конкретных мерах по существенному сокращению стратегических вооружений обеих сторон.

Исключительно важно также надежно перекрыть все каналы для продолжения гонки стратегических вооружений в любой форме. Это значит, что создание новых видов стратегического оружия должно быть либо запрещено, либо максимально ограничено согласованными параметрами.

И еще у нас есть вот какое предложение.

Мы готовы были бы условиться о том, чтобы оружие стратегического назначения СССР и США уже теперь, как только начнутся переговоры, было заморожено. Заморожено в количественном отношении. И чтобы была максимально ограничена его модернизация.

Необходимо также, чтобы ни США, ни Советский Союз не предпринимали таких действий, которые бы вели к нарушению стабильности стратегической ситуации. Такое замораживание, важное само по себе, облегчало бы и движение вперед, к радикальному ограничению и сокращению стратегических вооружений.

Такова, говоря вкратце, наша позиция по вопросу о стратегическом оружии. Мир — не дар с неба, его сохранение и упрочение требуют повседневной и трудной борьбы. Вам, молодым, выпало счастье вырасти и жить в условиях мира, не зная бедствий войны. Надо дорожить этим, сохранить это драгоценное достояние.

(Бурные, продолжительные аплодисменты).

Вместе с вами, дорогие друзья, в работе съезда принимают участие десятки делегаций зарубежных гостей — представителей молодежи всех континентов. Мы приветствуем молодых борцов за мир, за светлые идеалы человечества и призываем их крепить солидарность, стойко отстаивать мирное будущее планеты! Эстафета мира — в руках молодого поколения земл. **(Бурные, продолжительные аплодисменты).**

Да здравствует Ленинский комсомол — верный помощник партии! **(Бурные аплодисменты).**

Слава советской молодежи! **(Бурные аплодисменты).**

Да здравствует советский народ — строитель коммунизма! **(Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают. В зале звучит долго не смолкающая овация. Делегаты и гости провозглашают здравицы в честь Коммунистической партии Советского Союза, скандируют: «Ленин! Партия! Комсомол!»).**

Наше знамя — знамя Ленина! Наше дело — непобедимое дело Коммунистической партии! Наш путь — путь к коммунизму! Делегаты XIX съезда ВЛКСМ от имени 41 миллиона комсомольцев, всех юношей и девушек торжественно заверяют Центральный Комитет КПСС, Политбюро ЦК, дорогого Леонида Ильича Брежнева, что Ленинский комсомол всегда был и будет надежным резервом и боевым помощником партии. Высокое доверие партии и Родины комсомол, советская молодежь оправдают своим ударным трудом, отличной учебной, образцовой воинской службой, беспредельной верностью заветам Ленина, великим коммунистическим идеалам!

Из приветственного Письма XIX съезда ВЛКСМ Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Леониду Ильичу Брежневу.

НАДЕЖНОСТЬ ПОКОЛЕНИЯ

Время съезда... Можно посчитать дни его работы в Кремле. Можно подсчитать даже часы... Но разве дадут эти цифры представление о времени XIX форума комсомола великой Страны Советов? Сделано, пережито, передумано, узнано, решено столько, что долго еще время съезда будет определять жизнь многомиллионного Ленинского комсомола. А значит, и всей молодежи нашей Родины. Да, именно так — как важнейшее событие в жизни страны — воспринял советский народ съезд своей молодой гвардии.

О человеке можно судить по тому, что он сделал и что хочет сделать. И еще по тому, какие надежды возлагают на него люди. Потому что им бывают виднее его возможности. Особенно, если пестуют его, как пестуют свою молодежь советский народ, Коммунистическая партия.

Каким же предстал перед страной на своем съезде наш комсомол?

«Партия высоко ценит Ленинский комсомол как свой надежный резерв, как активного помощника в революционном преобразовании общества, в борьбе за коммунизм. Миллионы советских людей проходят в ВЛКСМ большую школу политического и гражданского становления. Беззаветным служением Отчизне комсомол снискал глубокое уважение всего народа», — говорится в приветствии ЦК КПСС съезду.

В делах конкретных, зримых всегда и прежде всего выражалось служение комсомола Отчизне. «Делом ответим на заботу партии!» — таким был и остается самый главный лозунг молодого поколения страны во все времена.

Съезд развил, углубил эту мысль. Его делегаты заверили партию и весь советский народ, что сделают все, «чтобы более чем сорокадвумиллионная армия комсомола проявила самый упорный, самый трудный героизм массовой будничной работы».

О делах, с которыми комсомол пришел к своему съезду, полное представление дают итоги ударной предсъездовской вахты. Нет возможности рассказать о всех трудовых рапортах. Попытаемся сказать хотя бы о некоторых.

За четыре года после предыдущего съезда в Западной Сибири открыты новые подземные кладовые газа и нефти, освоено 25 миллиардов рублей капитальных вложений, сдано свыше 6 миллионов квадратных метров жилья, 5 газоперерабатывающих заводов. Промысловики Тюмени готовятся достичь нового рубежа — добывать один миллион тонн нефти и один

миллиард кубометров газа в сутки. Край этот по праву называют краем комсомольского подвига, каждый второй труженик здесь молодой.

34 делегата представляли Тюмень на XIX съезде. На предыдущем их было 28. Растет число молодых работников «гигантской строительной площадки — тюменского созвездия 16 комсомольскихстроек». Но растет не только их число, растет мастерство, умение брать богатства Западной Сибири с максимальным расчетом, с минимальными затратами.

«Есть 1100 километров стальных путей!» — рапортовал прошлому, XVIII съезду комсомола ударный отряд на строительстве БАМа. На XIX съезде торжественно прозвучало: «Уложены 2360 километров стального пути. Построены десятки новых городов и поселков, промышленных объектов. Все обязательства строители БАМа выполняют с честью, досрочно».

В своей вдохновляющей, программной речи Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул, что вся громадная комсомольская армия не может находиться лишь на всесоюзных ударных стройках. «Район ее дислокации — весь Советский Союз. И я бы сказал, что передовой линией надо считать каждый участок, где есть комсомольцы».

Нет такой области и района страны, нет такой отрасли хозяйства, нет такой стороны жизни народа, где не требовались бы силы, талант, молодая кипучая энергия Ленинского комсомола.

Биография делегатов съезда — самое убедительное тому подтверждение.

Комсомольско-молодежная бригада токарей-карусельщиков из Свердловской области, группкомсоргом которой является Василий Зверев, взяла обязательство выполнить задания одиннадцатой пятилетки за 2,5 года. Когда Василий уезжал на съезд, бригада выполнила план восемьдесят третьего. Уже в Москве он получил телеграмму: «Начали работать по программе февраля 84-го». «Успехи бригады объясняются прежде всего тем, что у нас идет поиск резервов на каждом рабочем месте. Речь товарища Л. И. Брежнева убеждает: мы на правильном пути. Надо только еще больше усилить поиск резервов, постоянно помнить о строящейся экономике. Каждому. Отчитываться только конкретными делами, а не словами».

Самвел Гаспарян — помощник машиниста электровоза Ереванского локомотивного депо. Награжден знаком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пяти-

С ДОКЛАДОМ «ОТЧЕТ ЦК ВЛКСМ И ЗАДАЧИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПОКОЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНЫХ, ЗНАЮЩИХ ДЕЛО, ЛЮБЯЩИХ ТРУД И УМЕЮЩИХ РАБОТАТЬ, ВСЕГДА ГОТОВЫХ К ЗАЩИТЕ СВОЕЙ РОДИНЫ» ВЫСТУПИЛ ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК ВЛКСМ ТОВАРИЩ Б. Н. ПАСТУХОВ.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ И РАДОСТНЫЙ ПРАЗДНИК — 60-ЛЕТИЕ ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА.

летки», член ЦК ЛКСМ Армении. Путевку в рабочую жизнь Самвел получил в ТУ-19 Еревана. Окончательно шлифовал свое мастерство в совместных поездках с опытным наставником Александром Петросяном. Дисциплинированность, высокая ответственность — без таких качеств нечего делать на железной дороге. Настойчиво, успешно воспитывает их в себе Самвел.

40 тысяч тонн угля в сложнейших горно-геологических условиях добыла за год бригада лауреата премии Ленинского комсомола, кавалера ордена Трудового Красного Знамени Владимира Куринова с шахты «Майская» объединения «Ростовуголь». У Владимира был замечательный наставник — сам Михаил Павлович Чих. В его бригаде постигал он основы шахтерского мастерства. А сейчас, когда сам возглавил комсомольско-молодежную бригаду, мечтает Владимир превзойти знаменитую бригаду и беспокоится о том, чтобы более совершенной была техника у шахтеров.

Когда Виктора Попова, буровика, добывающего газ в Туркмении, спросили: «Трудно ли работать в пустыне?» — он ответил: «В песках всегда тяжело — на то они пески. А условия, в которых мы добываем газ?.. Во-первых, он очень нужен, наш газ. Во-вторых, комсомолец — звание обязывающее. А в-третьих, где еще я так точно узнаю, на что способен? Там, где полечче? А в песках, я понял, главное — что я не слабак, что я что-то могу. С этим же можно жить полной жизнью».

Дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Георгий Тимофеевич Береговой о делегатах девятнадцатого съезда сказал:

— Первое и самое главное впечатле-

НА СЪЕЗД ПРИБЫЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ШЕСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, 140 КОММУНИСТИЧЕСКИХ СОЮЗОВ МОЛОДЕЖИ, ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ИЗ 110 СТРАН.

ние, что все они — люди, увлеченные жизнью, в которой варятся. Увлеченные своим делом, работой, профессией. Не все идет гладко — но это жизнь. Главное — не терять увлеченности. Потерять ее — значит потерять и себя как личность. А ребята, приехавшие на съезд, — безусловно, личности.

Съезд подчеркнул, что активно участвовать в осуществлении намеченной партией Продовольственной программы — прямой долг всего Ленинского

комсомола. В зале было немало посланцев ВЛКСМ, кто уже вносит большой вклад в это общенародное дело. Вот некоторые имена. Бывший секретарь райкома комсомола, ныне председатель колхоза «Заря» на Смоленщине Александр Игнатенков, под руководством которого хозяйство середнячок уверенно пошло в гору, увеличило производство молока и мяса. Ученый из Латвии Модра Муровска, занимающаяся изучением самых опасных и распространенных болезней крупного рогатого скота. Чабан иссык-кульской селекционной станции «Челпек» Мусабек Мамалжанов, поставивший рекорд — он получил по 191 ягненку от каждой сотни овцематок. Токарь Люберецкого завода сельхозмашин имени Ухтомского Виктор Люльков, работающий над столь нужными на селе самоходными широкозахватными косилками.

Он сложен и многосоставен сегодня, агропромышленный комплекс, — молодых ждут на каждом его участке.

...Съезд бурлил, думал, обменивался адресами. В кулуарах, иной раз прямо во время танцев или среди песни, возникал вдруг серьезнейший разговор, заканчивавшийся крепким рукопожатием: будем заключать договор о соревновании по принципу «Рабочей эстафеты». В блокноты делегатов вносились записи мыслей своих товари-

щей, наставников, это были крупницы нового жизненного опыта, берущегося на вооружение. Огромная нравственная сила в словах Алексея Маресьева: «Твердо убежден — человек, получивший зачку на ударной стройке, никогда ни в чем не подведет. Ни в труде, ни в бою».

А разве не выношена мысль Дмитрия Золотухина, комсомольского вожака МХАТа? «Слово «творческое» определяет не профессию, а отношение к ней. Можно творчески растить хлеб и нетворчески играть в спектакле». Или слова пензенского продавца Тани Юдиной: «Нам очень помогло соревнование «Сделано отлично — продано отлично!». Но порой не поднимается рука предлагать иные товары. Нельзя работать, не думая, как люди оценят, как воспримут твой труд...»

Съезд жил. В дни его работы у монтажника из Чувашии Станислава Никифорова родилась дочь. «Вес — три семьсот!» — докладывал он друзьям, всем, кто был рядом.

— Товарищ маршал, разрешите обратиться!

Трижды Герой Советского Союза, маршал авиации Александр Иванович Покрышкин обернулся. Перед ним стоял подтянутый сержант.

— Обращайтесь, товарищ сержант. Так в блокноте Сергея Белкина, мо-

В ЗАЛЕ СЪЕЗДА КОМСОМОЛА — СВЯЩЕННОЕ ЗНАМЯ ПОБЕДЫ. ЕГО ВНЕС ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА УЧАСТНИК ШТУРМА РЕЙХСТАГА М. КАНТАРИЯ. У ЭТОГО ЗНАМЕНИ ВОИНЫ 80-х ГОДОВ ПРИНЕСЛИ КЛЯТВУ НА ВЕРНОСТЬ ЛЮБИМОЙ РОДИНЕ.

НАДОЛГО ОСТАНЕТСЯ В ПАМЯТИ ДЕЛЕГАТОВ ВСТРЕЧА СО ЗНАМЕНИТЫМ НАСТАВНИКОМ МОЛОДЕЖИ, ГЕРОЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА С. ВИТЧЕНКО.

В ПЕРЕРЫВЕ МЕЖДУ ЗАСЕДАНИЯМИ. НАСТРОЕНИЕ — ОТЛИЧНОЕ.

В работе съезда приняли участие представители многих международных организаций, коммунистических союзов молодежи, демократических и социалистических молодежных организаций.

«Взоры сотен миллионов молодых людей с надеждой, ожиданием и доверием вновь устремлены к Москве, Ленинскому комсомолу, который является авангардом и примером для прогрессивной молодежи всего мира», — сказал с трибуны съезда первый секретарь Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи Эгон Креш.

Мысль о мире на земле ни на минуту не покидала съезд. Она вела к широким обобщениям.

Земля для молодежи планеты едина. Но — к сожалению — делима. В одной ее части у молодых отбирают элементарные права — на труд, учебу, гражданство, на право жить без войны... В другой им предоставляют великие возможности на творчество, труд, гармоничное развитие.

Съезд выразил солидарность с братскими союзами молодежи, со всей прогрессивной молодежью земного шара. Съезд объявил Всесоюзную акцию «Марш мира советской молодежи».

...В год 60-летия СССР во имя мира и процветания Родины под Красными знаменами Труда по зову Партии провозглашал съезд 2,5-тысячный ударный отряд на стройки Западной Сибири, КАТЭКа, «Атоммаша», Комсомольска-на-Амуре, БАМа, Нечерноземья. Добровольцы держали путь к эшелону № 1, № 2, № 3... Начиналось практическое претворение в жизнь многообразных, программных задач, которые Отчетным докладом ЦК ВЛКСМ определялись задачами Ленинского комсомола по формированию поколения людей политически активных, знающих дело, любящих труд и умеющих работать, всегда готовых к защите своей Родины.

Всегда верных идеалам ленинской партии коммунистов.

На все времена!

Игорь СЕРКОВ,

Борис ФАИН,

Фото Сергея ПЕТРУХИНА,

Владимира ЧЕЙШВИЛИ

тострелка, замкомвзвода, появился автограф прославленного Героя Великой Отечественной. Во время работы съезда, 21 мая, Сергею исполнился 21 год. А родился он в Комсомольске-на-Амуре, легендарном городе подвига юности Страны Советов, отмечающем ныне свое 50-летие.

Съезд напряженно работал на пленарных заседаниях, горячо обсуждал серьезнейшие вопросы на заседаниях семи секций. А были еще посещения Красной площади и Мавзолея, участие в празднике, посвященном 60-летию пионерской организации, приветствия учащихся ПТУ страны, воинов Советской Армии...

Открыляло доверие старших. С глубокой душевной приподнятостью при-

...ПРИНЯТО ЕДИНОГЛАСНО!

ДЕЛЕГАТОВ И ГОСТЕЙ СЪЕЗДА ПРИВЕТСТВОВАЛИ УЧАЩИЕСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО - ТЕХНИЧЕСКИХ УЧИЛИЩ, РАПОРТОВАВШИЕ ОБ УСПЕХАХ В УЧЕБЕ И ТРУДЕ, ГОТОВНОСТИ ДОСТОЙНО ПРИНЯТЬ РАБОЧУЮ СМЕНУ ОТ СВОИХ ОТЦОВ И ДЕЛОВ.

нимались лучшими учащимися ПТУ переходящие вымпелы прославленных работников Отчизны Алексея Стаханова, Александра Бусыгина, Макара Мазая, Паши Ангелиной, Петра Кривоноса, Марии и Евдокии Виноградовых, Николая Злобина. «Мы свято чтим традиции отцов. Их честь и славу юность не уронит!»

Эти дни и часы были насыщены до предела. А усталости не было — не до нее.

— То, что я пережила на Красной площади, перед Мавзолеем Владимира Ильича Ленина, очень трудно сформулировать словами. Но я никогда не забуду свое состояние, свои чувства в этот момент. Еще долго буду осмысливать их, настраивать по ним свою жизнь, — рассказала слесарь-сборщик ВЛКСМ Надежда Бударцева.

СКВОЗЬ ТАЙГУ, БО

Газотранспортная система Север Тюменской области — центральные районы Европейской части СССР — крупнейшая стройка одиннадцатой пятилетки. Комсомол взял над ней разностороннее шефство. Это и ударный труд молодых строителей непосредственно на трассах, это и целеустремленная работа комсомольских организаций самых различных отраслей и ведомств, призванных обеспечить гигантскую стройку проектами, материалами, техникой... Здесь должен и может утвердиться принцип «Рабочей эстафеты», когда стройка, проектные учреждения, производственные объединения работают согласованно, грамотно, опираясь на договоры о сотрудничестве.

Участие в «Рабочей эстафете» — это каждодневный экзамен на творческую, энергичную, квалифицированную работу, это серьезный вклад в развитие топливно-энергетической базы страны.

не только от личного труда, но и типа механизма. Мы решили перейти на бригадную форму организации и оплаты труда с применением коэффициентов трудового участия. Итоги 1981 года полностью подтвердили эффективность этой формы работы.

Хочу остановиться на проблеме, характерной для всех строительных потоков. Это расчистка трассы, сооружение и содержание дорог. В большинстве потоков эту операцию взваливают на землеройные участки, ухудшая их экономическое положение: ведь эти работы обходятся дешево только при большом объеме трудозатрат. Имея это в

Николай КУКУШКИН,
электросварщик треста
«Татнефтепроводстрой»

ТРАССА СТАВИТ ПРОБЛЕМЫ

Работа строителей подземных магистралей не бывает легкой. Ведь трасса — это часто поросшие тиной озера, трясины, зыбуны, пересеченный рельеф, это тучи гнуса летом, лютые морозы зимой. В процессе строительства трубопроводов, особенно в болотистой местности, где наш поток работал как на трассе Уренгой — Грязовец — Москва, так и позже, на стокилометровом участке газопровода 1641—1741, приходилось встречаться со многими трудностями. Все организационные и технические проблемы можно было решать главным образом за счет рабочей, инженерной смекалки и находчивости. В нашей практике применялись многие новшества. Например, использовали земляной валик для вывозки плетей и прохода механизированной колонны без устройства дорогостоящих традиционных лежневок; рыли траншеи методом направленного взрыва; модернизировали изоляционную машину, что полностью исключило ручной труд при одной из самых хлопотливых операций; научились присыпать трубу на скальном грунте верхним мягким слоем с помощью роторного экскаватора и так далее. Обо всем этом я рассказываю не для того, чтобы похвастаться, просто считаю, что наши новинки могут заинтересовать строителей на других участках сооружения шестиниточной гигантской системы трубопроводов от Уренгоя. Ведь у всех нас одна цель: ускорение строительства, и даже небольшие новинки при таком огромном размахе работ дают ощутимый результат снижения их стоимости. Она уменьшается на десятки, сотни тысяч рублей, происходит также сокращение трудовых затрат и сроков строительства объектов.

Большая роль у нас отводится организации производственного процесса. Ведь при индивидуальной сдельщине зарплата механизаторов часто зависит

виду, мы организовали специальную бригаду на генподрядном участке, придав ей необходимые механизмы землеройного участка. Создав мощный коллектив, ответственный за валку леса, строительство и содержание дорог, придав ему 5 тракторов, лесоповалочную машину, мотопилы, решили ряд дорожных вопросов. Колонна плетевозов Н. Лядова из АТК треста «Татнефтепроводстрой» регулярно выполняет нормы не менее чем на 150 процентов. Водители делают по 3—4 рейса на заводе труб. Вдобавок ими вывезена с трассы почти вся деловая древесина. О ней разговор особый.

Да, наша главная задача — строительство газопроводов, но мы не должны забывать о том, во что превращается трасса по окончании работ. Здесь требуются хозяйский подход, реальное воплощение девиза пятилетки «Экономика должна быть экономной». Сколько еще мы, строители магистральных трубопроводов, зарываем в землю деловой древесины! А ведь плетевозы на трассу идут с грузом, а оттуда пустые. Почему не загружать их древесиной? Во многом это происходит только из-за того, что в потоках, как правило, не создаются дорожно-транспортные коллективы. И стоит организовать дорожно-транспортное звено, как положение резко меняется.

С учетом специфики нашей работы особое значение приобретает вопросы

улучшения бытовых условий. У нас имеются вагончики, где централизованное отопление, водоснабжение. Есть у нас бани, красные уголки с телевизорами. Обеды вывозятся в термосах на рабочие места.

Вместе с тем мы считаем весьма своевременным принятое недавно постановление коллегии Миннефтегазстроя и ЦК профсоюза по улучшению быта на трассах, в котором намечается изготовление домиков из блок-боксов с комфортабельными удобствами. Эти домики мы ждем с нетерпением.

Трудовой коллектив нашего потока дружный, сплоченный, заявления об уходе у нас редкость. С одной стороны, это результат высокого уровня организации труда, имеющихся условий быта и отдыха, а с другой — большой и целенаправленной воспитательной работы, проводимой партийными и комсомольскими организациями.

Во многих наших коллективах существует хорошее правило: пока задание не выполнено, никто не может оставить рабочее место. Может, кому-то покажется, что такая требовательность чрезмерна, однако мы на трассе утверждаем, что деловая строгость людей не отпугивает.

Да, наши успехи достигаются благодаря ударной работе каждого члена коллектива, широкому внедрению передовых методов труда. В то же время важную роль в налаженной ритмично-

Александр ПОПОВ,
секретарь комитета комсомола
донецкого института
ЮЖНИИгазпрогаз,
делегат XIX съезда ВЛКСМ

ЭФФЕКТ РАБОЧЕГО ЧЕРТЕЖА

— Всякий раз, когда возвращаешься с трассы, пробыв там дней этак сорок, зарекаешься: в следующий раз поеду, только когда моя очередь по графику подойдет. Хватит с меня и жары, и холода, самолетов и вертолетов, бесконечных ожиданий транспорта... Но проходит неделя, другая, месяц, и все трудности и неудобства вдруг забываются, кажутся и не такими уж страшными. И опять тянет туда, на Север, на

МОСКВА

ЕЛЕЦ

НОВОПСКОВ

ПЕТРОВСК

сти работы сыграли поставщики, своевременное и качественное выполнение наших заказов целым рядом организаций и предприятий. Таких поставщиков много, и всем им мы приносим самую искреннюю благодарность. В то же время хотим попросить коллектив Брянского ремонтно-механического завода принять меры для улучшения качества ремонта трубоукладчиков. И еще одно обстоятельство: на трассе не хватает костюмов сварщиков, теплой спецодежды. Мы просим Министерство легкой промышленности оперативно рассмотреть и решить эти вопросы.

На ноябрьском Пленуме ЦК КПСС 1981 года товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Страна многим обязана героической работе газозаводов, нефтяников, строителей, открывших доступ к богатствам Западной Сибири. В одиннадцатой пятилетке перед ними встают еще более крупные задачи. Предстоит освоить новые месторождения, построить и ввести в действие пять крупнейших магистральных газопроводов Западной Сибири — Центр, а также экспортный газопровод Уренгой — Ужгород. Это, несомненно, центральные стройки пятилетки, и они непременно должны быть завершены в срок». Это указание партии — конкретная программа действия для нас, молодых строителей, и мы сделаем все, чтобы ее выполнить.

строительство трассы, — как-то признался Анатолий Вологин, руководитель группы отдела комплексного проектирования № 3.

Некоторые наши проектировщики проводят в году на трассе по сто и более дней. Становятся там по-настоящему своими людьми.

— Выходишь из вертолета, — рассказывал руководитель другой группы Леонид Корогодский, — и слышишь: «Ну, приехали проектировщики, эти все вопросы решат». Видишь, что тебя уже знают в лицо, ждут, рассчитывают на помощь. Это действует, ради этого многое можно перетерпеть. И, главное, видишь, что такие отношения полезны для дела. Например, на строительстве Краснотурьинской компрессорной станции мы работали вместе со строителями «Уралсантехмонтажа». Результат — ускорили монтаж водопроводных и тепловых сетей.

На строительстве Надымской компрессорной станции мы особенно сдружились с ребятами из комсомольско-молодежного строительного-монтажного управления № 3 треста «Севергазстрой». Работают ребята здорово, приятно посмотреть, ну и все вопросы, которые возникают к проектантам, само

ЛОТА, ГОРЫ

«Рабочая эстафета»
на строительстве системы
магистральных газопроводов

собой, стараешься решить максимально оперативно и качественно.

Крупнейший в отрасли, наш институт обладает большим опытом проектирования крупнейших строек газовой промышленности. По нашим проектам сооружались Оренбургский газоперерабатывающий комплекс, газовые и газоконденсатные месторождения Медвежье и Вынгапур, газопровод Уренгой—Сургут—Челябинск, часть интернационального газопровода «Союз», другие объекты. Но сегодня нам необходимо теснее сомкнуть научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы с производственными. Сроки, важность поставленных задач не оставляют нам иного выхода. Уже проделана огромная работа, выданы рабочие чертежи на строительство линейных частей и компрессорных станций газопровода на тысячи километров и миллиарды рублей, но все это только начало. Главное впереди.

В одном 1982 году нашему институту предстоит спроектировать и выдать в производство рабочие чертежи на 30 компрессорных станций, 1,5 тысячи километров линейной части газопровода. Общая сумма строительно-монтажных работ—более 2 миллиардов рублей. Раньше таких темпов мы просто не знали. А наряду с этим как генпродрайчик институт обязан координировать работу десятков проектных и конструкторских организаций. Например, только по газопроводу Уренгой—Ужгород институт координирует работу 27 организаций, из которых четыре имеют своих субпродрайчиков.

Нужна оперативность и еще раз оперативность. Нужна, хотя мы и расположены очень далеко от проектируемых нами трубопроводов. Вот почему мы сразу приняли предложение комсомольских организаций Тюмени о создании постов авторского надзора на трассе.

Прямые, непосредственные контакты со строителями газопровода приносят хорошие плоды. Да и как может быть иначе? Ведь каждый из нас уже трудится не на абстрактную строительную организацию, но знает людей, которые ждут результатов нашей работы. Одно—иметь дело с безликой конторой, которую знаешь только по бумагам с печатями, другое—с людьми, которым обязался помочь, которые тебе на трассе помогали, чем могли.

Так, в Москве я познакомился с секретарем комитета комсомола треста «Уренгойгазотрубопроводстрой» Юрием Тохтамышевым. Оказалось, что Юрий—мой земляк, тоже из Донецка. Молодые строители треста начинали тянуть трубу экспортного газопровода с нулевой отметки. Но их, уже опытных строителей, задерживало отсутствие технической документации. Вот и попросил Юрий разобраться в этом меня, представителя генпроектировщика. Я

представил себе ребят, простаивающих из-за отсутствия проектно-сметной документации, и мне очень неуютно стало. Приехав в Донецк, сразу помчался в институт. Оказалось, что документация давно отправлена, но до строителей не дошла. А запасного экземпляра нет. Ждать, пока документация все-таки доберется до Уренгоя, времени уже не было. Остался единственный выход—ехать строителям прямо к заказчику и самим отбирать свои чертежи.

Тогда же мы приняли решение заключить между комсомольцами института и треста договор о научно-техническом сотрудничестве при сооружении газопровода.

Мы намерены заключить договоры о сотрудничестве по принципу «Рабочей эстафеты» с каждой из субпродрайчных организаций. А всего их у института более полусотни. Их целью должно стать безусловное выполнение всех планов и графиков. Для привлечения молодежи к активному участию в научно-техническом творчестве мы создаем комплексные творческие коллективы. Один из них выполнил рабочие проекты электрообогрева водоводов дожимной компрессорной станции в Надыме и Уренгойской компрессорной станции. Другой разработал и внедрил ингибитор коррозии газопроводов, был удостоен за это премии обкома комсомола.

Надо сказать, что комсомольская организация института положила себе за

правило не бросаться сломя голову на решение всех институтских проблем. Мы сосредоточиваем свои усилия на тех из них, где можем добиться реальных полезных результатов. И, взявшись за дело, уже не отступаем.

Коллектив института мог бы работать на развитие газовой индустрии еще продуктивнее. Но есть факторы, которые мешают нам. Вот некоторые из них.

Нам очень не хватает молодых кадров. Сейчас, когда необходимо ездить в длительные командировки по трассам строящихся газопроводов в труднодоступные, необжитые места, дефицит молодежи связывает нас все сильнее. Мы бы с удовольствием приняли сейчас до 100 молодых специалистов. Дело для них есть. Оно ждет их. Но из года в год заявки института удовлетворяются лишь на 20—30 процентов. Помощь Министерства газовой промышленности СССР в этом вопросе нам очень нужна.

Другая проблема—снабжение. Объемы выпускаемой технической документации резко возросли. Люди идут на все, чтобы выполнить задание в сжатые сроки. Но не хватает бумаги, переплетного материала. Нет хороших печатных машинок, фотоэлектротрафического аппарата, чуть дышит. А в результате поступают жалобы заказчиков на качество наших проектов. Обидно. Мингазпром, наше управление материально-технического снабжения что-то выделяют, дают, обещают. Но этого просто мало. Конечно, у управления не один наш институт. Но газотранспортная система Западная Сибирь—Центр на всю страну все-таки одна. Для крупнейшей стройки одиннадцатой пятилетки нужно сделать все, что ей необходимо.

Валерий ЩУКИН,
секретарь
Пермского обкома комсомола

ВСЕЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ СИЛОЙ

По территории 12 районов нашей области пройдет трасса магистрального газопровода, шефство над этой стройкой объявили все 52 райкома комсомола Пермского края. Помогают, чем могут. Прежде всего людьми.

Трубопроводу необходимы газоконпрессорные станции. Их сооружение стало важнейшим делом пермского комсомола. Принято постановление бюро обкома о шефстве, разработана его программа, создан штаб ударного строительства, в который вошли начальники всех строительных управлений и трестов, задействованных на газопроводе. В дело включились «Комсомольский прожектор», областная комсомольская газета «Молодая гвардия», в которой теперь ведется постоянная рубрика «Трасса». Словом, навалились всей комсомольской силой.

молодежных отрядов из числа рабочих пермских предприятий.

Конечно, сформировать и отправить на место людей—только начало дела. Предстояло решить и такую проблему: где и как будут жить ребята? Ни о каких палатках не могло вестись и речи. Незадолго до отправки отряда мы выехали в Березовский район. Общежитие, в котором предполагалось разместить людей, было еще далеко от завершения. Сразу связались с Миннефтегазстроем. Наши претензии внимательно выслушали. Общежитие к приезду ребят было готово.

Прямо после областной отчетно-выборной конференции на строительство газоконпрессорной станции в Березовский район выехал ударный отряд имени Ветеранов комсомола Прикамья в количестве 50 человек. Всего на нитках газопровода нужно будет соорудить 6 станций. Времени на каждую отведено минимум. Так, в Березовском ребята обязались рапортовать об окончании строительства уже через три месяца после приезда на трассу. Конечно, задача очень непростая, начнут-то они с нуля. Но у нас нет никаких сомнений: как отряд сказал, так и будет.

Формировали отряд, учитывая весь накопленный в этом деле опыт. Прежде всего исходя из опыта ударных отрядов, работающих на освоении нефтяных и газовых месторождений Тюмени. Кстати, вот уже несколько лет пермские отряды там в числе лучших. Учитесь работать на трассе некогда. Это закон. На трассе надо работать. Поэтому брали в отряд только профессионалов, молодых ребят, но уже твердо владеющих специальностью—плотников, бетонщиков, монтажников химического оборудования, сварщиков. Например, среди газосварщиков 18 человек имеют самый высокий шестой разряд.

Добавлю: нам нужны были не просто профессионалы, а люди, понимающие всю ответственность стоящей перед ними задачи, люди, увлеченные ею. Так что к отбору райкомы и горкомы подходили со всей серьезностью. Случалось, руководители предприятий, где работали эти ребята, и не соглашались отпускать их. В конце концов мы все-таки решали подобные проблемы, а вспомнил я об этом, чтобы еще раз подчеркнуть, каких ребят направила на трассу областная комсомольская организация.

Это первый отряд, но не последний. Летом на трассу отправится студенческий и еще несколько комсомольско-

Вообще то обстоятельство, что сейчас наш штаб имеет прямой выход на главк, упрощает и ускоряет решение многих возникающих вопросов. К сожалению, внушает тревогу обеспечение строительства комплектующими деталями. Так, строительство в Березовском обеспечено ими пока всего лишь на 50 процентов. На других точках положение еще хуже. Мы надеемся, что «Рабочая эстафета» поможет нам решить возникшие проблемы.

Следует признать: недостаточно мы еще сами развиваем социалистическое соревнование по принципу «Рабочей эстафеты». А ведь сотрудничество между комсомольскими организациями Юго-Каменского машиностроительного завода имени Лепсе, выпускающего арматуру для трубопроводов, уникальные нефтегазозадвижки, и связанными с ним проектными институтами приносит весьма неплохие результаты.

Пора сделать и более широкий шаг. Протянуть «Рабочую эстафету» за пределы области. Думаю, поворотным моментом может стать совещание, которое пройдет в Новокуйбышевске. На него соберутся представители всех территорий, по которым пролягут нитки газопроводов. Строителям, партийным и комсомольским работникам, транспортникам, проектировщикам будет о чем поговорить.

Небывалое по масштабам и по своему значению строительство требует и новых, соответствующих форм работы. Идет ли речь об организации труда или формировании отрядов добровольцев, решаются ли социальные вопросы или проблемы быта. Строительство магистрального трубопровода находится под неослабным контролем областной комсомольской организации.

Ян ВЛАДИН.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
 Специальные корреспонденты
 «Смены»

Так вам Щетинин нужен?
 Киваю головой, да, именно он, летчик, старший лейтенант Виталий Щетинин, тот самый, что отличился вчера в маневренном воздушном бою. Подполковник загадочно улыбается:
 — Смотрите туда, Щетинин сейчас пройдет в паре ведомым.

И я неотрывно смотрю в голубую прозрачную даль, боясь пропустить, казалось бы, многократно виденную картину.

Но вот два истребителя, похожие на ночные истребители стрел, вырвались из облаков и, пронзая синеву, стремительно пронесли над нашими головами.

— Хорошо идут, плотно, — удовлетворенно заметил подполковник, — как в парадном строю.

Еще мгновение — и туча, надвигающаяся слева, поглотила их. Но долго еще незамутненными оставались в синеве две пепельные строки, которыми сшили истребители идущие навстречу друг другу тучи.

— Минут через пять садут, ждите... Бортовой номер его машины 43. — Подполковник, уже было отвернувшись, собираясь идти на КП, но вдруг задержался. — Знаете, есть два типа летчиков, те, которые идут в небо как на работу, пусть даже любимую, и те, для которых каждый взлет — это праздник. Все остальное для них — будни. Щетинин из таких.

Еще успели взлететь и сесть несколько машин, прежде чем истребитель Щетинина занял свое место в ряду таких же остроносых, узкотелых самолетов с песочными разводами камуфляжа на обшивке. Спустившись на землю, летчик, однако, не спешил расставаться

со своим истребителем, наблюдая, как колдует над ним борттехник.

Рукопожатие у Щетинина оказалось крепким, под стать его дюжей, плечистой фигуре. Мы пошли к одному из зданий в надежде укрыться в нем от аэродромного грохота. Но Виталий не вытерпел: впечатления от недавнего полета так и захлестывали его.

— Идем, понимаете, на двух тысячах. И знаем: бомбардировщик где-то здесь. Нас с земли наводят, передают: «ищите». Легко сказать, на экране сплошные подсветки, земля-то близко. И вдруг вижу: вот он, голубчик, прямо по траверсу внизу. Я вадущему передаю, что вижу цель. Ну, тут-то мы его и «взяли»...

Нет, не удается ему, Щетинину, скрыть свой восторг отличным воздушным перехватом, его двадцать пять как на ладони. Однако в небе взрываются быстро. За три года, что минули со дня, когда лейтенанту Щетинину впервые доверили истребитель, успел он налетать семьсот часов воздушного стажа, добиться присвоения ему высокого звания летчика первого класса. Уже были на счету Виталия и ночные воздушные поединки, были поверженные учебные цели, которые отводила в небе от ракет Щетинина умелая рука.

Командир эскадрильи майор Виктор Алексеевич Смирнов, давая Щетинину характеристику, говорил так:

— Он умеет слиться с машиной в одно целое. Как будто они родились вместе — Виталий и его самолет. А ведь техника, на которой мы летаем, — последнего поколения, полностью подчинить ее в полете — дело не простое и для опытного летчика. Притом, учтите, сверхзвуковые скорости требуют от пилота высочайшей сосредоточенности. Ведь на решение сложнейшей задачи летчику отводятся порой доли секунды. Щетинин же еще в первые месяцы показал отличные результаты.

Это произошло спустя неполных четыре месяца после начала его летной службы. Лейтенант Щетинин выполнял обычный патрульный полет: «Взлет, выход в заданный район, облет его по запланированному мар-

шруту и возвращение на аэродром». Дело было под вечер. Тем временем командование авиацией округа решило проверить бдительность летчиков полка истребителей-перехватчиков. В охраняемый ими район был направлен самолет-«нарушитель». Бомбардировщик шел низко, прячась в облачности. Наземные службы наблюдения обнаружили самолет «противника» и дали его координаты авиаторам. Воздушная «цель» была на подходе к охраняемой зоне, а неподалеку от бомбардировщика барражировал Щетинин.

Командир на мгновение заколебался. «Сумеет ли выполнить перехват совсем еще молодой летчик?» Осторожность взяла верх, он приказал на всякий случай поднять в небо опытную пару. Но на счету каждая секунда, бомбардировщик вот-вот войдет в зону. И с земли прозвучала команда Щетинину — атаковать самолет «противника», не дожидаясь поддержки. Казалось, пилот только этого и ждал. Сделав разворот, он лег на нужный курс и спустя две минуты увидел на экране локатора цель. Он пошел ей навстречу, выполнил маневр и оказался на хвосте у бомбардировщика. Остальное было делом техники.

На земле его дождался сам командир полка, известный среди истребителей летчик-снайпер.

— С почином, товарищ лейтенант, — сказал, пожимая ему руку, подполковник, — чисто сработано, талантливо.

Впрочем, талант еще не все. Как и в любом

**МОГУЧИЕ ЗАЩИТНИКИ
 МИРНОГО НЕБА.**

Николай ВОЛКОВ

*

*Я от тебя сейчас вдали,
 Я на другом краю земли,
 Здесь каждый день длинней, чем сто,
 Но я не забываю, что
 Есть самолеты...
 Пройдут дожди, пройдут снега —
 Разлуки длятся не века,
 Ты чаще не в календари,
 А в небо синее смотри,
 Там — самолеты...*

Владимир ГРЕВЦЕВ

Скорость

*Летят, свистя, дома и дерева.
 Как плоскости,
 пространство режут нивы...
 Природа, ты движением жива!
 И мы, как часть твоя,
 движеньем живы
 Движеньем! Обойми и захвати,
 Хоть силой,
 но заставь тебе поверить!
 И бестелесный воздух воплоти
 В тугое тело, что зовется «ветер»!*

перехват

Пришло пополнение. Ребята отличные, быстро осваивают технику. Но в полетах излишне осторожны, в парах далеко отрываются от ведущего. А это сказывается в маневренных воздушных боях.

— Вероятно, это со временем проходит — «осторожность»?

— Конечно, но мы взяли за правило сокращать срок адаптации летчиков до минимума. Вот и сейчас решили организовать дополнительные теоретические занятия для молодых летчиков.

Да, стремительное развитие современной истребительной авиации, усложнение учебных боевых задач, стратегии воздушного боя до предела сокращают срок взросления у летчиков. Если десять лет назад какой-то маневр в воздухе считался прерогативой только самых опытных, сегодня это азбука для каждого летчика.

Спрашиваю Виталия, где, по его мнению, предел мастерства воздушного бойца.

— Не знаю. Одно безусловно: нам доверена прекрасная, могучая техника, и уметь безукоризненно владеть ею, уметь выжимать из машины все, что заложено в нее конструкторами, инженерами, рабочими, — это, по моему, сделает честь каждому летчику.

Быстро стемнело. Длинные косые тени от застывших в строю истребителей перечеркнули бетонку, казалось, аэродром стих теперь уже до утра. Но Щетинин, глянув на часы, вдруг заспешил.

— У нас сегодня еще тренировка. Отработка маневра в воздушном бою.

— Как, ночью? Ведь ничего, кроме звезд, не видно.

— А разве мы не должны уметь воевать ночью? — ответил он вопросом на вопрос.

До самого утра в окна маленькой летной гостиницы, заставляя их дребезжать и звенеть, врвался грохот двигателей. Он то таял, уносясь вместе с летчиком и его машиной в сумеречную даль, то вновь нарастал, возвещая об их возвращении. Это учились побеждать противника летчик Щетинин и его товарищи.

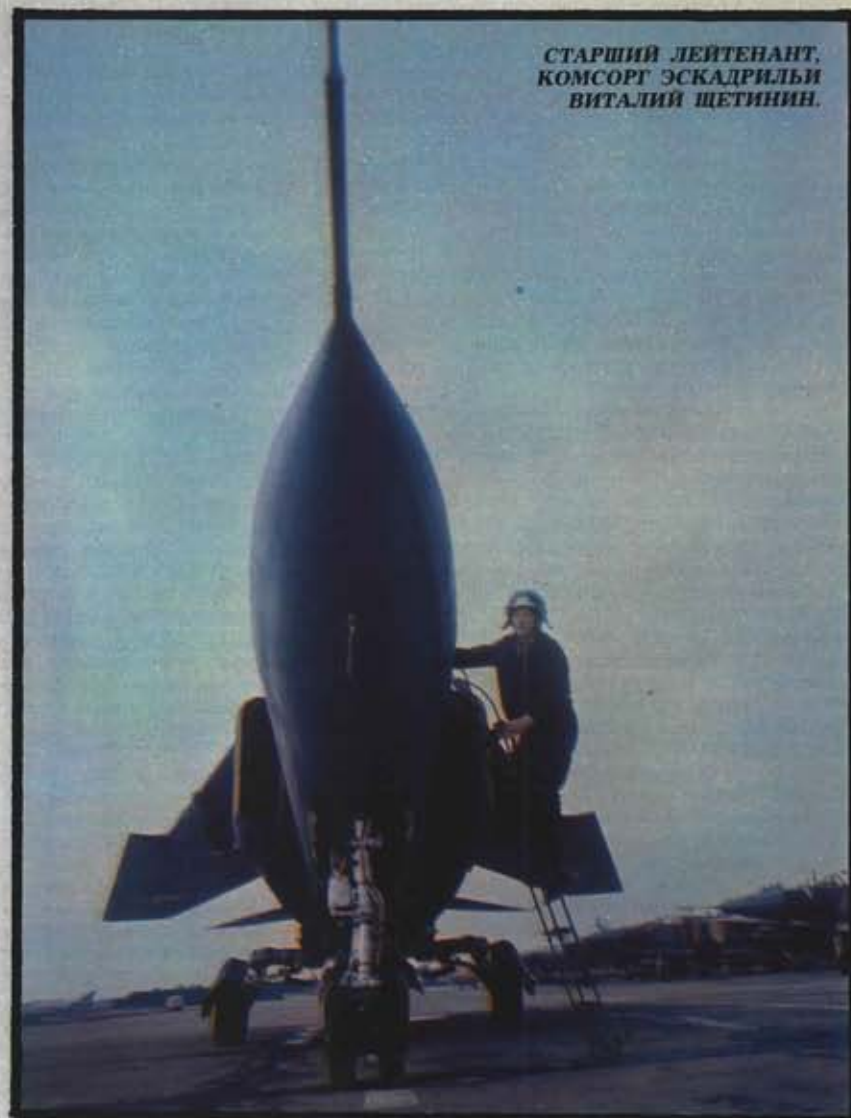
деле, в летном талант лишь первооснова. Нужны еще огромные знания современной техники, практические навыки, точный расчет, нужны, если хотите, любовь к избранному делу, дерзновенность. Виталию повезло, он родился в летном военном городке вблизи аэродрома и к семи годам различал тип самолетов по их воздушному голосу. Отец, бесконечно влюбленный в небо человек, работал летчиком-инструктором, помогал молодым пилотам осваивать военную технику. А сам Борис Леонидович Щетинин, если учесть и фронтовые годы, успел полетать более чем на 40 типах самолетов.

Понятно, что дома у Щетининых да и на аэродроме, куда отец часто брал с собой Виталия, все разговоры взрослых крутились в основном вокруг авиации. Так, еще мальчишкой он, не отрываясь от земли, впитывал в себя ощущения неба, учился любить авиацию самоотверженно, как отец. В 17 лет Виталий отлично выдержал экзамены в Черниговское высшее военное авиационное училище летчиков имени Ленинского комсомола. В первые учебные полеты его, стоя у кромки аэродромного поля, провожал отец.

Мы идем с Виталием по узкой, обсаженной с обеих сторон тоненькими кленами аллею. Только что кончилось комсомольское собрание эскадрильи, на котором Щетинин делал доклад. Он второй год комсорг эскадрильи. Спрашиваю, о чем шла речь на собрании.

— Об адаптации молодых летчиков в небе.

**СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ,
КОМСОРГ ЭСКАДРИЛЬИ
ВИТАЛИЙ ЩЕТИНИН.**

Феликс ЧУЕВ

Разговор с матерью Гагарина

— Какой он в детстве,
Анна Тимофеевна?
— Он был, он был... —
задумалась она. —

Как звездочка, —
ответила напевно
и снова замолчала у окна.

Он был... Он был...

Я тоже вспоминаю:
в его чертах отсутствовала ложь
и вечность обозначилась такая,
что долго на земле не проживешь.

Ему не станет жестом поминальным
или бенгальским временным огнем
признание, что был он гениальным,
поскольку подвиг воплотился в нем.

Вы скажете, что вовсе не такой он,
а был он прост, как этот белый свет,
однако не посмотрите спокойно
и равнодушно на его портрет.

Первые, очень давние, похожие на сон воспоминания: зеленое поле. и на нем в длинных трусах и белой майке с пятым номером на спине, мой отец — полузащитник «Торпедо» Павел Соломатин. Он бежит, бежит, вдруг резко поворачивает в сторону, и крыло его светлых волос как бы взмывает над ним. Деревянные трибуны стадиона, крепкий запах папироса, приторный вкус ситро, конная милиция, невозмутимо сдерживающая напор болельщиков.

До сих пор пересказывают слова одного грузинского академика, человека, не лишённого чувства юмора. «Никто не знает,— говорил знаменитый ученый,— где я живу в Тбилиси, но зато весь Тбилиси знает, где живет Слава Метревели, мой сосед по лестничной площадке, и только поэтому все знают, где живу я».

Да, тогда интересовались футболом, ходили на футбол, спорили о футболе. Мальчишки во дворах были не просто командами «Старт» или «Финиш», они непременно были ЦСКА или «Динамо», «Спартак» или «Торпедо». И бегали между домами маленькие Стрельцовы, Ивановы, Воронины, Численко, Шестеревы... И только Хомичи и Яшины не бегали, потому что стояли в воротах. А все дело в том, что на настоящем футбольном поле болельщики видели в ту пору в их понимании настоящий футбол. Выступали команды, где каждый игрок понимал и ценил игру другого. Они тогда не знали, как играют в Бразилии, но в свою, в родную игру играли самозабвенно. Зрители, бывало, приходили смотреть не столько на игру, сколько на самих игроков — так неожиданными были стремительные проходы к воротам Всеволода Боброва, хитроумные комбинации Михаила Якушина, точные коварные удары Василия Карцева, мужество и стойкость в обороне Александра Старостина...

Футбольные поля были совсем немногими, телевизоров в квартирах тоже, и народ валом валил на стадион. В афишах писали: «Матч состоится при любой погоде». О футболистах пели частушки, рассказывали анекдоты, иногда в порядке исключения даже правдивые истории. Дома, включая радио, цыкали на детей, и, прильнув к приемнику, не отрываясь, слушали неповторимый комментарий Си-нявского.

А сейчас ходит мнение, что футбол у нас не ахти, хотя и спорткомплексов понастроили, и детей из дворов увели в футбольные школы, и играют «мастера кожаного мяча» строго по-научному. А нет того футбола, вздыхают старые болельщики. И к чему торчать на холоде, когда по цветному телевизору можно любой гол увидеть, а если и пропустишь, так его специально для тебя повторят. Раньше каждая игра была неповторима, а теперь даже гол повторим.

...Мой сын Антон родился в тот день, когда его отец, левый защитник «Динамо» Валерий Зыков, в составе сборной страны вышел на поле жаркого, как адское пекло, и влажного стадиона в Мехико. Это был чемпионат мира по футболу 1970 года. В эти самые семидесятые годы жены футболистов «Динамо», словно сговорившись, нарожали мальчишек. А жена тренера Константина Бескова красавица Валерия Николаевна стала бабушкой. Став ею, она взяла с жен, и в том числе с меня, клятву — не клятву, а обещание: подросших мальчишек отдать в динамовскую футбольную школу, продолжить традицию.

Кое-кто из «заговорщиц» действительно начал водить детей в школу, надеясь, возможно, повторить в детях прошлое, но не все ребята прижились в футболе. Традиция не состоялась.

Мы с Антоном отправились на смотр в ФШМ, выбрав эту футбольную школу по территориальному признаку — жили неподалеку от Лужников. Антон хотел играть в футбол. И мы с мужем не возражали, если есть желание и найдутся какие-то способности — пусть играет. О тренере-педагоге для сына мы не задумывались: не выбирают же, скажем, учителей в школе.

Футбольная школа молодежи — это старое название, теперь она называется ЭШВСМ — Экспериментальная школа высшего спортивного мастерства. Родилась она раньше самих Лужников — в 1954 году на маленьком стадиончике в центре города. Из школы этой в разные годы вышли замечательные мастера: Игорь Численко, Валерий Воронин, Виктор Аничкин, Владимир Федотов, Геннадий Гусаров, Михаил Гершкович и многие другие. Получив в ФШМ серьезную футбольную подготовку, они украсили составы команд «Торпедо», «Динамо», ЦСКА, «Спартак». Таких футбольных школ в Москве 12. Детей туда принимают один раз в год, осенью, объявляя набор и подыскивая способных мальчишек во дворах. Каждый мальчишка может попытаться сдать экзамен. Приняты же будут самые способные. Попавшие в такую школу ребята живут в напряженном ритме. Тренировки каждый день по два часа. В воскресенье — выходной, но обыкновенно и его не бывает, по этим дням, как правило, проходят игры. Только очень организованные, физически подготовленные и уже с детства

преданные этой игре мальчишки выдерживают жесткий темп. Перед поступлением в такую школу мальчик обязательно должен получить какую-либо физическую подготовку — годятся и плавание, и лыжи, и коньки, и просто активная физкультура. Но даже и в этой школе условия для особо одаренных несколько иные, чем для тех, кто просто очень хочет играть, но не имеет явных способностей. Спецкласс. Здесь дети учатся как в обычной специальной школе, в английской, например, только в английской больше время уделяется языку, в этом спецклассе — занятиям футболом, строжайшему спортивному режиму.

По сути, весь день дети проводят в спецклассе, здесь, как в продленном дне, они делают уроки, здесь отдыхают, обедают, два раза за день тренируются. Школы вполне определенно воспитывают из них именно мастеров футбола, и к этому надо быть готовым и детям и их родителям.

Родители в «нашей команде» — люди самых разных профессий. И живут они в разных концах Москвы. Когда мы собираемся на матчи своих мальчишек, ясно, какие они, родители эти, все разные. Одно объединяет их: любовь к футболу. Многие из них увлекались в прошлом этим видом спорта, а теперь стали преданными, ярыми болельщиками. Наверное, не прижились бы в футболе мальчишки, не будь у них таких постоянных болельщиков в семье, способных ради этого увлечения сына забыть про собственное свободное время, мчаться к детям на игру в любую погоду, в воскресенье. Как переживают они проигрыши, как радуются победам! Сколько раз я видела, как успокаивают мальчишки-игроки своих огорченных проигравшим отцов.

Летом футбольная школа вывозит детей в спортивный лагерь. Ездил туда в этот раз и наш сын. Позже я пожалела, что был он там впервые. Не без удивления присматривались мы к Антону после лагеря. Безалаберный наш парень впервые произнес тогда слово «надо».

— Если Юрий Васильевич (это тренер) сказал, — надо, — ответил Антон на мой вопрос, хочет ли он остаться в спортлагере на вторую смену.

Юрий Васильевич Чернышов из лужниковской ЭШВСМ еще до службы в армии играл в молодежной команде «Торпедо», а после армии — за первую мужскую команду «Спартак». Потом он окончил институт физкультуры, работал радиотехником, и в 1979 году был приглашен О. Лапшиным в ФШМ — в команду мастеров вторым тренером. Сейчас Чернышов ведет группу мальчишек семидесятого года рождения.

Только что на поле, под проливным дождем, в грязи и лужах два тайма, как большие, отыграли его мальчишки, и тренер был с ними, судил игру, так что замерз и промок, как видно, насквозь. Да и я, наблюдая за игрой, тоже мучалась только о тепле. Словом, решила задержать Чернышова вопросами совсем ненадолго.

Мы уселись в чьем-то кабинете под сводами малой спортивной арены.

— По какому принципу вы подбираете детей в спортивную школу?

— Прежде всего оцениваю, как мальчик двигается. Провожу эстафеты и если вижу, что парень быстрый, ловкий, стараюсь представить его в перспективе. На то, чтобы понять мальчишку, как будущего игрока, иногда уходит целый год. Вот техника... физическая сила — это все придет с тренировками, но скорость... Если ее нет с самого начала, не будет и потом.

— Значит, это все, что нужно маленькому футболисту: скорость, а позже техника и сила?

— Нет. Позже смотрю, насколько развита у парня быстрота мысли. Может ли он в игре принять неожиданное, неординарное решение, способен ли на творческий подход к делу. И если у него в характере вообще есть находчивость, сможет ли он это качество использовать на поле. Попросту говоря, сумеет ли он перехитрить, одурачить противника?

Тренер в ЭШВСМ называется педагогом. И, конечно же, в этом суть его профессионального общения с детьми. Он видит ребят каждый день, он знает, что заботит мальчишку, чем он огорчен и чему рад. Ему, тренеру, необходимо это знать. От того, как он морально подготовит ребенка перед игрой, зависит результат матча, а ведь их сорок мальчишек, и о каждом нужно подумать. Ведь дети, как и взрослые, играют в футбол всерьез, понятие «игры» не существует для них — это ответственное дело.

Как-то при мне Антон позвонил Юрию Васильевичу и неумело пожаловался на нездоровье, в общем, попытался объяснить, что температуры нет, а так... насморк.

— Оденься потеплей и приходи болеть за команду, — ответил ему Чернышов.

Ему нужны не только перспективные маленькие футболисты, а мальчишки, близкие друг другу духовно, команда в лучшем понимании этого слова, коллектив.

— А ведь тяжело ребятам, — сказала я. — Однообразно, наверное, каждодневно, физически трудно.

ФУТБОЛ

Елена ЗЫКОВА

НА ВСЕ

Рисунок Виктора БЫЛИНКИНА

ВРЕМЕНИ

Может, нужно так: один день тренировки, другой теория, а?

— Сама по себе теория суха и непонятна, это скучновато даже для взрослых игроков. Но все совсем по-другому, когда мальчик ошибается на поле, а я останавливаю игру и объясняю, как надо было поступить. Вот им и теория без отрыва от практики. Очень, конечно, важно убедиться, что мальчик меня понял, что он со мной согласен.

А по дороге домой я спросила, хочет ли тренер, чтобы его недавно родившийся сын Мишка стал футболистом.

— Конечно, хочю, — сказал Юрий Васильевич.

У него на Мишку была двойная надежда: чтобы сын стал хорошим игроком сам по себе и чтобы обязательно реализовал в футболе то, что не успел сделать отец.

Я пришла в СДЮШОР «Динамо» в день набора новичков. С улицы вокруг манежа, прижавшись к его стеклам, как к гигантскому аквариуму, толпой стояли родители. Самые разные родители. И планы у них у всех самые разные: потому что одних, можно сказать, привезли сюда их дети, которые страшно хотят играть в футбол, другие, наоборот, привезли детей, то ли желая просто увлечь сына каким-либо спортом, то ли обожая именно футбол и мечтающая видеть своего ребенка замечательным мастером этого вида спорта. На следующий день, придя снова в манеж, я встретила там Олега Долматова, он привел своего сына.

— Понимаешь, — сказал он. — Замучил меня футболом. Парень дома все стены мячом оббил.

А еще через день специалисты школы посмотрели мальчишка в игре, и Гавриил Дмитриевич Качалин сказал мне, что толк из него будет. Но я вернусь к тому дню, первому. Внутри манежа до преградившего путь стола дежурной — толпа мам, пап, бабушек и дедушек. Дальше не пускают, только в исключительных случаях. Я прорвалась. Вошла в манеж. Поле компактное, с новым, зеленым, как настоящее, искусственным покрытием. Вокруг поля, как на большом стадионе, беговая дорожка, а само поле усеяно детьми, как цветами. Зелени этой почти не видно: черные, белые и рыжие детские головки, а среди них едва различимые фигуры тренеров. До шестисот ребят приходят в день набора, иногда больше, иногда меньше. Смотрят всех.

Я ждала перерыва, чтобы увидеть Качалина и Козлова. Я не торопилась, я пришла на свое «Динамо» и словно с родными повидалась. Вон на поле и Владимир Васильевич Ильин, и Володя Смирнов, и Гавриил Дмитриевич Качалин, ныне завуч СДЮШОР «Динамо». Но больше всего я обрадовалась Володе Козлову.

В те годы, когда мы с Козловым жили в одном подъезде, когда он и Зыков играли в одной команде, «закон подлости» на примере с Володей развернулся в полную силу. Козлов — талантливый, трудолюбивый, добрый, честный, всеми любимый Володя, был, как горевали болельщики, «невезучим». Его просто преследовали травмы. Только войдет в силу после растяжения, наберет форму — по глупой случайности ему ломают нос. Придет в себя — вывихнет плечо. Один из всех он умудрился заболеть в турне по Южной Америке брюшным тифом. У него было хроническое растяжение мышц, хронический вывих плеча, осложнение на сердце после Южной Америки. Но Козлов «не ломался» и не хандрил. Он работал и работал, читал книги, изучал итальянский язык, собирал пластинки, играл на баяне. Редкая целеустремленность и удивительная способность все подчинить главному, отмести лишнее. А потом было прощание со спортом, с футболом, а такая перемена в жизни — тяжелая штука для спортсмена. Но Володя с его твердой способностью «к выживанию» победил и здесь. Он стал тренером, и, как все говорят, хорошим. Он не изменился с годами даже внешне, тот же спокойный голос, добродушный взгляд, мягкая, добрая улыбка. Его помнят таким благодарные болельщики, он оставил в спорте о себе хорошую память, и ему есть чему сегодня научить мальчишек — будущих жителей нелегкой спортивной жизни.

Для Володи у меня были приготовлены вопросы, и сразу же вопросы эти были забыты. Мы то вспоминали прошлые годы, то говорили о моей работе, то рассказывали о семьях и детях наших друзей. Я ничего не записывала — знала, разговор и сам запомнится. Одно только я записала: «СДЮШОР», — сказал Володя, — это «Специализированная детско-юношеская школа олимпийского резерва», и тренируются в ней ребята по 20 часов в неделю».

— Ну и хорошо это, Володя? — спросила я. — Нужна детям такая нагрузка?

— Была б моя воля, — сказал он, — я бы не вводил их в рамки такого жесткого распорядка, не давил бы

таким однообразием в тренировках. Понимаешь, им некогда вздохнуть, оценить самих себя... Я бы предложил одну тренировку проводить в зале, а на другой — вообще выпускать на волю, во двор. Пусть парень наедине с мячом поработает над собой, подумает...

Когда-то игроки ЦСКА устраивали тренировки «с тенью» — игрок работал с мячом в борьбе с воображаемым противником. А при этом мыслил и за него и за себя.

— Вот раньше, — Володя как будто тоже вспомнил об этом, — «звезды» наши, где они рождались? Во дворах, гоня мяч до ночи, играя трое на трое. И какие индивидуальности! — Володя редко восклицает, он, как и прежде, умеет сдерживать свои эмоции, не навязывает детям собственное мнение, не дергает их, не сковывает их инициативу. Он очень последователен и терпелив, Володя. Таким он был, таким он и остался...

— Ну какой я педагог? — сказал он мне. — Я просто тренер... А играть самому все-таки интересней...

— У меня совсем мало времени, — предупредил меня Качалин, еще не успев подойти поближе. Голос у него резкий, но это впечатление сразу проходит, как только Гавриил Дмитриевич начинает рассказывать. Он интересно рассказывает. В этом году Качалину исполнилось 70. Он сухой, подтянутый, быстрый в движениях, а лицо свежее, словно только что тронутое солнцем. И в кабинете он продолжал ворчать на меня:

— Ну вот, очерк в «Смену», а после него опять поведут детей. Хорошо, если окажутся способные, а то ведь или лишь бы приткнуть, или знакомые... Но я не боюсь и именитых родителей обидеть: не годится — значит не годится.

Среди занимающихся футболом мальчишек очень мало детей спортсменов. Видимо, потому, что у руководства школы действительно принципиальная позиция: есть данные — берут ребенка, нет — откажут. Ну, скажем, можно, например, дать музыкальное образование человеку без голоса. Но без слуха... ему остается только слушать других. Конечно, наверное, берут в футбольные школы и «по знакомству», но, как правило, к концу первого года занятий уже видно, есть ли перспективы у мальчика. Тут можно обмануть только самого себя. Но и поняв, что футбол не для твоего ребенка, тоже, по-моему, огорчаться не стоит, все-таки год в спорте, а впереди еще такой выбор.

Что касается Гавриила Дмитриевича Качалина, то мне еще Володя Козлов говорил, что Качалин страшно принципиальный и терпеть не может, когда «по знакомству».

— Мы детей смотрим все вместе, — сказал Гавриил Дмитриевич, — если я своих посмотрел — после меня их же смотрит, например, Володя Смирнов. Володиных ребят я посмотрю, кто-то еще чых-то.

Качалина болельщики знают и любят еще с тридцатых годов, когда Гавриил Дмитриевич играл в московском «Динамо». Уйдя на тренерскую работу, он стал наставником сборной страны, потом в течение нескольких лет тренером своего родного «Динамо», а теперь учит детей. В тот семидесятый год, когда родился мой Антон, именно Качалин был с ребятами в Мехико, на чемпионате мира по футболу.

— Лена, давай вопросы, — снова поторопил Качалин, — времени мало, видела, сколько детей ждет? — Кого готовит ваша школа? Правильно ли называть тренеров педагогами? — быстро спросила я.

Гавриил Дмитриевич начал отвечать так, словно давным-давно слышал этот вопрос и успел над ним подумать. Но чем больше он говорил, тем лучше я понимала: это не готовый ответ, это убежденность.

— Прежде всего, — сказал Качалин, — надо привить ребятам чувство патриотизма к Родине, к своей команде, чувство товарищества. К этому прежде всего должны стремиться тренеры. На этой основе — и только! — может вырасти настоящий спортсмен. Затем внимание к учебе в школе. У нас, как правило, занимаются дети, которые не могут жить без футбола. Но если такой парнишка запустит школьные предметы — мы отстраняем его от тренировок. А нагрузка и темп обучения у нас такие, что если хоть раз занятия пропустить, значит, парню потом трудно будет догонять ребят. Знаешь, как это их мобилизует!

— А чего не хватает ребятам и вам, тренерам? — спросила я.

— Программа в школе трудная, и ребята обязаны получить полноценное среднее образование. Современному футболисту оно необходимо. Образование ведь дает не только знания, интеллектуальный кругозор, но и возможность находить на поле небанальные тактические решения.

Очень немногие из этих мальчишек попадут потом, после окончания футбольной школы, в команды мастеров. Но за время, проведенное здесь, они успеют закончить школу, выбрать себе будущую специальность, поступить в вуз, техникум, ПТУ... Футбол — это не специальность, не единственное, что

остается у них к восемнадцати годам. И потому, учась где-то, работая, они все равно будут урывать время, находить возможность сыграть в таком же молодежном составе товарищескую воскресную игру. Кто-то из них окончит тренерскую школу или институт физкультуры, и уж тогда не расстанется с футболом никогда.

— Недостаток нашего футбола, — продолжает Качалин, — слабая техника. На нее просто не хватает времени. И хотя на общем уровне мы подросли технически, до мастеров футбола Южной Америки нам вряд ли дотянуться. Я был там пять месяцев, изучил их манеру игры и понял, что это все не для нас. Их цели, образ жизни совсем иной. У них первые три года обучения в школе бесплатные, а дальше — надо платить, так что футбол для них — способ стать обеспеченным, знаменитым, не владеть жалкое существование. И мальчишки рвутся, буквально из кожи вон лезут. Тренируются до одури. Я видел, как они падают в голодный обморок прямо на поле, и это никого не удивляет. Полежит, отойдет и опять за «работу»...

Потом мы пили чай. Гавриил Дмитриевич сам заварил его, нашел в столе у Виктора Царева вафли, посетовал, что я не пришла раньше — у него булочки были. Мы пили чай, и я спросила:

— Ну так как же, Гавриил Дмитриевич, получают из сегодняшних мальчишек редкие по самобытности футболисты? Такие, как Бобров, Федотов, Бесков?

— Сейчас вообще по сравнению с прошлым очень вырос средний уровень футболиста. Но я стремлюсь научить их не только мастерству, но и доброте, порядочности, человечности. А талант, самобытность — всегда редкость, и таких, как Гущаев, Блохин, пока немного. Но надежда всегда есть...

Мы допили чай, и я хотела помыть наши стаканы, убрать со стола, но Гавриил Дмитриевич отобрал их у меня, засмеялся:

— На корабле женщине мыть посуду не дам!

Это выражение его «на корабле» напомнило мне случаи, связанные с футбольными приметами. Однажды в незнакомом городе, приехав к мужу, я попросилась в автобус, который вез его и ребят на игру. Не посадили, сказали: «Женщина на корабле — проиграем!» Я тогда сама доехала до стадиона. Они победили, а мне сказали, что только потому выиграли, что я с ними не поехала. И ведь всерьез... А за границей, рассказывали, качали Яшина на руках, так у него вратарская кепка с головы упала, а какой-то малец ее подхватил. Яшин вырвался от болельщиков и за мальцом! Как же, ведь в одной и той же кепке все игры стоял!

Я уходила из манежа и в дверях столкнулась с дядей Ваней. На руке у него, как всегда, красная повязка, и глаза все такие же, веселые и неестественно огромные из-за толстых стекол очков. И узнал он меня сразу, хотя много лет не видел. Дядя Ваня — болельщик. Замечательные болельщики есть у футбола! Они верны и постоянны на каждом матче, в любую погоду. Они, эти фанатичные, «сумасшедшие» болельщики, не могут без футбола, а футбол, наверное, не смог бы без них.

Мы поговорили с дядей Ваней... И как прежде, на каждом матче, дядя Ваня опять угостил меня припрятанной в кармане карамелькой. Мы никогда не знали, как фамилия дяди Вани. Он был так неотделим от нас, от игроков, от «Динамо», от футбола вообще, что нам и в голову не приходило наводить справки... Просто НАШ дядя Ваня — и все. Он и сейчас приходит на футбол, и так же, как тренеры, ищет «звездочек» среди мальчишек и очень ждет нового Григория Федотова, нового Всеволода Боброва, нового Константина Бескова...

Сменяются составы игроков, приходят и уходят тренеры, новые имена и новые команды рождаются в футболе. А такие болельщики у футбола, как дядя Ваня, были и будут. И будет жить футбол, пока живут они. Будет жить, пока не перевелись мальчишки, которые «жутко хотят играть». И пока, уходя с поля игроками, возвращаются на поле тренерами большие спортсмены.

**Дети,
родители и спорт.
Проблема интересная
и важная.
Что вы думаете
по этому поводу,
дорогие читатели?**

Продовольственная программа: ударный фронт комсомола

С каждым годом меняется облик советской деревни. Комсомольцы, юноши и девушки будут и впредь активно участвовать в развитии культуры села, его благоустройстве.

Из Отчетного доклада
ЦК ВЛКСМ
XIX съезду ВЛКСМ

Что нам стоит дом построить...»

Слова этой детской песенки завертелись у меня на языке, когда машина, свернув с автостраты и миновав «ельники да березники», неожиданно въехала... в сказочную страну. Страна та имела весьма прозаическое название: поселок Софьино совхоза «Нара», что находится в самом удаленном уголке Подмосковья, почти на границе с Калужской областью. Действительно, «что нам стоит дом построить? Нарисуем, будем жить». Так думалось при виде ладных деревянных домиков с резными карнизами и наличниками, затейливыми крылечками, расписными фасадами. Уж больно они походили на красочные декорации к сказочному фильму. Эдакое Берендеево царство.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается! Таких поселков, как подмосковные Софьино и Новые Подосинки, горьковское Серково, красноярский Синеборск, по стране наберется немного. И все же они есть, строятся, нравятся людям. Значит, с каждым годом их будет больше. Чем же, спросите, то же Софьино привлекает сельчан? Прежде всего жильем. Удобным, красивым, а главное, соответствующим сельскому укладу жизни. Говоря языком архитекторов, это дома усадебного типа с полным инженерным благоустройством (водопровод, канализация, автономная отопительная система) и хозяйственными постройками. Есть где скотину и птицу держать, огород под боком, погреб имеется для различных солений, варений и маринадов.

И потом, заметьте, не кирпич, не бетон ведь, а дерево!

Вспоминаю разговор с одним

вятским председателем колхоза, который возмущался всеми этими железобетонными коробками, построенными в деревнях:

— И кто моду такую дурную на селе завел? Вот уж «прославил» себя. Я сам живу в лиственничном срубе и ни на что его не променяю. Просыпаешься поутру, вдыхаешь свежий смолистый воздух и чувствуешь, как все жилочки силой да здоровьем наливаются...

А хорошо мне знакомый директор подмосковного совхоза имени Ленина Петр Зиновьевич Рябцев другого мнения. Он считает, что строительство в сельской местности многоквартирных крупноблочных домов — не дань моде, а веяние времени. Кто же прав?

Директор ЦНИИЭПграждансельстроя — центрального в стране института по планировке и застройке сельских населенных пунктов Борис Александрович Маханько сказал, что категорично судить здесь нельзя. Право на жизнь, как показывает опыт, имеют оба варианта жилищного строительства: и многоквартирных домов и индивидуальных.

Я видел кварталы многоэтажек в пригородных поселках Ленинградской и Калужской областей, Белоруссии, Украины, Сибири. Прекрасно устроились там сельские жители. И хозяйство ведут. За пределами жилой зоны им выделены огороды, построены блокированные сараи, где можно держать скот и птицу. Автопоение в них налажено, механизировано удаление навоза. Имеются кормокухни.

Строительство в сельской местности многоквартирных крупноблочных домов имеет свои преимущества. Сокращаются сроки возведения жилья, меньше земли уходит под застройки, легче создать людям максимум быто-

вых удобств. И вот что еще не забывайте. Унифицированность деталей позволяет из одних и тех же блоков строить жилье, детские сады, школы, клубы, магазины...

И все-таки душа селянина больше лежит к тому, чтобы иметь собственное жилье. Или, скажем, такие двухквартирные дома, что стоят на улице Молодежной в поселке Серково горьковского колхоза «Красный маяк». Хорошие жилищные условия, сочетающие городские удобства с особенностями сельского уклада, стали одной из причин того, что здесь работает много молодежи. И для проведения досуга у нее масса возможностей: построены стадион, спортивный зал, зимний бассейн, ипподром, клуб.

А что другие руководители хозяйств? Не под силу им строить или желания нет? Тот самый вариант, когда желания не совпадают с возможностями. Они бы самые наилучшие проекты жилых домов выбрали. Благо, их нынче в избытке. Одноэтажные или с квартирами в двух уровнях, с мансардами и верандами, гаражами и банями, деревянные и кирпичные, железобетонные и арболитовые... Словом, на любой вкус.

Но кто будет строить эти дома в таком количестве, что требуется сельским жителям? Мощности Минсельстроя, межколхозных и других подрядных организаций, ведущих строительство на селе, весьма ограничены.

В основном на селе строят хозспособом. Его, между прочим, давно перекрестили в «хазспособ». Все — от бетонной плиты до мелкого гвоздика — надо искать самим. Никаких лимитов на подобное строительство колхозам и совхозам не выделяется. Где уж тут до красивых проектов, поста-

вить бы любой дом, лишь бы стены не завалились и потолок не рухнул. Странная ситуация складывается. Хозспособ в сельском строительстве узаконен, а на деле местная инициатива питается лишь устными и письменными поощрениями. Не пора ли наладить вполне законное обеспечение строек, ведущихся хозспособом, стройматериалами и техникой?

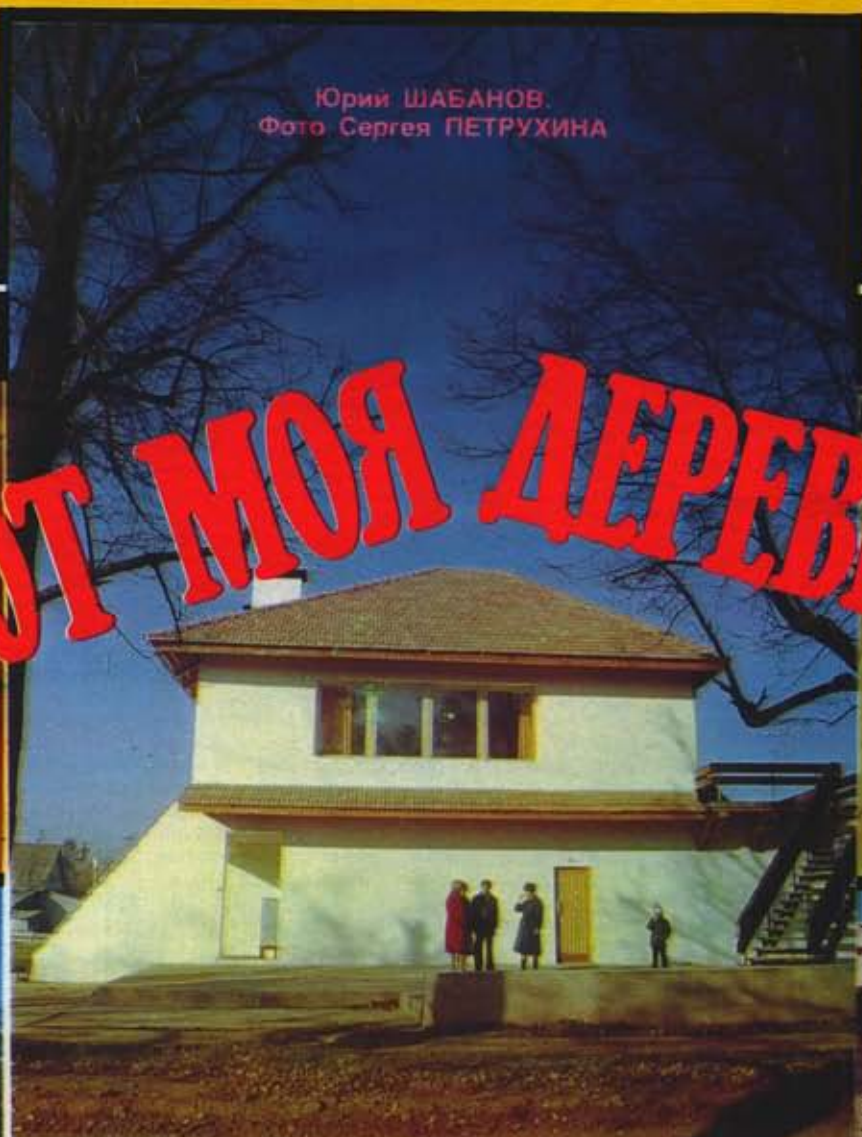
Можно использовать на строительство деньги самих же сельских жителей. Я говорю о создании жилищно-строительных кооперативов, что получило широкое развитие в Московской области. Вот пример: рабочие совхоза «Борец» десять лет назад создали кооператив «Молодежный» и за свои средства построили целый поселок красивых и комфортабельных деревянных и панельных индивидуальных домов. У каждого — свое лицо. В среднем один дом возводили за 40 дней, что в два-три раза меньше обычных сроков.

Вступая в ЖСК, некоторые сомневались: по силам ли им купить дом за 23 тысячи рублей. Помог совхоз. Тот, кто проработал пять лет, вносит первый взнос в две тысячи рублей. Еще полторы тысячи в качестве безвозмездного материального поощрения за него платило хозяйство. Три с половиной тысячи рублей беспроцентной ссуды к тому же оно выделило каждому члену кооператива сроком на 15 лет. На остальные 16 тысяч рублей Госбанк оформил новоселам кредит с рассрочкой на 20 лет. Треть этой суммы совхоз оплатит из собственных средств, если владелец дома проработает в хозяйстве не менее 10 лет. Так что выходит, в погашение ссуды семье надо платить в месяц около 60 рублей. Конечно, не все хозяйства способны дать такую дотацию, как «Борец». Но ведь и дома для одной семьи необязательно строить из шести комнат, нескольких веранд и двух ванных, какие выбрали местные жители. А само по себе дело это перспективное.

Портрет современного села... Надо писать его яркими и сочными красками, смелыми мазками. И тогда в каждое село мы будем въезжать с таким же настроением, как в подмосковное Софьино.

Юри ШАБАНОВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ДЕТЯМ В КЛУБЕ ВЫДЕЛЕНА
СПЕЦИАЛЬНАЯ КОМНАТА.

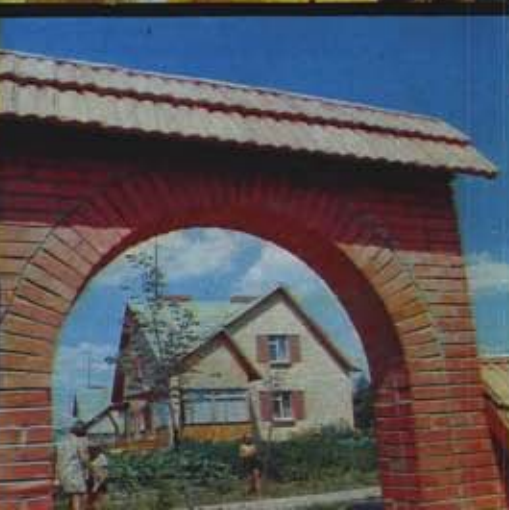

ВЕЧЕРАМИ РАБОЧИХ СОВХОЗА ЖДЕТ СЕМЕЙНЫЙ КЛУБ.

ГОРОДОК В СОФЬИНЕ
ПРОДОЛЖАЕТ СТРОИТЬСЯ.

НА СМЕНУ ИЗБАМ ПРИХОДЯТ
ВОТ ТАКИЕ СЕЛЬСКИЕ ДОМА.

ФОНАРЬ ГОРИТ —
КАФЕ РАБОТАЕТ.

ХОЧУ ВАС ВСЕХ УВИДЕТЬ

Платон играл самозабвенно, уткнув подбородок в круглую грудь, выматывая наше терпение. Гармонь была старенькая, мелодии старинные. Сначала пытались унять гармониста: «Антракт, Платон, дай передышку, сил больше нет». Но он не слышал, терзал свою гармонь, усыплял нас вальсами и польками. Для девушек, сидевших с ним рядом на вагонной полке, этот увалень был чем-то вроде подушки. Худющая, некрасивая Ангелина даже уснула на его мягком плече. Только тогда Платон перестал играть, с опаской взглянул на длинный нос Ангелины и замер, не зная, как быть.

— Играл, Платоша! — Костя Чугай, к которому Ангелина цеплялась всю дорогу, передразнивала, поправляла в словах ударения, глядел на нее сейчас тоже с какой-то опаской: молчит, глаза закрыты, но того и гляди цапнет. — Играл, Платоша, пока она спит, мы все в безопасности.

Чугай не был злым, он, наверное, был даже добрым, но доброте его мешала вырваться на простор красивая внешность. Он не забывал о ней, красовался, стоял в узком проходе, положив локти на средние полки. Темно-русый чуб, спадая на лоб, загораживал синие разнеженные глаза. К тому же он был в ушитой по фигуре тельняшке, в отглаженных, без морщинки брюках, и эта аккуратность в вагонной тесноте бросалась в глаза. Девчата впрямую на него не пялились, но неотступно держали его в поле своего зрения. Этот поток влюбленности затянул и меня, чужую среди них и временную.

— Чугай, смени Платона, — предлагали ему, — подставь Ангелине свое моряцкое плечо.

— Моим плечом двери вышибать, — куражился Чугай, — на таком плечике не уснешь.

А Платон мучился. Ангелина спала по-настоящему, не притворялась. Какой бы ни был увалень Платон, но сидеть неподвижно, охраняя сон Ангелины, было ему и тяжело и неловко. Гармонь он прижал к животу, обнял ее и сцепив пальцы на сжатых мехах, сидел, как куль с мукой, и терпел, в том числе и шуточки.

Никто во время пути ни разу не заикнулся о том, куда мы едем. Девчата иной раз задумывались, это я видела по их лицам, пробегало по ним что-то тревожное пополам с удивлением, а парни — те не задумывались, радовались самой дороге, заводили знакомства с молодыми пассажирками из соседних купе и даже из других вагонов. Почему-то свои девчата их не интересовали, хотя, если не считать Ангелину, все были, как на подбор, хорошенькие.

Нас было восемнадцать человек, мы занимали три купе плацкартного вагона. Это был отряд молодых рабочих: пятнадцать человек с галантерейной фабрики, двое откуда-то еще и я восемнадцатая, сопровождающая. В дорожные документы моя фамилия была вписана без всяких пояснений, и спутники мои до поры до времени не знали, что их семнадцать, а думали, что нас восемнадцать.

То было время, когда на перронах больших и малых городов уже отыграли оркестры, с самодельных трибун отзвучали напутственные речи, но на газетных страницах продолжало звенеть спелым колосом слово «целина». Это была другая, настоящая целина, а наша, куда мы ехали, лежала в пределах существующего совхоза. Почти в каждом сибирском хозяйстве была такая целина — заброшенные, залежные земли. И вдруг им повезло: отблеск казахстанской зарницы упал на иссушенный лик этих земель.

Сказали мне в обкоме комсомола:

— Наши добровольцы хорошо проявляют себя в Казахстане. Теперь надо осваивать свою «малую целину». Вам поручается расшевелить галантерейщиков.

В обком я пришла с просьбой отправить меня на работу в пионерский лагерь. Школа, в которую явилась по распределению, стояла на ремонте, и в отделе народного образования посоветовали до начала учебного года поработать с пионерами. Но в лагерь я не попала, а уже вечером того дня сидела в президиуме собрания галантерейной фабрики и, волнуясь, искала слова, с которыми надо было выступить и перевернуть жизнь сидящих в зале.

— Конечно, можно прожить жизнь без бурь и потрясений; стать мастером своего дела, жениться, выстоять очередь на квартиру, нарожать детей. А потом, в старости, осознать, что был у тебя случай шагнуть в иную, высокую жизнь, но ты этот случай отодвинул от себя ногой. И не надо горевать, что старость пришла. Ты уже был старичком в свои двадцать лет...

Записывались в отряд сразу после собрания. Времени на размышления было столько, сколько надо, — целая ночь. Утром каждый должен был подтвердить свое решение.

— Это несерьезно, — сказал мне после собрания директор фабрики, — сорок человек! С кем же мы останемся?

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

Я поглядела на него с сожалением: есть, конечно, люди эгоистичные, остальные, с узким взглядом на жизнь, но зачем же выставлять это напоказ?

— Ваши рабочие оказались сознательнее вас, — ответила я директору. — Вам бы стоило задуматься об этом.

Лицо его в гнев сморщилось, я видела, что если бы он мог, то выгнал бы меня, но я была не просто я, а рупор общественного дела, и он, поборов в себе неприязнь, спросил:

— А вы сами лично едете?

— Да.

— Видите ли, наша фабрика специфическая, — пытался пробиться ко мне директор. — Как бы вам это объяснить, у нас работает много физически нездоровых людей. В их числе мой сын. У него врожденный порок сердца.

— Он записался?

— Записался. — Директор вздохнул.

Теперь он стал мне еще больше понятен: не просто свой интерес ставил выше общего дела, а личный интерес.

— У нас везде одинаковое медицинское обслуживание, — объяснила я, — но там, куда мы едем, есть одно преимущество — свежий воздух.

Я сказала правду: воздух там оказался свежий, степной. И Платону с больным сердцем этот воздух пошел на пользу. Так почему же этот разговор с его отцом остался в памяти преступлением? Наверное, я не раз причиняла своими словами боль людям, но два из них до сих пор жгут душу стыдом. Этот, с директором, и еще один, с мамой. Она приехала ко мне через полгода, и я умоляла ее не общаться с соседями по улице, не открывать рта, когда придут ко мне подруги из редакции. Я стеснялась ее деревенского белорусского говора.

Из сорока фамилий в списке осталось пятнадцать. Директор фабрики не глядел на меня победителем: что я вам говорил! Его сын не передумал, уезжал с нами, и директор избегал моего взгляда. Зато его жена то и дело жалила меня своими

черными безумными глазами. Когда оркестр, отыграв марш, умолк, она вдруг закричала на весь перрон:

— Куда же ты, Платошенька, дитятко горькое?! Что ты со мной наделал, сыночек?

Муж не подходил к ней, отмежевался от ее криков. Платон обнимал мать, утешал. Я подошла к ним.

— Не надо так отчаиваться,— сказала я матери Платона,— все будет хорошо. Вы еще будете гордиться своим сыном.

Она вздрогнула.

— Зачем мне гордиться?! Не надо мне гордиться!

Я отошла от них. А она все плакала навзрыд и сделала черное дело, заразила провожающих своими стенаниями. Заплакал трехлетний малыш на руках у Ангелины, матери с причитаниями стали обнимать своих дочерей. Нет, это был не отряд целинников, а какая-то похоронная команда с полным составом плакальщиц.

Один Чугай был похож на настоящего целинника. И женщина, провожавшая его, вела себя достойно, не плакала, а глядела на Чугая и других отъезжающих, как мне казалось, с гордостью и грустью.

Когда поезд тронулся, я спросила у Чугая, кто его провожал.

— Мама. Мы же похожи, одно лицо.

— Очень уж молодая.

— Да я сам еще пацан,— ответил Чугай,— с чего ей быть старой?

Он был моим ровесником, что еще за пацан, но мне нравилось все, что он говорил. Не было ничего такого, чем мог бы Чугай принизить себя в моих глазах. Даже то, что он из всех выделял некрасивую Ангелину, украшало его.

— Ангелина,— заигрывал он с ней,— а чего это все девчонки кудрявые, а ты как из-под дождя?

— Им завлекать вашего брата надо, а мне не надо.

— Ну-у,— Чугай огорчился,— всем надо. Давай я тебе бигуди подарю.

— Подари,— отвечала Ангелина,— только ведь не подаришь. И не только мне.

Никому не подаришь.

— Это почему?— Чугай не понимал.— Жадный, что ли?

— Кто дарит,— отвечала Ангелина,— тот берет и дарит. О чем тут разговоры разговора?

Когда Ангелина уснула на плече у Платона, я увидела взгляд, брошенный на нее Чугаем. Он взглянул на нее пристально, сведя брови, и было в том взгляде что-то похожее на страдание: что ж ты такая некрасивая?..

Мы уезжали утром и вечером уже были в Тарабихе. В станционном ресторане на диванных столах дымилась тарелка с борщом. Мы вошли в этот зал в состоянии легкой невесомости. Мужчине из райкома партии произнес приветствие, фотокорреспондент районной газеты, перебежав с места на место, увековечил прибытие отряда. У меня до сих пор хранится одна из фотографий: на фоне переходящего Красного знамени транспортного общепита наши молодые, словно подставленные ветру лица.

Уже стемнело, когда крытый фанерой грузовик помчал нас из райцентра в совхоз «Рабочее поле». Дно кузова было выстлано березовыми ветками. У кабины на запасном колесе сидел директор совхоза Суров и на все наши вопросы с улыбочкой отвечал: «Утрясем». Это был замечательный ответ. «Где будем жить?». «Утрясем». «Какая работа?». «Утрясем». Даже на вопрос, не к дождю ли заволочло тучами небо, директор ответил: «Утрясется».

Впереди нашего грузовика бежал «газик». В нем ехали представитель райкома, редактор газеты «Заря» Матушкина и фотокорреспондент. Несколько раз «газик» останавливался, редактор Матушкина подходила к нашему грузовику, откидывала задний борт и внимательно оглядывала нас, словно пересчитывала.

— Как самочувствие?— звучал ее озабоченный голос.— Может быть, кому-нибудь куда-нибудь надо?

Потом мне в жизни еще не раз доводилось быть в составех разных делегаций, и я вспоминала этот крытый фанерой грузовик и лицо Матушкиной, устремленное к нам с заботой и любовью. Есть особая защищенность у путешествующего коллектива— взрослый человек начинает себя чувствовать, как дитя в люльке: его везут, привозят, кормят, поселяют, и начинает казаться, что ноги уже неспособны на самостоятельные шаги, а в душе ни по какому поводу, никогда не родится тревога.

На центральной усадьбе совхоза в нашу честь горели гирлянды огней, среди лозунгов, приветствующих целинников, был один первомайский: «Труд. Мир. Май». Наш пахнущий березовым листом отряд прямо из кузова попал в объятия радости, любви и ликования, и, казалось, конца этому празднику не будет. Все дышало заботой, даже полевые цветы, которые нам вручали, были в кувшинах и в банках с водой.

Была середина июня. Посевная давно закончилась, в совхозе шла выборочная косьба трав. На митинге, который проходил в школьном зале, о сенокосе говорили возвышенно, называли его первым трудовым крещением новоселов. И виновники торжества отвечали достойно:

— Мы приехали к вам не в гости. Мы приехали навсегда. С сегодняшнего вечера совхозная целина— наша судьба...

Только поздно вечером, когда нас разделили— парней отправили в общежитие механизаторов, а девчат— в дома рабочих совхоза,— сорбленная старушка баба Маня остудила мою разгоряченную голову. К ней определили на постой меня и Ангелину. В доме было две комнаты: кухня и, как баба Маня называла, зала. В зале стояла высокая нарядная кровать с пирамидой подушек чуть ли не до потолка.

— К такой кровати лестницу приставлять надо, чтобы залезть,— пошутила я. Хозяйка удивилась:

— Кто же на кровати летом спит? Сейчас сенники внесу, окна открою. Пол чистый. На полах у нас летом спят. Зимой же другое дело. Только до зимы дело не дойдет, к зиме вы уже все дома будете.

Сказала спокойно, убежденно, без желания спорить и уличать приехавших в чем-либо.

Я не уснула в ту ночь, все думала, как-то сложится у отряда дела. Впервые увидела, как приходит рассвет, как сияют стекла окон, потом голубеют. На широких ступенях крыльца спала кошка. Открыла глаз, потом второй и пошла провожать меня до калитки. А я двинулась по немощной, разбитой колесами дороге в центр села. Оно уже просыпалось. Из дворов неохотно, словно надеясь, что их покликают назад, выходили коровы. Старик пастух в расстегнутом ватнике

волочил кнутовище, безучастно глядя, как собирается на дороге его войско. Солнце еще только поднималось, но жара уже схватила приземистые строения и деревья с кривыми стволами и бурой пыльной листвой. Баба Маня права, не задержатся здесь новоселы. Жить в этой унылой, опаленной жарой местности мог только тот, кто здесь родился, кто не привык к лесам, рекам, к настоящим домам с террасами и кустами сирени в палисадниках.

Я шла по улице и мечтала встретить Чугая. Что ему стоило проснуться на рассвете и выйти мне навстречу? Я бы ему сказала: «Чугай, что это тебе не спится?» А он бы ответил: «Мне показалось, что ты уезжаешь. Не уезжай».

Но вместо Чугая я увидела на краю села женщину с двумя чемоданами в руках. Она шла, волоча свои чемоданы, а за спиной у нее горбом возвышался тюк. Когда я подошла к ней, она опустилась на землю и откинулась на тюк, как на высокую подушку.

— Вы пешком из Тарабихи, со станции?

Женщина кивнула— пешком. Освободилась от тюка, перетащила его и чемоданы к обочине. И тут я ее вспомнила. «Зачем мне гордиться? Не надо мне гордиться!» Это была мать Платона. Но та, у поезда, была старая, глупая и жалкая, а эта— молодая, решительная и сильная. Достала чайник из тюка и протянула мне.

— Сходи за водой. Отдохнем, пока все спят, перекусим.

Она не спросила, чего это я вскочила в такую рань, вела себя спокойно, неторопливо, как человек, достигший своей цели. Я принесла воду, она наполнила кружку и не спеша выпила. Потом я лила ей воду из чайника в ладони. У нее были узкие кисти рук, продолговатое лицо с внимательными черными глазами. Когда она сняла платок, на плечи упала такая густая темная волна волос, что я даже усомнилась: та ли это женщина?

— Ешь,— она протянула мне пирожок,— и ничего не говори мне. Что ты можешь сказать? Ты молодая, ты ничего еще в этой жизни не знаешь. А я вырвала Платона у смерти, когда ему было восемь лет.

— Судя по вашему багажу,— молчать я не умела,— вы приехали сюда навсегда. Она глянула на меня с усмешкой.

— Умеешь красиво говорить: «Судя по вашему багажу». Попробовала бы сама с такими чемоданами!

Так и не ответила, навсегда приехала или чтоб увезти домой сыночка. Я повела ее в общежитие механизаторов. Шла с ней рядом, перекидывала из руки в руку тяжелый чемодан и успокаивала себя: это не я иду к Чугаю, это к Платону спешит его мать. А я, как повелось, сопровождаю.

Мы подошли к общежитию и увидели на крыльце Платона. Он стоял голый по пояс и босиком, с полотенцем через плечо. Увидел мать, бросился к ней и стал стаскивать с ее спины тюк, потом обернулся ко мне и сказал:

— А Чугая нет, он к вам пошел.

— К кому это «к нам»?

— Туда, где вас с Ангелиной поселили.

Я там не жила, только ночевала. И Чугай пошел не «к нам», а ко мне. Если бы я не побежала ему навстречу, а сидела в доме и ждала, мы бы не разминулись. И сейчас, если побегу за ним, опять разминемся. И я, гордясь собой, что есть у меня и характер и воля, повернула в другую сторону. Шла и думала: нет, не доживут здесь до зимы новоселы. И странное дело, это уже не волновало и не заботило меня. Даже вдруг захотелось, чтобы они сейчас же, немедленно уехали. А Чугай бы остался. И я бы тогда осталась. Подошла бы тогда к нему и сказала: «Ты не один, нас двое».

Обед, как и вчерашний ужин, был праздничным. Правда, подзавяли в кувшинах и банках полевые цветы, но по-прежнему горячи были тосты-речи, и директор Суров поглядывал на всех по-прежнему ободряюще: утрясется, ребята, новая жизнь, все будет хорошо.

— За целину возьмемся осенью,— сказал он,— а теперь, поскольку мы одна семья, давайте по-родственному договоримся, что будем считать целиной любую работу в совхозе: и сенокос, и закладку силоса, и фермы...

Ему, наверное, очень хотелось, чтобы все поскорей утряслось, потому что он тут же достал блокнот из кармана и стал записывать, кого куда: кого на заготовку кормов, кого на ферму.

Платон записался скотником на ферму. Матери его за столом не было, но я поняла, что они оба не уезжают, остаются в совхозе, и шепнула директору:

— Утром мать к Платону приехала. Кажется, навсегда. Так что еще пополнение.

Неожиданно для меня новость эта взбудоражила директора. Он вскочил, подбежал к Платону и потащил его к двери. А за меня, пока директора не было и застолье с тостами-речами прервалось, взялась редактор районной газеты Матушкина. Подседа ко мне, обняла тяжелой жаркой рукой и предложила:

— Напиши статью о новоселах.

Я отнекивалась, тогда она вытаскала свой козырь:

— Не хотела до времени говорить, но уж скажу: решается вопрос о твоей работе в нашей газете.

— В какой газете? У меня направление в школу.

— Редакция— тоже хорошая школа.

Слова Матушкиной переполнили сердце предчувствием: что-то произойдет, видно, судьба мне здесь остаться. Чугай сидел за столом далеко от меня, я не глядела в его сторону. Но то, что мы утром пошли навстречу друг другу и разминулись, было событием, связавшим нас.

— Но я не умею писать статей,— говорила я Матушкиной.

— И не надо уметь,— отвечала она,— ты организовала отряд, привезла сюда, вот и напиши об этом так, как написала бы в письме близкому человеку.

Суров вернулся вместе с матерью Платона. За столом сразу стало тихо, словно присутствие этой женщины придавало законченность торжеству. Парторг совхоза поднялся и стал докладывать, сколько угодий в хозяйстве, каково поголовье скота. Суров тоже свои слова обращал к матери Платона:

— Цифры— безлика вещь, но, когда вы здесь освоитесь, все эти цифры оживут. Это как с людьми: попробуйте запомнить сразу все имена хотя бы сидящих за этим столом. Не сможете. Но постепенно, день за днем будете каждого человека называть своими именами.

Мать Платона была за этим столом случайным человеком, приехала не целину поднимать, а по зову своего чадолюбивого сердца. Зачем же они так заискивают перед ней? Разве она организовала и привезла сюда отряд? Я с обидой покинула застолье. Это была не вся обида, а только половина. Вот если Чугай не пойдет за мной следом, обида будет полной.

Если начать этот рассказ с разговора о людях, вам может показаться, что я нарочно выбрал самых лучших людей (так бы, конечно, и сделал я) во всей их уникальности. Но, пожалуй, человеческие дела не менее приметны и доказательны, чем собственно люди; я еще раз прикинул, с чего бы начать, и в памяти принялись пульсировать цифры.

Существуют всезнающие статистики, умеющие все распределить по местам. Иные из их выкладок необходимы, но порой при всей своей надобности они мертвы, бездоказательны, если не приняли в себя ничего, кроме цифр. Мне же весь числовой ряд киевской биографии очень дорог потому, что я знаком с его значением, да и любому из советских читателей будет близка и понятна эта цифра. Киевская статистика имеет значение всемирно пропагандистское — хотя бы в такой привычной для нас подробности, что в городе уже очень давно нет неграмотных, безработных или бездомных людей (ни Лондон, ни Рим, ни Париж, ни американские города не могут похвалиться таким). 375 киевлян ежедневно празднуют новоселье, более полумиллиона человек приходят каждое утро в учебные заведения Киева (до революции у нас трое из четырех не умели читать и писать, в Риме или Париже и сегодня тысяч по четверста неграмотных жителей, а в Нью-Йорке много больше). Ежедневно в городе выпекается 800 тонн хлеба и на 12 миллионов рублей продается разных товаров (и в этом — вызов чужому миру; я могу сказать вам, сколько людей на свете ежедневно погибает от голода в странах, изувеченных капитализмом, как вчера еще погибали мы, — да боюсь показаться самодовольным). Город добр, сыт, красив и умен; он молод (не только по графической формуле «наш древний и вечно юный...», а по своему виду и своей сущности), продолжает расти, хоть занимает уже более 780 квадратных километров территории, наделяя каждого из почти двух с половиной миллионов киевлян 280 квадратными метрами зеленых насаждений (столько зелени тоже нет ни у кого больше, ни в одном из мировых центров)...

Это Киев. Когда незадолго до юбилейного мая в городе шел XXIV съезд комсомола Украины и улицы помолодели оттого, что к нам приехало отовсюду столько добрых юных гостей, один за другим проходили субботники. Сотни тысяч людей пришли первыми посетителями и хозяевами не только к древним сокровищам, но и к новым памятникам, в музей, к Золотым воротам, проросшим из глубины времен. Именно в эти дни открывается новый музей Ленина, монумент Дружбы народов, обелиск Победы; пожалуй, этими словами — Ленин, Дружба, Побе-

да — наполнен и жив наш сегодняшний день... Столица Советской Украины распаивает перед гостями свою память и свои надежды на будущее; во многих случаях — это общая память и надежда для всех. Очень хочется назвать сейчас великие имена, но этими именами тоже скреплена современность; пример, лежащий на поверхности: но и вправду ведь я иду к себе на работу по улице Ленина, мимо парка Шевченко, через площадь Октябрьской Революции. Если остановиться на древней Печерской горе, то можно, повернувшись лицом к вечному Днепру, увидеть перед собой левобережные, новые, белостенные районы города, где сосредоточена половина киевского населения. Но в это же время справа от тебя взблескивают купола тысячелетней Лавры, а слева красуются постройки, вошедшие в историю архитектуры за двести — триста последних лет. Все вместе...

Когда-то великий киевлянин Тарас Шевченко говорил о необходимости жить, чтобы не оставалось даже «зерна неправды за собою». Это правдолюбие, стремление к истине, познав которую народ живет достойнее и лучше, во все века отличались социальным смыслом, во все времена золото народной души сияло ярче всего. А по золоту монет и даже золоту куполов мы узнаем, кто и когда приходил к нам в гости.

В киевском музее исторических драгоценностей во множестве представлены золотые и серебряные монеты разных времен и стран, драгоценные сосуды, грузинские перегородчатые эмали и тяжелые греческие кресты, медные римские котлы и скифские украшения для колчанов и конской сбруи. Если распластывать киевский грунт слой за слоем, то слои эти пролистываются, будто книга нашей истории, в которой самыми нетленными остаются золотые буквы. Это несправедливо. В Киеве есть многое, что дороже всех древних и новейших монет на свете, а сами монеты интересны разве что как визитные карточки стран, в которых были чеканены. А стран этих всегда было немало — торговать с Киевом, подружиться, породниться с ним считали за честь во все времена: киевлянки становились супругами правителей древней Европы, киевляне считались одними из самых стойких и умелых воинов. Легендарная киевская богатырская застава — три васнецовских богатыря — одно из воплощений репутации наших предков.

Нас — это русских, украинцев, белорусов...

Память о нашей общности, значение общности этой — будто бельмо во глазу врагов. Смысл всякой из войн, навязанных нам, любого нашествия, рушившегося на наши земли, был всегда одинаков — разделить, разъединить, противопоставить, лишить нас спасительного единства. То, что на киевском

СРЕДЬ ПОЧЕТНЫЙ

Киеву — 1500 лет

СТАЛИ ПРИВЫЧНЫМИ
НА РЕКЕ «МЕТЕОРЫ».

ЧУДЕН ДНЕПР ПРИ ТИХОЙ
ПОГОДЕ...

ПРИЕЗЖАЙТЕ В КИЕВ!

ия: «Эстафета дружбы и подвига»

ГОРОДОВ ГРАЖДАНИН

Виталий КОРОТИЧ

памятнике Владимиру Ильичу Ленину высечены великие слова вождя: «При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина возможна, без такого единства о ней не может быть и речи...» — наш урок на все времена. Это тот высочайший уровень, на котором 1500-летие Киева смыкается с 60-летием всей Советской страны. Мы шли к единству сквозь трудные века своей истории, выстрадав, завоевав и отстояв его.

То, что Киев у нас есть — будто ощущение славянским древом одного из своих самых прочных и глубоких корней. Возникший на одном из главных соединительных путей древности — «из варяг в греки», Киев оставался и остается одним из ключевых, узловых городов славянского мира. Вся его история будто непрерывная эпоха возрождения; подвергаясь наскокам, сгорая в пламени лютых битв, Киев строится и отстраивается, обзачает дома датами очередных воскрешений из пепла, дарит уверенность и надежду на то, что жизнь народа бесконечна, а справедливость неистребима.

Когда киевский князь Ярослав Мудрый разгромил печенегов у городских ворот, он заложил и возвел в память об этом событии одно из самых великих сооружений славянской древности — Софийский собор. Стены этого собора, выстояв во всех огнях и сражениях последующих времен, остались едва ли не единственным неповрежденным памятником из такой глубины нашей общей истории, что голова кругом идет, когда заглядываешь в ее колодцы. При раскопках на территории Софии Киевской находят множество осколков керамики, изоржавленное оружие, а однажды нашли даже плоский кирпич — плинфу, на котором оттиснулись копыта и детская стопа. Здесь жили добрые люди; они выпасали скот у своих домов и храмов, делали вино, пекли хлеб, но если надо было, брали в руки оружие и кровью оплачивали свой мир и свободу.

Когда производили раскопки, а вернее сказать, просто рыли пещей подземный переход, углубляясь в землю на главном киевском километре, Крещатике, вдруг открылись обугленные останки ворот, сквозь которые более семисот лет назад татаро-монголы ворвались в город. Развалины находились на небольшой глубине в том же месте, где недавно еще и поверхность земли была покрыта руинами: ведь фашисты не оставили от Крещатика камня на камне. Так они существуют соединенно в течение всей истории — разрушители с разрушителями, а защитники с защитниками. Киев непримирим, зная, насколько дорого приходится платить за собственное достоинство и свободу, он никогда не останавливался перед самой дорогой ценой, если шла речь о добром имени

страны и народа. Он многократно бывал городом-героем: с той самой поры, как татаро-монголы в течение 74 дней штурмовали город всей ордой и смогли захватить его лишь после того, как последний из защитников Киева пал смертью храбрых.

...Много раз я пытался представить себе, какими были они — создатели, защитники, летописцы Киева. Внешний облик их, реставрируемый в фильмах, спектаклях, иллюстрациях к историческим романам, во многом предположителен. Я не представляю их себе так же отчетливо, каждого по отдельности, как представляю спасителей, освободителей Киева в годы Великой Отечественной. Подходя к Вечному огню, пылающему на киевской горе, к могиле неизвестного солдата, я в тысячный раз перечитываю имена своих освободителей из фашистской неволи — русские, грузинские, украинские, армянские, башкирские имена — и думаю о том, что Киев был вынесен из огня потому, что не был одинок, потому что всегда был городом-братом для всех братьев и друзья приходили к нему отовсюду. Читая своим детям старинную киевскую легенду о Кирилле Кожемяке, сокрушившем символического Змия-поработителя, я думаю, что и древний наш Кирилл был непобедим потому, что знал: он не одинок в своем деле. Сказки о киевских витязях и героях с новой силой воскресали при каждом из вражеских нашествий, и сами герои, кажется, возрождались заново для новых битв.

...Они ведь были, как мы, те древние киевляне, которые обороняли «мать городов русских», строили и отстраивали ее. Во все времена умение растворить собственную жизнь в народной истории было одним из самых почетных и высоких; думаю, что это не случайно — из глубины веков дошли до нас имена героев, строителей и полководцев; памятники не увековечивают единый предатель. Прошлое настолько естественно прирастает к настоящему и так убедительно прикасается к дню грядущему, что когда киевские строители не так давно принялись восстанавливать древний парадный въезд в Киев, Золотые ворота, то фигуры рабочих на подкупольной высоте воспринимались как нечто вполне естественное: будто уходило они на несколько столетий и возвратились только теперь. В Киеве так случается с домами, с книгами и людьми. Чертежи первоначального вида Андреевского собора, чуда, созданного Растрелли, отыскались не так давно, и уже в последнее десятилетие строение было воссоздано в «растреллиевском облике»; великие сооружения не умирают у нас в городе, даже не деформируются...

Возможно, я преувеличил в последнем предположении, но разные киевские столетия прежде всего соединя-

У ЭТОЙ ПЛОЩАДИ
САМОЕ ДОРОГОЕ ИМЯ —
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

НАЧИНАЕТСЯ УТРО.

С ИСКРОЙ ЧЕЛОВЕК

ерунды — из-за проходной. Ведь как ни устраивайся, а она все равно останется на своем месте, на всех одна. И стыдно было даже представить, что, уйдя от ребят, от сегодняшних трудностей, попадет она в неловкое положение человека, который вроде и не сделал ничего плохого и тем не менее, чуть словчив, поставив себя в незаслуженно лучшие сравнительно с другими условия, вынужден будет при каждой случайной встрече с прежними товарищами отводить глаза в сторону.

Таким был самый первый якорек, ударивший ее в бригаде.

Второй якорь был уже настоящим — многопудовым, прочно вонзившимся в донную твердь, чтобы удержаться на быстром течении массивный корпус корабля, в рождении которого она принимала самое непосредственное участие.

На праздник спуска Ира присутствовала впервые и хорошо помнит, как поразила ее простая мысль: вот только что навсегда ушла под воду ее работа и отныне суровым судом океанов будет проверяться качество каждого проложенного ею в междудонном пространстве шва. Собственно, варить ей приходилось и многие другие, не менее важные узлы, но сейчас ответственность ее работы предстала как-то особенно наглядно, заставив по-новому осознать истинную цену своей профессии.

Спустя некоторое время корабль, как и положено, проводили в плавание. Под звуки оркестра он торжественно, теперь уже навсегда, покинул заводской причал и... навсегда остался в Ириной судьбе как первая и самая важная строка уже взрослой, рабочей биографии, писать которую она, вчерашняя школьница, начала собственными руками. Мечты о геологии как-то незаметно отошли на второй план, очевидно, потому, что это были хоть и серьезные, но все же мечты. А тут во всей своей строгой красе и стальной реальности явилось настоящее дело, подарившее ей незнакомое прежде чувство гордости за умение и мастерство людей, способных сотворить подобное чудо, за то, что в их славном товариществе она смогла стать не последним и тоже кое-что значащим человеком.

— Ира — душа бригады и всей комсомольской группы участка, — рассказывает ее подруга Катя Шрамко. — Она из тех, с которыми хочется встретиться утром, чтобы день был светлее, и смело можно поделиться любыми заботами, зная, что она обязательно поможет.

Из многих высказываний и мнений об Ире Паршиной, услышанных на заводе, это было, пожалуй, самым лаконичным и точным. И еще запомни-

лись слова одного из Ириных наставников:

— Работа наша никогда не бывает одинаковой. Всегда есть какое-то дело полегче, какое-то потруднее. Так вот, самое трудное (так же, как и самый неудобный рюкзак в походах) Ира всегда незаметно старается взять на себя. И тем, если честно, здорово облегчает мою жизнь: ее пример на других действует куда убедительнее любого самого строгого приказа.

Наверное, из таких вот штрихов и деталей и возводится едва ли не самая сложная и загадочная конструкция человеческой природы — авторитет. Ира никогда не искала популярности, но она сама пришла к ней вместе с доверием коллектива, оценившего ее честность и прямоту характера. Комсомольцы цеха избрали Паршину комсоргом, коммунисты приняли ее кандидатом в члены КПСС. И профессиональное мастерство ее выросло: она давно варит «под рентген», удостаивается особой чести стать «крестной матерью» построенного для Югославии контейнеровоза «Мариам».

В отпуск Ира обычно стремится домой, в тихий город Ворсма, что в Горьковской области, где ждет, не радуется редким встречам мама Людмила Ивановна тоже работает на заводе — медико-инструментальном — и иногда с надеждой спрашивает, не хочет ли Ира вернуться, дело с ее специальностью и у них на предприятии найдется. Спрашивает, хотя по восторженным рассказам дочери и понимает, что судьбу свою она уже накрепко связала со знаменитым судостроительным заводом имени Жданова.

А он и в самом деле знаменитый, заметный даже в ряду таких прославленных ленинградских гигантов, как «Электросила», «Светлана», Кировский. Заметный прежде всего своей устремленностью в будущее, характерным для его коллектива высоким чувством ответственности. Немало ценнейших, важных для всей страны починов родилось в его цехах. Здесь впервые в отечественном судостроении был опробован и успешно зарекомендовал себя бригадный подряд (не случайно все суда десятой пятилетки были сданы заказчикам ранее намеченных сроков). Здесь возникла и другая, широко подхваченная ленинградцами инициатива — обеспечить в одиннадцатой пятилетке весь прирост объема продукции при фактическом уменьшении численности работающих в основном производстве. Естественно, что во всех этих начинаниях участвуют и комсомольцы предприятия, по давней традиции берущие шефство над особо важным заказом. Сейчас им стал ролкер «60-летие СССР», отлич-

ный от своих предшественников величественными размерами, большим водоизмещением и заметной модернизацией основных узлов.

Ну, а поскольку цех Иры достроенный, то и она и ее комсомольцы найдутся на самом переднем крае всех заводских дел. Особо примечательным в жизни Ирины Паршиной выдалось начало 1980 года. Впервые увидела себя по телевизору: как, волнуясь и смеясь, разбивает бутылку шампанского о высокий борт «Мариам». А буквально через несколько дней новая неожиданная честь — на заводском собрании ее выдвинули кандидатом в депутаты Кировского районного Совета г. Ленинграда.

Жила тогда как в тумане — на встречах с избирателями стеснялась своей молодости и очень боялась, что попросту не справится с новыми обязанностями. Одно дело цех, хоть и немаленький, но там все свои, а здесь — тысячи совершенно незнакомых людей. И комиссия ей досталась ответственной — по народному образованию и профессионально-техническому обучению. Конечно, и школа и ПТУ для нее места не чужие, училась и там и там. Но одно дело — учиться самой, а другое — вникать в круг проблем, связанных с тем, чтобы у сегодняшних мальчишек и девчонок занятия проходили на должном уровне. Так что и в новой своей общественной должности пришлось ей заниматься хорошо знакомыми производственными делами, заботясь о том, какое пополнение получат из учебных заведений ее избирательного участка завод имени Жданова, Кировский, другие предприятия района.

Хлопоты на молодого депутата Паршину навалились самые разнообразные. Ход комплектования и ремонта ПТУ, подготовка к летнему сезону городского пионерлагеря, посещаемость вечерних школ и качество полдников в школах продленного дня, нехватка помещений для детского клуба «Искатель» и заливка катков во дворах — что ни день, неделя, то новые, порой непредсказуемые по своей неожиданности задачи ставила перед Ириной жизнь. А еще кто-то приходит жаловаться на соседей, кто-то на тесноту в коммунальной квартире, общественники требуют убрать подальше от окон несносную клиентуру винного магазина, разбить во дворе сквер...

— Я повзрослела за последние два года сразу лет, наверное, на десять, — рассказывает Ирина. — И убедилась, что недаром говорят в народе: «Кто в Совете, тот за все в ответе». Ведь во мне люди видят конкретного представителя Советской власти, ну и спрашивают, обращаются соответственно.

Замечу, что настойчивости при выполнении своих депутатских обязанностей и наказов избирателей Ирине не занимать. И, если дело того стоило, она не стеснялась обратиться в самые высокие инстанции, потревожить самых ответственных людей. Моральный долг депутата, права, закрепленные за ним Конституцией СССР и другими законодательными актами, открывали перед ней любые двери, и справедливости ради отметим, что никогда и нигде отказа она не получила.

А то, что эта кропотливая, отнимающая массу времени и моральных сил работа внешне не всегда заметна, волнует ее мало. Принцип тот же, что и в цехе: поменьше авральных ситуаций! Пусть дети сочтут само собой разумеющимся, что к их приезду в пионерлагерь завезено необходимое количество постельного белья, пусть учащиеся ПТУ никогда не узнают, что вовремя приступили к учебе благодаря вмешательству депутата, сумевшего «повлиять» на строителей. Все это норма. Плохо, если она вдруг оказывается нарушенной, как, скажем, в случае с директором одной из школ, которого по ходатайству народных депутатов пришлось отстранить от должности.

Ну, а соответствует ли сама Ирина своему высокому и почетному депутатскому званию? Рабочие завода имени Жданова положительно ответили на этот вопрос, вновь выдвинув ее кандидатуру в местные Советы. Только теперь избиратели будут голосовать уже не за комсомолку, а за коммуниста Паршину, члена партбюро одного из крупнейших цехов судостроительного завода имени А. А. Жданова.

Много хороших, добрых слов было сказано о ней на собрании. Но меня удивил такой факт — вроде бы даже с одобрением ребята говорили о том, что она несколько раз отказывалась от поступления в кораблестроительный институт. Почему?

— Я реалистка, — улыбается Ира. — На вечернем при таком обилии общественных нагрузок попросту не потяну. А на дневном... Не представляю, как расстанусь со своим цехом, с ребятами. Шутка ли — несколько сухогрузов и контейнеровозов, серию научно-исследовательских судов для Академии наук СССР вместе построили. А на субботнике 17 апреля заложили новый комсомольский ролкер «XIX съезд ВЛКСМ». И вдруг я на целых пять лет оставлю завод... Нет, не представляю.

Задумалась и, упрямо тряхнув коротко стриженной головой, добавила:

— Хотя понимаю — учиться все равно нужно. Значит, придется осваивать вечерний. Хватило бы только сил и упорства...

У нее хватит.

**ЛЕТЧИК ЛЮЛИН ПОГИБ,
НО МЕЛОДИИ ПЕСЕН,
КОТОРЫЕ ОН ЛЮБИЛ, И ПОНЫНЕ
ЗВУЧАТ
У НЕГО ВО ДВОРЕ.**

отгадать. Ответ на нее хранится теперь лишь в музее...

В музее первого Совета я увидел два меню. Справа — перечень блюд, которые были поданы к обычному обеду сильных мира того 18 января 1904-го: «Суп опорто, пирожки разные, форель под каперцевым соусом, котлеты де воля и пожарские, фазаны, рябчики и куропатки, салат и огурцы свежесолосные, спаржа, цветная капуста и горошек, соуса: польский и сабайон, пирожное дам-бланш и буше, фрукты». Слева на стенде — не менее ежедневный «выбор блюд» рядового ткача: «картофель, хлеб, селедка, лук, капуста, чай». А из горячего — мурцовка. То есть разведенные в воде соль, лук и хлеб...

— Подпольная кличка старшего Киселева, Алексея, была «Грач», — рассказывает Нина Ивановна Штуканова. — Арестовывали его два раза, сослали под

**РЕВОЛЮЦИОННАЯ —
ОДНА
ИЗ САМЫХ МОЛОДЫХ
ИВАНОВСКИХ УЛИЦ.
ЗДЕСЬ ЖИЛИ
БРАТЯ КИСЕЛЕВЫ.**

Архангельск. Однажды сидим дома, вдруг вбегает Алексей, говорит: «Спрячьте меня, за мной жандармы...» В чем дело? А у них стачка была, он ею руководил, а тут прошел слух, что на Талке убили урядника... Мы соседи Алексея, потому он к нам и забежал... Спрятали, — переводит дух Нина Ивановна. — А в тридцатые годы Алексей Семенович был на ответственной партийной работе...

Нина Ивановна и Анатолий Михайлович помнят, как давным-давно, еще до революции, в этот дом тайком пробирался Михаил Васильевич Фрунзе. Сохранились документы: в конце прошлого века в доме Киселевых была подпольная явка ивановских социал-демократов, а позднее — и партийная типография. В дом Киселевых приходили и многие из тех, кто боролся за новую жизнь, а после Октября дал свои имена почти трем десяткам ивановских улиц.

Памяти первых борцов за правое дело город посвящает обычно последнюю неделю мая. В эту последнюю неделю жители городских микрорайонов, где расположены улицы-именинницы, отмечают день рождения своего родного уголка. Нет, они не собираются долго и торжественно. Просто выходят на дворы, на свою агитплощадку. Или на балкон. Или раскрывают пошире окно. Кому как удобно.

Но к Вечному огню в один из дней этой праздничной недели на берег легендарной Талки приходят все, кто свободен в это утро от своих текущих дел. Местное радио начинает свои передачи с торжественных слов: сдержавшие свою клятву наши деды очень надеются на внуков своих и поэтому лучшим памятником борцам за общее дело будет труд максимально высокого качества.

Под звуки симфонии Шостаковича «1905 год» делегации всех ивановских предприятий и учре-

дений возлагают цветы к мемориалу «Красная Талка».

...Под вечер, переодевшись и перекусив после работы, во дворах улиц-именинниц собираются соседи. В день рождения улиц по их проезжей части не маршируют праздничные колонны, поскольку маршировать-то особенно некуда: улица — своя, дома — свои. А если своя улица — настоящий дом, то по нему вроде и незачем постоянно ходить. Лучше посидеть вместе. Обсудить текущие дела, Повспоминать вслух. Помынуть тех соседей, которые никогда уже не смогут вернуться к себе домой.

Старики расскажут молодым, как в середине тридцатых годов токарь завода «Ивтекмаш» Сергей Михайлович Люлин, окончив ивановский аэроклуб, ушел в армию. «Сосед Серега» стал военным летчиком и погиб героически на войне в небе Прибалтики, под Ригой. Как-то приехали на праздник улицы Люлина латвийские пионеры, которые ухаживают за могилой героя. А сейчас среди соседей — сестра летчика, Антонина Михайловна.

Во дворе уютно расположился местный духовой оркестр. Обычный гость на празднике — из обкома, облсполкома, райсовета или райкома; кинофильм и кукольный театр, показ мод, и местный вокально-инструментальный ансамбль. Желающие — танцуйте! А чего стесняться? Кругом все свои.

Многое могут соседи, если сообщат. «Мой дом — моя крепость»?

«Наш двор». «Наш дом». «Наша улица». Так начинаем мы говорить.

Может так говорить. А раз так — возможно ли подвести, не поддержать соседа? И он тебя никогда не подведет. Он же тебя знает и думает про тебя так же, как ты про него: «Хороший он человек».

**Петр НОВИКОВ.
Фото автора**

улицы имени соседа

...Тот субботний вечер в конце мая доставил немало хлопот доброму домашнему сторожу по кличке Джек. Через обе калитки шли гости, и Джек кидался радостно то к дочери Штукановых, учительнице Светлане Анатольевне, то к соседке тете Вале, то к двум тетям Нинам — Журавлевой и Стуловой, тоже соседкам; а в это время открывалась калитка со стороны сада — соседка тетя Таня несла самовар и пряник... Джек, желая встретить всех достойно, метался как угорелый.

Если выйти из дома Анатолия Михайловича Штуканова через парадную калитку, то сразу попадешь на улицу, а другая ведет по тропинке через сад и картофельное поле к агитплощадке 18-го микрорайона, в который, помимо доброго десятка Вишневых улиц, входит и улица Революционная, на которой так удобно стоит дом Штуканова.

Каждый год в конце мая улица Революционная празднует свой день рождения. День памяти братьев-большевиков Алексея и Михаила Киселевых, которые здесь жили и всю свою жизнь отдали за то, чтобы мелкая деревенька Авдотьино стала 18-м микрорайоном города Иваново, родины первого Совета рабочих депутатов России. Дом братьев-большевиков и по сей день стоит напротив дома Штукановых.

— Отгадайте загадку, — грустно улыбается супруга Анатолия Михайловича Нина Ивановна. — что такое мурцовка?

...И очень хорошо, что никто из нынешних молодых не может ее

**ПИРОГИ ПРИНЕС СОСЕД СЛЕВА,
САМОВАР — СОСЕД СПРАВА.
НА ЭТОТ РАЗ СОСЕДИ СОБРАЛИСЬ
В САДУ У ШТУКАНОВЫХ.**

ДЛЯ ЧЕГО ПРИДУМАН ГОРИЗОНТ

КАПИТАНЫ
И ПИЛТЫПО МАТРОСАМ
ПО ВОЛГЕ.

«ДЕСАНТ» ЮНЫХ РЕЧНИКОВ.

В Горьком начиналась весна. Город оживился, заспешил. Мальчишки пускали в лужах свои маленькие кораблики, ловко сделанные из листка бумаги. Помните детскую песенку?

*Поважнее президентов,
Поглавнее королей
Капитаны, капитаны
Бумажных кораблей*

А помните, как на вопрос взрослых «Кем ты будешь?» мы неизменно отвечали: «Матросом или моряком» — и, шмыгая носом, надвигали на лоб бескозырку.

Потом были сны. Тебе двенадцать лет, ты стоишь на капитанском мостике, в руках — штурвал. Твой корабль невесом, белоснежен, послушен. Ты рад свежему ветру, щедрому солнцу, ты доволен своей командой.

Оказывается, все это может быть наяву. 19 мая 1958 года Горьковское детское речное пароходство имени Аркадия Гайдара подняло флаг первой навигации. Бумажные кораблики превратились в настоящие теплоходы. Их сегодня два — «Юный водник» и «А. Гайдар». Летом ребята уходят на них в походы по Оке и Волге до Муром, Касимова, Рязани, Ульяновска, Рыбинска, Костромы, Казани. На привалах костры во всю ночь, песни, игры, смех, соревнования с пионерскими лагерями, помощь колхозам. А на теплоходе успевай все заметить: и знаки на берегу, и бакены на воде, не забудь дать отмашку встречному, не наскочи на лодку, которая идет тебе наперерез, дай дорогу тяжелому сухогрузу. Сегодня ты капитан. Смотри, думай, принимай решения.

В пяти минутах ходьбы от Московского вокзала — трехэтажное новенькое здание с тяжелыми якорями у входа

Улица Гордеевская, дом 5а. По этому адресу почти восемьсот ребят приходят ежегодно на занятия в ГДРП. За два года учебы они становятся не только близкими друзьями, они получают специальность — рулевой-моторист. Каждый пятый из них потом поступает в речное училище, в институт инженеров водного транспорта, в военно-морские училища.

Начальник пароходства Геннадий Андреевич Кулаков, мальчишкой мечтавший о белоснежном корабле и начавший свою трудовую биографию кочегаром на пароходе «Трудящийся», уже пятнадцать лет с нетерпением ждет осени: новый набор, новые ребята, новые заботы. Каждый стремится скорее на капитанский мостик, каждый ждет праздника. Каждый видит себя в щегольской форме. Но до лета занятия в лабораториях, где оборудование — можно позаимствовать.

Здесь как в школе. Журнал, оценки, проверки посещаемости, родительские собрания. Только предметы необычные: устройство речных судов, флажная сигнализация, основы судовождения и на-

вигации. Какой же ты матрос, если не умеешь намертво связать концы морским узлом? К лету надо набраться сил и умения, чтобы ходить на веслах и под ларусами, нести четырехчасовую вахту, готовить пищу, разбивать палатки. И дебаркадер придется самому красить, и топор в руки взять. Надо порой и перестроить себя: в пароходстве жизнь серьезная.

Здесь как у студентов — зачеты, конспекты, аттестация. Никто тебя не будет подгонять, тянуть. Летом все проверит. Стыдно бывает «троечникам» перед девчонками, которые в пароходство приходят с великим любопытством. Вот что в маленьком сочинении написала семиклассница Света Балдина: «Я люблю приключения и путешествия. Вообще-то я хочу быть учительницей. Но мне нравятся моряки. У них отличная дисциплина, выправка (мне бы такой быть!). А в пароходстве я хоть немного почувствовала себя моряком».

После занятий можно на трубе в духовом оркестре играть, можно инте-

ресный фильм в кинозале посмотреть, можно в судомодельном кружке сделать модель парохода. Можно вместе со следопытами «пройти» героическим путем Волжской военной флотилии. Юные водники нашли восемьдесят ее бойцов и благодаря им составили карты боевых действий, выяснили состав и вооружение судов.

В сентябре во многих школах Горького высаживаются «агитаторский десант». Мастера производственного обучения, педагоги, капитаны и механики теплоходов рассказывают ребятам об истории пароходства. За четверть века на своих кораблях юные водники перевезли более полумиллиона пассажиров — таких же веселых и шумных мальчишек и девчонок, как они сами. Красное полотнище с буквами ДП поднималось в Волгограде, Чебоксарах, Ульяновске, Москве, Ленинграде. Юные водники участвовали во втором Всесоюзном финале военно-спортивной игры «Орленок». Судомodelисты пароходства — частые участники и призеры ВДНХ. У горьковчан друавай не счастье. Ленинградский областной клуб юных моряков, Московское детское речное пароходство, Ярославская детская флотилия имени Ф. Ушакова. Все они собираются на традиционные слеты. Живут дружно, празднично, интересно.

Родители волнуются всегда. И всегда приходят провожать своих детей, часто не замечая, как они взрослеют. Сегодня «Юный водник» и «А. Гайдар» уходят в поход. Будьте спокойны, мамы и папы. Ваши дети уплываюут в сказку и мечту. Их ждут открытия, удивления, у них будут победы, у них будут часы, которые самые счастливые. У них есть детство, которое началось с бумажных корабликов...

ИЮНЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС» С НОВА В ПУТИ

Легендарный «Восточный экспресс» — да-да, тот самый, что у Агаты Кристи, — вновь покотился по рельсам. Правда, у него слегка изменился маршрут: теперь он курсирует не между Парижем и Константинополем (Стамбулом), как в былые времена, а между Лондоном и Венецией. Но что значит такая, право же, бездельница — главное, что знаменитый экспресс, снискавший славу «поезда поездов», снова значится в железнодорожном расписании.

Впервые он проделал свой путь в 1883 году. С тех пор его скандальная известность росла подобно снежному кому: ведь как-никак события в «Восточном экспрессе» легли в основу примерно 400 детективов и около 50 приключенческих фильмов. Чего стоила одна история рождения экспресса, вызванного к жизни манией величия тогдашних монархов, которые стремились раз и навсегда проторить дорогу к некогда значительному турецкому порту! Затем наступила эпоха воздухоплавания. Со временем самолеты окончательно «списали» в категорию музейных редкостей прогоравший по всем статьям «Восточный экспресс».

И вот недавно одна из британских судоходных компаний разыскала поезд на запасных путях, повибивала моль из заплывших плещей и переоборудовала вагоны, не покусившись на дорогостоящие излишества. Вот результат: состоятельные снобы раскупили все билеты на многие рейсы вперед.

24 часа в «Восточном экспрессе» стоит столько же, сколько билет первого класса на самолет, летящий тем же маршрутом. Скорости экспресс и не обещает, но судит «суперсервис со всевозможными изысками», который, по мнению хозяев экспресса, должен в какой-то мере компенсировать отсутствие в наш прозаический век головокружительных приключений в духе Агаты Кристи...

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

Тайна делийского столба

Всемирно известная колонна из нержавеющей стали, стоящая перед въездом в столицу Индии город Дели и называемая поэтому иногда «делийским столбом», не дает покоя ни туристам, ни ученым. Да и в самом деле любопытно — человечество лишь на вершине своего технического могущества наладило производство нержавеющей стали, и вдруг оказалось, что эту самую сталь умели делать наши далекие предки полтора тысячелетия назад!

Ни следа ржавчины не видно на этой колонне высотой почти в восемь метров и массой в шесть тонн. Известен химический состав колонны: 99,72 процента железа, следы углерода, серы, фосфора и марганца. Впрочем, это довольно скудная информация, не дающая ответа на вопрос, каким способом изготовлена колонна. Сомнительно, чтобы приложили руку гипотетические «пришельцы», скорее всего искусные мастера древности были посвящены в секреты того, что теперь зовется порошковой металлургией.

Председатель Индийского национального комитета по истории науки доктор Суббараяпта недавно сообщил, что хотя на колонне имеется надпись о том, что она поставлена царем Чандрой в V веке нашей эры, это ничего не говорит ни о дате, ни о

месте изготовления. Несомненно, что изготовлена она была не в районе Дели, а возраст ее значительно больше, чем считали до сих пор. Время ее изготовления следует отнести к «великому железному веку Индии», то есть к периоду между 1000 годом до нашей эры и 200 годом нашей эры.

«ДЕЛЬТА», ВЕНГРИЯ

Происшествие с Рембрандтом

На скамье подсудимых в лондонском суде оказался некий Андриан Пью — восемнадцатилетний безработный. Сюда он попал за кражу рамы к картине.

Находясь в конторе адвоката Брайена Солтреза, он заметил на стене небольшую гравюру и, соблазненный красивой, богато отделанной рамой, украл ее. Офорт он безжалостно выдрал из рамы и выкинул в ближайшую канаву, а раму оставил себе. Когда по прошествии пары дней полиция нашла вора, то он был безмерно удивлен, узнав, что выброшенный им офорт — работы великого Рембрандта и стоил ни много ни мало шесть с половиной тысяч долларов.

Лондонский уголовный суд направил Пью в исправительную колонию.

«ИНТЕРНЭШНЛ ГЕРАЛЬД ТРИБЮН», США

ПЕРВАЯ КАРТА ЗВЕЗДНОГО НЕБА?

Кто и когда составил первую карту звездного неба? Одним из возможных ответов на этот вопрос может служить любопытная фреска, находящаяся в знаменитых римских катакомбах, на потолке гробницы Присциллы, патрицианки греко-римского происхождения. Фреска датирована I веком нашей эры.

В нижней части изображения можно увидеть мадонну с младенцем, рядом — фигура мужчины, указывающего на ветвистое дерево. Ученые высказали предположение, что каждый фрукт на этом дереве в действительности представляет собой звезду, а ветки дерева нарисованы только для того, чтобы замаскировать карту звездного неба.

Зачем же понадобилось маскировать карту? Как уже было сказано, фреска была создана в I веке нашей эры, когда занятия астрономией (в то время не отделившейся от астрологии) считались делом предосудительным.

Супруг Присциллы носил имя Аквила (на латинском языке это означает «орел»). Было логично поэтому начать расшифровку карты с созвездия Орла. И действительно, при внимательном рассмотрении плодов над фигурами возникло точное совпадение с расположением звезд этого созвездия. А с левой стороны от фигуры мадонны находится пятно, как будто изображающее какую-то звезду. Расчеты показывают, что в V веке до нашей эры здесь должна была находиться планета Венера. Уж не она ли была легендарной «Вифлеемской звездой» эпохи зарождения христианства?

И то, что на первый взгляд представлялось некоей идилической сценкой (мадонна, дерево и т. д.), на самом деле оказывается старейшим дошедшим до нас участком карты звездного неба.

«СМИТСОНИАН», США

Контрабандисты — тайные хозяева рынка

Сухопутным путем, по воздуху и по морю в Португалию ежедневно поступают контрабандные товары стоимостью в 60 миллионов эскудо (около миллиона долларов), свидетельствует таможенно-пограничная служба страны. Она ведет отчаянную и, увы, почти бесперспективную борьбу с этим злом.

Замешанные в контрабанде международные дельцы доставляют все — от табака, игровых автоматов, автомашины, электробытовых приборов, мяса и рыбы до стада крупного рогатого скота, нелегальным путем перегоняемых из Испании на бойни Португалии. Главные источники «черного товара» находятся в США, ФРГ, Японии, Франции.

Банды контрабандистов располагают современной техникой. Товар прибывает в португальские территориальные воды на грузовых судах водоизмещением 600—800 тонн. По суше с помощью подделанных документов контрабандисты доставляют товар в контейнерах прямо клиентам. Существование контрабанды в таких масштабах угрожает развитию ряда отраслей отечественной промышленности, вызывает трудности сбыта ее продукции, особенно электронных товаров.

«ПОНТУ», ПОРТУГАЛИЯ

Современные вампиры

«Это хуже, чем бойня», — заявил свидетель, благодаря которому полиции удалось проникнуть в бразильские тайные лаборатории. Мир с ужасом узнал, что существуют врачи, для которых человек является более дешевым материалом, чем кролики, обезьяны или мыши...

По самым бедным окраинам городов ходят специальные вербовщики. Источенные от неведения бедняков, мужчин и женщин, заманивают (под предлогом, что им предоставят бесплатный медицинский уход) в тайные лаборатории. Каждый литр крови, который получают здесь, потом продается на зарубежном рынке крупным американским, западногерманским или французским лабораториям. Выгодный бизнес — для всех, кроме жертв.

Тайные бразильские лаборатории, разумеется, не являются лишь источником торговли кровью. В условиях, когда не соблюдаются элементарные требования гигиены, предпринимаются самые различные опыты, например, испытывают новые методы стерилизации или проводят эксперименты с гормонами, не объясняя, естественно, этим большей частью неграмотным людям, что опыты серьезно угрожают их здоровью.

«МЛАДИ СВЕТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

БАБУШКА И БАНК

В семь часов утра пожилой рабочий Йоганн, проживающий в окрестностях Нюрнберга, не спеша позавтракал и спокойно отправился на работу. Перед уходом он сказал своей жене Веронике: «Зайди сегодня в банк и возьми немножко денег — нужно оплатить кое-какие счета».

Пять часов спустя кроткий Йоганн был потрясен страшным известием. В обеденный перерыв он позвонил домой, чтобы напомнить жене про банк, и вдруг услышал неизвестный голос, холодно и трезво сообщивший ему: «Мы из уголовной полиции. Немедленно явитесь домой. Ваша жена ограбила банк, и мы ее арестовали».

— Когда полицейские ушли, я никак не мог в это поверить: моя жена — грабительница? — рассказывал Йоганн. — Мы столько лет прожили вместе, и с чего это вдруг моей старушке вздумалось пойти на такое? Увы, моя Вероника, моя скромная серая мышка, как я ее называл, призналась в этом ограблении и в нескольких других...

Когда муж ушел на работу, Вероника, закончив обычную домашнюю работу, сняла фартук, села на велосипед и поехала в банк. (Естественно, не в тот, где ее муж держал деньги.) Надвинув на лицо капюшон, она с пистолетом в руках подошла к кассиру и потребовала денег. Кассир, уповая на свое пуленепробиваемое стекло, отказал ей. Тогда «серая мышка» Вероника направила ствол пистолета на входную дверь и заявила, что застрелит первого, кто войдет в банк. Кассир отсчитал 3000 марок, которые бабушка положила в свою пластмассовую сумку. В момент, когда она вышла на улицу и направилась к старенькому, как и она сама, велосипеду, на нее обратил внимание случайно оказавшийся здесь полицейский. Он попросил ее открыть сумку, где обнаружил пачку денег, шерстяной капюшон и пистолет.

«КВИК», ФРГ

БРАК ПО-ЯПОНСКИ

Ежегодно в Японии заключается около 750 тысяч браков. И каждый раз молодые японцы воздают дань традиции: ни один брак не обходится без свахи. В этой роли выступают самые уважаемые люди — родственники, начальники по службе, почитаемые друзья дома. Есть люди, для которых сватовство стало своего рода хобби.

Сколько стоит японская свадьба? Подсчитано, что среднему японцу эта церемония обходится в 1 миллион иен (примерно 4 тысячи рублей). И рядовые японцы экономят на всем, лишь бы скопить денег на свадьбу «как у людей».

Зал для свадебной церемонии заказывают обязательно на тот день, который, согласно древнему поверью, считается счастливым. Определить его можно по специальному календарю. Переговоры об организации свадьбы ведутся только с будущими молодоженами, без родственников и родителей. Такое положение дел устраивает весьма выгодно — они навиваются на неопытности жениха и невесты. «Ведь это бывает раз в жизни!» — вот самый весомый аргумент в устах дельцов от брачного бизнеса.

«ЗЕ ИСТ», ЯПОНИЯ

Жилой дом на астероиде?

В космическом пространстве, между орбитами Марса и Юпитера, вращаются около 2500 астероидов, диаметр которых не превышает нескольких километров. Учеными ряда стран разработаны проекты использования этих небесных тел. Один основывается на сборке в космосе установок по улавливанию солнечной энергии для передачи ее на Землю. Модули намечено выводить на орбиту и там производить монтаж. Согласно другому проекту, предполагается изготавливать различные элементы и конструкции непосредственно в космическом пространстве — с целью разработки полезных ископаемых, которые содержатся в астероидах. Это потребует создания внеземных колоний. Люди будут находиться под прозрачным колпаком, защищающим от радиации, а необходимую для жизнедеятельности энергию обеспечат солнечные батареи. Четко сбалансированный экологический цикл даст жителям воздух, воду и продукты питания. Поселение представляется в виде башни, где будут сосредоточены жилые помещения и автоматические системы управления производственной деятельностью. Космические корабли обеспечат транспортировку сырья на Землю. Для этого на астероидах оборудуют посадочные площадки и туннели-ангары. Когда начнется практическое воплощение в жизнь этих пока еще фантастических проектов? Быть может, скорее, чем кажется: ведь наше время живет в стремительном темпе...

«КУТЕЗАТОРИ», РУМЫНИЯ

БЕДА АЗИАТСКОЙ ВЕНЕЦИИ

Если не принять мер по спасению Бангкока, то примерно через 20 лет на месте, где сейчас находится столица Таиланда, будет разливаться водная гладь.

Согласно данным, приводимым в исследовании Ведомства по охране окружающей среды, только за последние три года Бангкок опустился на 30 сантиметров. Некоторые участки города возвышаются над уровнем моря всего на 40—50 сантиметров. Как полагают эксперты, удержать их над водой дольше 10 лет не удастся. А другие районы почти двухсотлетней столицы тайландского королевства «дотянут» лишь до 2000 года.

«У Бангкока те же проблемы, что и у Венеции», — заявил один из сотрудников ведомства, д-р Рахой. Причина оседания — бескон-

трольное использование подземных вод. День за днем промышленные предприятия и прочие крупные потребители воды, например, отели, выкачивают из-под земли миллионы литров грунтовых вод, создавая «вакуум», в который и опускается город.

«К сожалению», — говорит д-р Рахой, — наши предупреждения не находят пока нужного резонанса. Нам необходимо убедить правительство и общественность как можно скорее принять меры по спасению города. Иначе возрастет не только вероятность затопления — подскочат и суммы, которые приходится ежегодно выделять на устранение ущерба».

«БАНГКОК ПОСТ», ТАИЛАНД

КУРЕНИЕ И БИЗНЕС

Каждый заядлый курильщик знает, что годовая сумма расходов на сигареты весьма внушительна. Впрочем, курение, как долгое время было принято считать, — личное дело каждого. Однако этот тезис поставил под сомнение американский бизнесмен Уоррен Макферсон. Произведя кое-какие цифровые выкладки, он с 1977 года перестал принимать курильщиков на работу в свою фирму «Радар электрик», находящуюся в городе Сизтле. А чтобы туда не проник какой-нибудь скрытый табакотлюб, во всех помещениях были установлены электронные индикаторы табачного дыма.

Через некоторое время количество персонала уменьшилось с 90 до 85 человек, так как уменьшилось общее количество дней, пропущенных по болезни (некурящие, как известно, болеют значительно реже, чем любители сигарет). Макферсон стал

платить меньше страховых взносов за своих сотрудников, уменьшились расходы по уборке помещений, а в бывшей курительной комнате устроили склад запасных частей, сэкономив таким образом ценную производственную площадь. Никто уже не прожигал сигаретами ковров и мебели, и это тоже вошло в калькуляцию.

А Макферсон продолжал подсчеты и пришел к следующим выводам: если какая-либо фирма не принимает на работу курящих, то она может сэкономить 10 процентов на зарплате, 30 процентов на выплате страховых по болезни и пожару, 50 процентов на амортизации мебели, 50 процентов на уборке помещений и 75 процентов на оказании помощи при нетрудоспособности.

«ФАЙНЭНШЛ ТАЙМС», ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

САМЫЕ-САМЫЕ...

Тоненькая пластинка, которую осторожно держат пальцами перед объективом, — не что иное, как часы, и, конечно же, «самые-самые». На этот раз — самые плоские, всего 0,98 мм. Правда, за это кварцевым часам, изготовленным швейцарской фирмой «Конкорд», пришлось поплатиться таким важным качеством, как водонепроницаемость. Но тот же «Конкорд» выпускает еще одну модель: ее отличает максимальная степень водонепроницаемости при минимально возможной толщине — 2 см 58 мм.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ», ШВЕЙЦАРИЯ

Обзор зарубежной печати. Материалы печатаются в изложении

Евгений СОЛОМЕНКО

грудь. Сейчас он стоит в тихом музейном зале, глядя в ее глаза, забыв про все вокруг. А на рисунках и полотнах, заполнивших стены музея, идет своя жизнь: смеются мальчишки из далекого аула; старое дерево одиноко возвышается над голым холмом; среди буйства зелени поет песню речка — веселое и хрупкое сердце оазиса; смотрят с холстов люди — крестьяне, художники, ковродельцы...

Тихо, очень тихо в зале. Скоро эта тишина кончится. Кто-то будет торжественно разрезать ленточку, потом произнесут подобающие случаю речи, собравшиеся будут вежливо аплодировать, фотокорреспонденты засверкают своими «блицами»... Но сейчас, пока стоит тишина, пока Дурды еще наедине со своими картинами, что чувствует он? Прощается с ними? Желает «большого плавания»? Может, жалеет о сделанном?

В Ашхабаде не помнят такого. Такого здесь просто никогда не было. Когда пошли разговоры, что молодой, но уже известный художник, лауреат премии Ленинского комсомола Дурды Байрамов

дарит родному городу большую коллекцию своих работ, многие сначала не верили, сомневались: правда ли? Оказалось, правда. Его подарок — это сорок семь картин и сто сорок четыре рисунка. Если перевести на деньги — целое состояние, многие десятки тысяч рублей.

О денежной стоимости своего дара Дурды не думал, но об этом стали думать и говорить другие. Бескорыстный поступок вызвал массу пересудов, догадок и подозрений. Некоторые лаконично усмехались: «Ну и дурак!» Другие возражали: «Дурак, говорите? После такого подарка можно рассчитывать на благосклонность «высоких инстанций!» А один товарищ «в кулуарах» сразу после открытия этой выставки-дара раздраженно передернул плечами: «Конечно! Так каждый начнет дарить свои картины, если будет уверен, что их выставят в музее!»

Шла обычная, упорядоченная и освященная буднями жизнь, и вдруг этот нарушивший равновесие поступок. Даже некоторые из тех, кто искренне любил Дурды и не пытался найти в этой истории «двойное дно», участливо предупреждали его: «Смотри, все ли тебя правильно поймут?!» А между собой вздыхали: «Чудак!»

Но почему, собственно, чудак? Почему людей, совершающих подобные по-

В БЕССМЕРТИЕ.

Каждая морщинка на лице этой старой женщины для него родная. Эти глаза согревали его, засыпающего в колыбели. Эти губы прикасались к его лбу, когда он метался в жару, принося прохладу и успокоение. Дурды не знает своей матери, не помнит ее, но эту женщину он ласково зовет «эдже» — «мама». Она приходила к нему вместе с солнечным лучом, бьющим в окна его мастерской, она смотрела на него из глубины комнаты, и даже во сне он видел ее глаза — тревожные, вопрошающие, бесконечно добрые, и морщины, и седые пряди из-под платка. Именно такой он изобразил ее на «Портрете матери», висящем теперь в музейном зале.

Мадонна — прекрасная, как весна, мудрая в своей красоте материнства — живет, бессмертная, на сотнях, тысячах полотен. Его мадонна (как не идет ей это красивое, но такое далекое и чужое слово!) стара; сорок лет назад судьба отняла у нее мужа, увела его в ночь. Она стояла тогда на пороге, смотрела вслед и словно не замечала дождя, только старалась укрыть от его холодных струй годовалого сына, спокойно спящего на руках. Потом она растила сына и строила кошары для овец, когда хватало муки — месила тесто и пекла лепешки; собирала ветки саксаула на дрова и стерегла колхозный скот. И все это время ждала и до сих пор ждет мужа и не хочет верить бумаге с еле видимым штампом, в которой написано, что ждать не надо, ждать бессмысленно.

Год за годом Дурды живет этой ее верой, и боль ее сердца ударяет в его

КОВРОВЩИЦЫ.

У РЕКИ.

ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ.

О НА ПОСТУПОК

ступки, мы спешим назвать чудаками, донкихотами? Неужели благородные, бескорыстные поступки в нашей жизни уже переходят в категорию чудес? И кто они все-таки, те, к кому мы спешим примерить нашу «палочку-выручалочку» — затертый от употребления эталон «чудака»? Может быть, для них отменили материальную заинтересованность? Или же они предельно неприязнательны?

Они живут рядом с нами, ходят по тем же улицам, стоят в тех же очередах — живые, непродуманные и совсем не похожие на мечтателя из Ламанчи. Не строители воздушных замков, не «с луны свалились» — они родились и выросли на нашей земле, корни их в эту землю ушли глубоко и надежно, узловые и сильные, как руки крестьянина, рабочего или художника. Он спешит через занудную хмарь ашхабадской зимы, больше напоминающей ленинградскую осень, в свою мастерскую. Скорее встать перед полотном, вдуматься в него, слиться с ним...

Это началось три года назад. К молодому, но уже одному из лучших художников Туркмении, Дурды Байрамову, пришел его друг, директор республиканского Государственного музея изобразительных искусств Аннадурды Алмамедов:

— Дурды, в художественном училище курс «горит» без педагога. Выручай!

— Ты что, смеешься? Сам же прекрасно знаешь: у меня скоро большая выставка.

Потом приходил упрашивать завуч училища. И тоже получил отказ. Но когда пришли сами студенты, им Байрамов не смог отказать: персональная выставка отошла на второй план.

— Вот это и есть наша студия, — водит он меня по подвальные помещения, уставленным холстами, мольбертами, скульптурами. — Раньше здесь все было завалено мусором, паслись пьяницы и картежники. Мы очистили подвал, провели электричество, и теперь все это наше. Вон в углу специальная рисовальная бумага из Москвы, японские и голландские кисточки. Тут мы храним краски, холсты, подрамники, гипс.

Он не сказал, что все это отремонтировано, куплено и установлено на его средства. Об этом я узнал позже от его друзей. И подумалось: он что, богатый филантроп, которому кошелек позволяет быть добрым? Ответ на этот вопрос нашел, когда ближе познакомился с Дурды как с человеком, художником, коммунистом. Вот тогда и понял, что жизнь и судьбы этих молодых ребят незаметно росли в его собственную жизнь и отделить их друг от друга уже невозможно.

Разве есть эталон, которым можно было бы измерить время, вечный цейтнот художника, приковавшего себя к холсту, его мучительные поиски дороги — одной-единственной, своей? Так же, впрочем, как и картинам и рисункам, подаренным родному городу, не подберешь эквивалента в любом наборе дефицитного ширпотреба.

Вместе с учениками искал он помещения для студии, вместе с ними месил глину и замазывал ею дыры, белил стены и потолки. На днях еще до рассвета его разбудил телефонный звонок:

— Дурды Байрамович! Трубу прорвало — студию заливают!

Мокрый по пояс, вытаскивал он из затопленного подвала картины ребят. И ему казалось: он спасает детей, как когда-то, много лет назад его самого спасали из дома, сотрясавшегося от толчков землетрясения.

— Для чего тебе такая студия? Что она у тебя отнимает — понятно, а вот что она тебе дает?

Многие задают ему подобные вопросы. И он отвечает:

— Еще года четыре ребят поучу, а потом устрой экзамен. Свой, личный. Вот тогда и увидим, удался я как художник или нет.

Заслуженный деятель искусств Туркмении, лауреат премии Ленинского комсомола, постоянный участник многих всесоюзных и зарубежных выставок... И вдруг — «удался или нет?» Странно, не правда ли? Но в этих словах Дурды ни тени позы или кокетства.

Любое истинное произведение искусства рождается в сердцах людей человечности, чистоты, любовь к красоте, к труду, к земле отцов. Разве этого мало? Но Дурды Байрамов считает: он обязан воздействовать на окружающих не только через свои полотна — одного этого действительно мало! — но и через своих учеников. До сих пор в республиканской организации Союза художников нет пока ни одной туркменки-живописца. Сейчас в студии Байрамова обретают мастерство две туркменские девушки, и учитель верит: они станут художниками! Ныне летом одна из них поступила в Московский художественный институт имени Сурикова. А вторая — в Академию художеств.

— Научить способного человека писать картины — это не все! Художник начинается не с мольберта и кисти, а со своего взгляда на жизнь. Взгляда, который придется отстаивать, за который придется драться. Значит, надо учить видеть жизнь и любить ее. А что-то ненавидеть. И еще — не гнаться за успехом, за дешевой славой. Если мне удастся научить своих студийцев всему этому, значит, я самый счастливый человек на свете!

Настоящая, неподдельная человечность не рождается сама собой, она завоевывается кровью, мозолями, шрамами на душе, от которых, впрочем, душа не становится жестче. Вот мы и вернулись к корням, что питают его бескорыстие и в то же время не дают превратиться в беспочвенного мечтателя, прочно связывают с землей. Корни эти уходят в детство — голодное и бесприютное, когда каждый день одна забота: чем бы набить пустой желудок, как выжить? И в юность, когда с другом брали один обед на двоих, а случайно появившиеся деньги тратили на краски и кисти. Нет, трудности и лишения сами по себе еще ничего не определяют, они могли бы и ожесточить Дурды. Дело в тех прекрасных людях, которые встретились ему в детстве (недавно он выставил свои картины в ГДР, и многие посетители выставки, узнав его биографию, недоумевали: неужели этот талантливый художник, добившийся признания, титулов и наград, в прошлом был сиротой и беспризорником?!).

Да, был и сиротой и беспризорником. Но мальчишке не позволили стать одиноком волчком. Воспитатели Кызыл-Арватского детского дома, только что вернувшиеся с передовой, не могли допустить, чтобы дети военных лет пошли по вокзалам — «работать» с чужими чеמודанами. Они мечтали, чтобы ребята выросли настоящими людьми — назло сиротской судьбе, назло войне и голоду. А когда ребята выучились и пришла пора разъезжаться, учителя — фронтовики! — плакали, не стыдясь своих слез. Воспитанники плакали тоже. Потому что помнили, как те старались незаметно сунуть свой небогатый паек в общий котел, чтобы дети повели хоть чуточку сытнее, или как вечерами, перед отбоем, приходили в спальню, садились между кроватей и хрипловатым голосом начинали сказки, которые другим детям рассказывает мама. А

когда в Кызыл-Арвате случилось землетрясение, эти люди, забыв про свой дом, свое барахло, бросились, полуодетые, к детдому, вышибали оконные рамы и вытаскивали на улицу перепуганных детей, крепко прижимая их к себе и шепча на бегу ласковые слова.

Вот эти уроки человечности Дурды усвоил на всю жизнь. Теперь и сам преподает такие уроки другим. Один из его учеников, Аннагельды Меретгельдыев, сказал:

— До встречи с Дурды Байрамовичем мы, оказывается, даже не знали, что такое искусство. А это прежде всего человечность.

Дважды учитель брал их с собой в столицу — знакомил с живописью московских музеев. В прошлом году возил их писать с натуры в Мары, нынче — в дивный горный край туркменских субтропиков — Кара-Кала. «Через месяц повезу их в Краснодарск, затем — в Ташауз. Пусть увидят и почувствуют Туркмению, поймут, что такое труд, что такое хлопот, что такое Каракумский канал. Тогда лучше поймут и полюбят Родину».

Родина. Он объехал много стран: зачарованно бродил в древних храмах Индии, в Голландии часами пропадал в залах музея современного искусства и замирал, восхищенный, перед памятником великому и навеки бесприютному Ван-Гогу, сливался с оживленно шумящей толпой на улицах Берлина и Дрездена... И впечатления от этих поездок помогали ему еще крепче, полней, осмысленней любить родную страну и землю своего народа: «Туркмения — это боль и радость, это суровость и нежность, это тяжелый труд и щедрость».

Несколько лет назад в одной газете появилась небольшая статья о Дурды Байрамове. В ней написано, что он с детства жил живописью, мечтал о ней. Это неправда. Никогда не мечтал и даже не думал, что станет художником. Окончил семилетку при детдоме и уже начал учиться в ашхабадском ФЗУ, как встретил случайно на улице бывшего одноклассника. «А я в художественное училище-интернат поступил. Слушай, переходи к нам, не пожалейешь!» И Дурды перешел. «Из Кызыл-Арватского детдома, говоришь? — спросил его директор. — Что ж, приму». Сам бывший беспризорник, воспитанник Макаренко, он внимательно приглядывался к новичку: как у него дела?

А дела были плохи. Первые полгода — одни тройки да двойки. Когда огласили итоги за полугодие, Дурды со стыда убежал из класса в спальное помещение, заперся изнутри, бросился на пол и зарыдал от обиды.

Потом встал, открыл дверь и сказал ребятам: «Вот увидите — через полгода буду учиться на одни пятерки, а еще через год мои картины займут первое место!» Ребята не поверили: «Куда тебе — мазила!»

С тех пор Дурды будет спать не больше пяти часов и работать, работать, работать. Рисунок за рисунком, этюд за этюдом, книга за книгой... От переутомления он однажды потерял сознание, и директор, не зная, как остановить мальчишку в этой сумасшедшей гонке, сначала припугнет: «Исключи тебя из училища за нарушение режима!» — а потом пошлет его в детский санаторий под Ашхабадом. После санатория Дурды снова как одержимый будет ночью тайком выбирать из спального помещения, открывать заранее снятое со спинок галетов окно в класс и при свете свечи, заслонясь от окна широкой ширмой — чтоб не заметили со двора, — рисовать. Когда утром ребята войдут в класс, очередной рисунок будет закончен.

А через год одна из работ Дурды займет первое место на конкурсе училища, и его наградят поездкой в Ленинград. Он придет в Эрмитаж и будет бродить по залам, пока не попадет в тот, где выставлены полотна Тициана. Потрясенный, ошарашенный, пораженный в самое сердце, он будет долго стоять перед его произведениями. И не будет никого и ничего на целом земном шаре — только он и холсты мудрого итальянца. Стоять заворожено и не замечать, как по щекам бегут слезы. Но это уже будут не те слезы обиды и горечи, что тогда — в запертой спальне, а слезы счастья, откровения и рождающейся мечты.

Так в нем проснется то трудное, названное, что составляет душу художника. Значит, все это было заложено в нем, и даже если бы не было той случайной встречи с товарищем по детдому, который привел его в свое училище, Дурды какими угодно запутанными и крутыми тропами, но все равно пришел бы к мольберту и кисти.

Тогда, в Эрмитаже, во время молчаливого свидания с великим художником, Дурды, конечно, не знал, что на выбранном им пути еще не раз придется пролить слезы отчаяния и любви, бессилия и творческой радости. И что всю жизнь ему придется учиться. Он уже давно стал членом Союза художников СССР, сам обучал будущих живописцев, был удостоен всяких премий на всесоюзных и международных выставках, но никогда не забывал: нельзя жить старыми запасами, надо учиться вновь и вновь. И он перечитывал Пушкина и Хемингуэя, Айтматова и Межелайтиса, Сулейменова и Гамзатова. Их произведения наполняли его новой силой и мудростью жизни, помогали ему как художнику, звали к чистому холсту. И опять он спал не больше пяти часов в сутки — как тогда, в училище, только теперь никто не мог запретить ему так работать, никто не мог пригрозить «исключить за нарушение режима».

— У него в мастерской всегда полно народу, — вздыхает Гозель — жена художника. И обращаясь к мужу: — Как ты можешь в таких условиях писать картины?

— Если я работаю — я запираю дверь.

— Да когда это твоя мастерская бывает запертой? — машет рукой Гозель.

Дурды в ответ только виновато и озорно улыбается: правильно, никогда! Это толку запирается, если сам заказал десяток ключей от двери и вручил всем воспитанникам своей студии: приходите в любое время дня и ночи, располагайтесь, работайте, пользуйтесь библиотекой! Мастерская для художника — святая святых, самое сокровенное. Но даже сокровенное он не запирает в себе или для себя, так и живет — с дверью, раскрытой для всех: «Входите, кто хочет, люди! Все это для вас!»

Придите на его выставку, взгляните в картины, вдумайтесь, вслушайтесь в них — они поют. Поют изысканные, как бы танцующие изгибы древесных стволов и ветвей, поют радостные, сочные, щедрые краски Туркмении, поют суровые и красивые лица людей — крестьянок, писателей, художников, расплауные настесте глаза детей. Вглядываешься в полотно — и будто слышишь пение дутара — простое и чистое, как звон горного ручья.

И вновь скорбные женщины снимают с себя золотые и серебряные украшения, чтобы помочь далекому фронту. И вновь колхозные девчонки и мальчишки смотрят с полотна прямо на тебя... И вновь наливаются спелым соком багряные гранаты — плоды земли и труда.

Я поднимаюсь на второй этаж, вхожу в мастерскую Дурды Байрамова. Здесь даже в плохую погоду воздух светлый и чистый. Здесь работает, учит, сомневается один добрый человек. Он живет рядом с горами и небом, он дарит свои картины людям, и у него много друзей. И поэтому он очень счастливый человек. Возможно, самый счастливый в мире.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДНЕВНИК

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Осенью 1956 года К. Г. Паустовский совершил путешествие вокруг Европы на теплоходе «Победа». Это была его первая поездка на Запад.

Во время плавания Константин Георгиевич делал дневниковые записи. А вернувшись, вскоре написал небольшую статью-эссе «Муза дальних странствий» (1957 г.). Впечатления от этой же поездки легли в основу очерков-рассказов «Толпа на набережной» (1958 г.) и «Мимолетный Париж» (1959 г.). Между дневниковыми записями в путешествии и перечисленными вещами существует принципиальное различие. И именно в этом различии заключен основной интерес дневников писателя.

Паустовский часто говорил, что, по его глубокому убеждению, писатель не должен никому рассказывать то, что он собирается написать или пишет в этот момент, так как ни в коем случае нельзя «выбалтывать» свои ощущения, идеи и находки. Любопытно, что сам Константин Георгиевич не «выбалтывался» даже перед самим собой, в своих дневниках, которые, кстати, вел на протяжении всей жизни. Отсюда их основная черта — предельная лаконичность, последовательная запись фактов и крайне скупые эмоциональные оценки этих фактов.

Дневники Паустовского — это скорее всего свидетельство художника, строгая фиксация того, что видит точный глаз не просто литератора в узком смысле, но глаз живописца, ибо мир в его дневниках предстает перед нами прежде всего в цвете.

И вторая сторона художественного своеобразия дневниковых записей — их построение напоминает принцип документального кино, где тот же зоркий глаз (на этот раз его можно сравнить с глазом оператора) выбирает из хаоса увиденного наиболее точные и яркие детали и выстраивает их в определенный ряд, создавая непрерывно движущуюся картину, где одни события спешат уступить место другим.

Несмотря на краткость, лапидарность изложения, на его почти телеграфный стиль, дневники все же несут печать общей писательской манеры Паустовского. «Мне кажется, — говорил он о себе, — что одной из характерных черт моей прозы является ее романтическая настроенность. Это, конечно, свойство характера». Приподнятый, несколько романтический строй определяет основную тональность и этих дневниковых записей.

Паустовский с ранних лет мечтал о путешествиях, о чем он писал и говорил неоднократно. Одним из его любимых занятий на протяжении всей жизни было изучение географических карт, лоций разных морей, морских энциклопедий. Множество раз он совершал путешествия в своем воображении и, казалось, знал, ну, если не весь мир, то Европу так, как будто жил там долгие годы.

Поняв и реально ощутив «поэзию чужих стран», Паустовский в то же время с новой силой почувствовал в этой поездке, как «прав был Тургенев, когда писал, что Россия может обойтись без каждого из нас, но никто из нас без нее обойтись не может» (об этом он написал в «Мимолетном Париже»).

Уже незадолго до смерти, поправляя и дополняя предисловие к собранию своих сочинений, Паустовский вновь вспоминает путешествие на теплоходе «Победа», которое казалось ему «нервальным и напоминало вымыслы юности». Но эти же воспоминания заставили его написать слова, ставшие теперь хорошо известными: «Я не променяю Среднюю Россию на самые прославленные и потрясающие красоты земного шара... Вся нарядность Неаполитанского залива с его пиришеством красок я отдаю за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки или за извилистую речонку Таруску — на ее скромных берегах я теперь часто и подолгу живу».

Эти дневниковые записи Константин Георгиевич не готовил для печати, но нам кажется, что они представляют интерес и для широкого читателя, который совершит на этих страницах короткое путешествие, где «поэзия странствий, слившись с неприкрашенной реальностью», даст возможность еще раз увидеть мир светлыми и острыми глазами Паустовского.

Галина АРБУЗОВА

НА СНИМКЕ: КАПРИ. ЗА СТОЛИКОМ С КОНСТАНТИНОМ ПАУСТОВСКИМ СИДЯТ ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПИСАТЕЛИ ЕЛЕНА КАТЕРЛИ И ЛЕОНИД РАХМАНОВ.

тезд в Одессу. Провожала Танюша. Галка. Дим.

4 сентября. В дороге. Синезерки. Детство. Сияющие, все в росе Брянские леса. Рыжие лапоротники. Первые приметы осени. Киев.

Одесса. Канны, солнце, порт. Океанская белая «Победа», порт завален товарами. Сорная вода, иностранные флаги. В город на такси. Аркадия, Дюк. Снова в порт. Долго не пускали старые сторожа. Бестолочь, заграничные паспорта.

Одиночество, уже скучаю. Каюта II класса. Теснота. Койка, как шкаф.

Отвал в полночь. Шум волн, уходящие огни Одессы. Красный огонь Воронцовского маяка. Город, — «казалось, он в дали шумящей утопал».

5 сентября. Утро. В море. Хмурый цвет. Днем открылись берега Болгарии — из охры и красной слоистой глины. Обрывы, леса, пустыньность. Дикий мыс Калиакра с маяком. Курорты — уже Европа. Синева, горы в дубовых низкорослых лесах.

Варна. Барельеф Димитрова на молу. Уютный порт. Маленький город вроде Феодосии.

В город — ряды цветов, оживленные улицы, извозчики и автобусы с колоколами, похоронные афиши на стенах, чудесные дети. С Граниным, Катерли, Рахмановым и ленинградским театральным критиком Цымбалом. Много чудных лавчонок. Кафе на тротуарах. Возвращались вечером. Глухота и булыжник незнакомых улиц. Сон на палубе.

6 сентября. Проснулся в море. Качает. Ветер, серые облака, берегов не видно. Идем к Босфору. Шторм в шесть баллов.

(Пишу это все в Эгейском море — сказочном, с лиловой, мягкой, прозрачной водой. Голубой небесный дым и тихое золото облаков. Древние страны человеческой мечты. По левому борту — остров Лесбос, в белом пару, желтеющий нагими каменными обрывами. Серая земля масличных рощ. Волнение до слез.)

В конце дня открылся среди гор вход в Босфор. Два маяка на коричневых обрывах, а потом — нечто неопределимое по множеству живописных скал, маяков, руин, волн, лесов, собранных каким-то чудом в одном

месте. Фелюги (как у Ван-Гога), — киноарь, зелень, лазурь. Форты.

Остановились в Каваках. Зурбаган. Соты домов, крыши из листьев винограда. Уют. Корабли. Закоулки. Турецкие девушки.

Карантинный врач на катере. Полицейские. Стали до утра на якорь. На спардеке с Граниным, Катерли, поэтом Орловым.

7 сентября. Пошли к Стамбулу. Причал у гостиницы. Гроздь домов, полицейские в белых касках.

Я — с ленинградцами. Турецкие журналисты (девушки), все в темных очках. Водопады солнца. Интервью, снимали. Переводил Гранин.

По улицам — джил с полицейскими (по просьбе посла, так как годовщина армянской резни). Все завалено товарами, теснота, тысячи чувяк. Медники, овощные лавки. Ткани.

Галатский мост. Путаница и теснота рей, труб, лодок, вывесок, людей, закоулков. Пакетботы по Босфору, увешанные спасательными кругами.

Ипподром. Египетские обелиски. Змеи (медные). Голубая мечеть. Старый турок с водой. Низкие святильники.

(Скутари — Искутар — лес кипарисов.) Аяя-София. Вход с переулка, запах сухого навоза. Сдавали аппараты. Зной.

Величие, прохлада, тишина. Гигантский невесомый купол, на арках десятков окон. Калище. 1400 лет. Архангелы, щиты с арабскими письменами (зеленые). Мальчик-журналист. По-французски.

Мозаика, кажется, византийская в проходе между стен.

Голос имама в мечети Сулеймание. Базары. Жандармы в пробковых шлемах и белых гетрах. Трамвай — первый и второй классы.

Приветствия. Студенты в кафе. Золотой рог. Омовение на улицах. Кладбища среди города.

Дворец Долма-Бахче. Канны. Вычурность. Прохладный, золотисто-пышный. Дымные зеркала, за окнами — пышные сады, розы, виден Босфор. Гарем. Потолок с хрустальными слезами. Наш гид — турок простой и веселый. «Суайе бьенвеню а Истамбул».

Усталость. Сераль. Сидел у входа в тени. Улочка около Археологического музея. Акимов.

Пера — улица Истиклял. Бешеное движение. Бешеные машины — шеволе. Писцы на улицах (на старых пишущих машинках). Турчанки в черном. Девочка в розовом. Воздушный поцелуй.

(До этого — где-то на окраине, у старых византийских стен. Работницы с табачной фабрики.)

Американский отель на столбах. Веера воды, газоны. Все это пересечено пустырями. Торговцы водой. Графины вместо пробок заткнуты лимонами. Кафе над Босфором. Оранжед. Кальян. Гранин и турчанка — «нзя!»).

8 сентября. Проснулся в Мраморном море. Пароход втягивался в Дарданеллы. Сухие древние горы, ущелья, розовато-желтая каменная земля. Галиполи. Цвет паленой бумаги. Ни одного деревца. Горячие бухты, фелюги.

Вышли в Эгейское море. Лиловая шелковая вода. Шествие великих и древних островов. Лесбос. Колыбель человечества. Ветер с островов. Весь день в ослепительной синеве. (Собрание ленинградцев.)

9 сентября. Встал в 4 часа ночи, до рассвета. Входили в Саронический залив. Ночь, потом смутный сумрак. Пронзительные створные огни Пирейского порта (зеленый и красный).

Огни Пирея. Причалили. Корабли. Греческие полицейские — вполне интеллигентные красавцы. Автобусы разных расцветок с гербами. Гид из России. Чудовищная жара — 39 градусов в тени.

Заливы около Пирея. Входят в ансамбль города. Олеандры — деревья. Слова Гранина о чужой красоте. Коттеджи.

Афины. Теснота. Могила неизвестного солдата. Акрополь над городом. Сжалось сердце. Памятник Байрону.

В Акрополь по стертым тысячелетним ступеням. Тон мрамора — топленое молоко. Мутная прозрачность, отблески (слоновая кость). Мрамор всегда холодный. Афины внизу, в сухой мгле. На холмах среди города — какие-то руины, огромные ионические колонны.

Зной. Подобрал несколько кусочков мрамора. Родион Щедрин снимал меня. Храм Ники — Победы. Желтый сухой цветок. Туристы — французы и немцы. «Но сувенир!»

В национальный музей. Много нового, только что найденного, поднятого со дна заливов. Посейдон из бронзы.

На улице, на парапете, где растет какое-то сочное зеленое растение с большими волнистыми лапками, как у портулака. Оранжед. Жара. Значки рабочим и мороженщику. «Иса крем!» Полицейский выпрашивал у мороженщика значок.

Часовые-сулиоты у дворца королевы Фредерики. Предместье Афин — фешенебельное. Отель «Паллас». Виллы Корбузье, новые дома палевой раскраски. Большие жалюзи. Олеандры. Сухая земля.

Отель. Экипажи, автобусы (автопульманы). Мальчик весь в пуговках. Обед на террасе. Макароны с томатом, любопытные официанты, дети на перилах. Сувениры. Белое вино.

Приехал посол. Концерт. Тарапунька и Штепсель. Джаз. Речь посла.

В город на площадь Плебисцита. Старики, обвешанные губками. Почти все говорят по-русски. Мальчишка с конвертами. Письмо Тане (почтамт).

Человек из России — больной, с крестиком на шее. Площадь, тысячи реклам, крики продавцов. С Катерли и Граниним пили оранжед на площади. Матросы. Старушка из Ростова-на-Дону. «Комиксы». Гирлянды темных очков — «консервов». Всех форм. Усталость.

В Пирей. В таверне в порту с Катерли. Пусто, старик. Лимонад. (До этого — заливы около Пирея изумительные. Гранин понял позицию чужих стран.)

Ночью отошли. Провожа лозо. В Ионическом море. Берега Греции — как багровый дым. Качает.

Качало весь следующий день, пока не показали берега Калабрии и Сицилии. Этна. Мыс Спартивенто. Изумительная вода — ляпис-лазурь. Обрывистый берег Калабрии. Лава, маяки, поселки. Все выжжено до корней. Высохшие реки с цементными руслами падают с гор. Сказочный разворот Мессинского пролива. Этна — огромный поднебесный вулкан. Синева.

Новый вулкан. Извержение. Объявили с капитанского мостика. Сернистый дым, видно, как горят от потоков лавы по склонам гор смолистые сухие леса. Чудесный город Реджо ди Калабрия. Рыбаки. Жестокая желтизна. Солнце.

Мессина. Памятник на колонне. Квадратная средневековая башня в море. Электролиния через пролив. Красный маяк (цвета киноленты).

По склонам Этны бьют фонтаны дымок. Апельсиновые сады. Невероятная голубизна, отвесный берег в плеще, крепости — ноздреватые, старинные. Губки в воде. Дельфины.

Остров Стромболи. Дымит. Лазурная нереальная страна.

(Тирренское море.) Юбилей Гамзатова. Добряк. Проснулся до рассвета. Думы о своих, о Танюше, о

Галке. Сырое утро, дали во мгле, силуэт Везувия. Огни Неаполя. Маяки. «Карго» (лихтера) на якорях. Лоцманский катер. Пожилкой легкий лоцман взбежал по веревочному тралю, как перышко.

(До этого было в Пирее — итальянский пароход линии «Адриатика». Рядом с нами. Красавцы — офицеры и матросы. Патеры в круглых шляпах. Изящные женщины на крышке трюма — ужинали. Девушки все, как Джина Лоллобриджида. Очень трогательные. Романтический пароход. Дружное общество пассажиров. Когда пароход отваливал (кажется, в Яффу), патер благословлял (крестил) его.

В неаполитанском порту. Замок Кастель Нуово. Пароход «Сицилия». Долго не спукали на берег (спутники — Рахманов, Катерли, Акимов, Цымбал, Женя — жена Рыбака, бородатый молодой поэт из Ленинграда Орлов, добродушный Расул Гамзатов — «представитель маленького горского народа»).

Нарядность и уют улиц, которые как будто видел во сне. Гид — бывшая русская, старуха в перчатках, всем недовольная.

В Помпею. Веселые и просторные окраины Неаполя. Везувий не дымит. Чистота, зной, зеленеющие сады и склоны. Дорога выбита в толстых слоях желтой лавы. Помпея. Чудесный город. Олеандры, масличные сады. Запах мазута, рекламы, белые мотороллеры. Внизу в перистой листве — Кастелламаре.

В Помпее — зной. Извозчики (веттурино) на разукрашенных гнедых поджарых лошадаках. Бичи, фонари. Полицейские с белыми перевязями.

Помпея — величественно и уютно. Плющ. Колеи, выбитые в камне веками. Много снимал. Иностранцы — старые англичане, индусы. Фигуры погибших (мальчик и собака). Собиратели сувениров (полицейские).

В Сорренто по фантастически прекрасной дороге. Снова Грин. Ущелья, в них прорезаны дома, увитые цветами, тенью, солнцем, шум источников. Перекидные мостики и лесенки. Солнце лежит на стенах, как полосы золотого полотна.

Ресторан в Сорренто (гид отказалась везти нас к дому Горького, — «далеко и неинтересно»). Внутренний дворик — патио. Ветер дует по скатертям. Каприйское вино.

На катер. Крутой поворот среди головокружительных стен, где в окнах решетки, а за ними — красивые женщины. Пристань. Мальчишки и девушки купаются прямо с мола. Акваланги. Водолазные маски.

Берег отражается в море, как в чистейшем оливковом масле.

Катер. Все очень просто. Отошли на Капри. Бесмертные берега (Родион Щедрин).

Тоска по Тане, Галке, по моему чуду — маленькому мальчику. Завещаю Галке и Алешке обязательно увидеть все это.

«Кока-кола» в паромном буфете. Горьковато. Опереточный юнга. Очень вежливые детективы.

Игрушечный остров Капри. Горький, Бунин (жил в Анакапри, задумал там не только «Господина из Сан-Франциско», но написал лучшие свои рассказы о русском крестьянине — «Илья-Пророк», «Худая трава» и другие. В силу контраста).

Капри — как сон, где спутано все живописное, чем блещет юг. Кафе на пристани, белые пароходы, веттурино, широкие и разноцветные машины (бесшумные), столики в цветных скатертях, лотки с кианти и фруктами, монахи, рыбаки, дети, американки в узких брюках и легких кофточках навыпуск, темные очки, как бабочки, индусы, собаки, оранжед, городок на скалах, как один большой дом с переходами, французские, подвешенные белыми веревками с узлами, монахи. Шум, говор, смех, толчея, зелень со скал свешивается прямо в воду с огромной высоты, лиловая и совершенно прозрачная волна.

На моторке к Лазурному гроту (Гротта Лазуре). Моторист — пожилой босой итальянец вертел рулевое колесо ногой. Катерли, Рахманов и я. Впритирку к отвесным скалам. Статуя Мадонны в скале. Толчея лодок. Крики. Усталость. В грот. Фантастический лазурный сумрак и горение воды.

Сидели за столиком на площади у воды. Маленькие бутылочки с кианти. Ослы, машины, дети. Немного отдохнул.

Пароход в Неаполь. Опоздали. Быстрый ход, маслянистая вода, ныряющие огни Неаполя в ночи на горизонте. Ветер. Акимов у окна.

Автобусы отвезли на ночную площадь перед собором. Карнавал. «В честь святого Петра» (?). Пошли по улицам. Огромные циты-картины из неоновых ламп — рыцарь целует у дамы, приподняв платье, круглое высокое колено, мчатся веттурино с любимицами и тут же распятая, где горят, как кровь, вишневые лампочки.

Огненные итальянки в национальных костюмах. Такси. Содрал доллар. Ехали куда-то за город, в сторону Санта-Лючии, по запруженной толпами иллиминированной набережной. Подъем по узким улицам. Отчаянный крик полицейского: «Ла виа фермата!!!» Огромнейший, стандартно-европейский ресторан на площадке (площади) под открытым ночным небом над

Неаполем. Джаз. Внизу — весь Неаполь в туманных огнях. Усталость. Вода со льдом. На «Победу».

Утром — в Рим. Поезд подали на пристань. Маленькие вагоны, красный бархат, купе и в них — чудесные репродукции в красках (Рафаэль, Боттичелли, вплоть до современных — Сегантини). Виноград в пакетах («уво»).

Окраины Неаполя. Желтый дым. Вокзал. Жандармы с длинными саблями. Ходят по двое. Электровоз — сразу рванул. Бешеная скорость — 120—140 километров в час. Грохот, лязг, визг. Туннель за туннелем.

Апеннины. Живописно и сурово. Селенья и замки в лощинах. Сухая красная земля, каналы (бетонные), виноград, подвешенный между тополями, буйволы, маслянистые рожи, сохи и мотыги.

Станция Форли. Кофе. Видно море. Города на вершинах гор. Соборы. Уснул. Разбудили около самого Рима. Акведук в пыли.

Пустынный маленький вокзал. Город, на улице — пинии. Пирамида (около нее похоронен Шелли). Потрясающая красота города, слияние веков, непрерывное волнение.

Призрак Колизея. Бешеное движение блестящих машин.

Гостиница «Юниверсо». Чистота и мраморная прохлада. В номере вместе с Рахмановым. Все — вверх дном. Уборщицы (сувениры), смех, хохот, притворные драки. Жара. Жалюзи.

Первая прогулка по Риму. Рыжий гид. Замок святого Ангела. Мосты, ансамбли. Удивительный Тибр — зеленый и мутный. Шествие статуй. Вдали собор святого Петра. Испортился аппарат.

Площадь Навона. Как на картине Каналетто. Фонтан, сухость, пустыньность каменных плит.

Пантеон. Загадочное здание. Единственный источник света — отверстие в куполе. Таинственное освещение, свет, прошедший сквозь века. Глубочайшая древность. Могилы королей, вдруг — могила Рафаэля. Саркофаг в нише, вырубленный в древнем плоском кирпиче, и на нем — две сухие почернелые гвоздики. Печаль.

Поездка на Яникул. (Мимо виллы Боргезе — прекрасного парка из пиний среди города, памятник Гете.) Одиноким фонтан. Свежесте каскадов века. Глубочайшая древность. Могилы королей, вдруг — могила Рафаэля. Саркофаг в нише, вырубленный в древнем плоском кирпиче, и на нем — две сухие почернелые гвоздики. Печаль.

С холма виден весь Рим, — вечный город во мгле. Он кажется не очень большим. Продавец кораллов. Прелесть листьев.

Район выставки (начат при Муссолини). Новые дома, как невесомые корабли — все палевые: сиреневые, золотистые, голубоватые, слабозеленые. Большие и тонкие жалюзи. Очень нарядные и простые. Дом со статуями.

«Новый Рим». Несколько лет все это пусто, ждет открытия. Образцовый порядок.

Собор (базилика) святого Павла за городом. Святые двери. Патио. Монах в современных очулярах продает книги. Внутри — величественный вкус, тишина. Обдуманность каждого завитка. Сумрак. Двадцать патеров на коленях. Амины! Прошли черной шеренгой. Солнце.

Конец дня — у фонтана Треви. Узкие улочки. Каскады, шум воды, ее морской вид. Серебряные монеты. Катерли дала мне несколько гивенников. Бросил в фонтан. «Вернешься в Рим». Вечером с Рахмановым в кафе на панели. Лимонад. Оживление. Бродили по Риму. Ужин в гостинице. Корреспондент «Правды» Ермаков. Пили кьянти. Все самые левые художники в Риме — коммунисты.

Второй день в Риме. Густое солнце. Шофер Романи Марчелло. Разговор о Пинокио. На мостовой с Акимовым.

В Ватикан. Седой гид в черных очках и коротеньких брюках. По берегу мутного Тибра. Стены Ватикана. Много монахинь, некоторые на мотороллерах.

Вход. Герб папы — тиара и ключи. Гвардеец в форме, придуманной Микеланджело. Желто-красный, в берете. Жандарм (сбир) в синем, в треуголке с блестящей саблей. Лестница — два спуска без ступенек. Сбаты. Восхищение Акимова.

Музей Ватикана. Скульптура. Дискобол. Лаокоон. Мраморы в удивительной сохранности. Цвет старого воска. Из окон веет свежестью и пустыньностью ватиканских садов. Египет. Гобелены. Несметные богатства.

Сикстинская капелла. Ремонт. Люди сидят часами. «Страшный суд». Боттичелли. Сумрак. Золотистость фресок. От них, как от старой ткани, тянет вечерним светом (закатным) и теплотой тысячелетних стен.

Жилище папы — строгость крепостных зданий и переходов. Занавеси, написанные на стенах капеллы художниками. Стада туристов.

Библиотека Ватикана — все сокровища мира. Карты Колумба и Магеллана, глобусы. Золотая роза — палкий орден, выковывается для подарка лучшей из женщин. Огромные анфилады гобеленов.

Папская почта. Монеты. Зной. Какие-то кусты в трещинах стен. Сорвал.

Здесь — ясность мысли и цели, все родилось из вымысла (Христос) и превратилось в почти фантастическое, но вполне реальное государство (здания, эстетика, несметные богатства, философия, живопись, свои законы, мораль, казни, давление на сознание всего человечества). Пастернак. «Рождественская звезда».

Монах-словак. Миссионер. Эрудияция.

К собору святого Петра. Непостижимо, грандиозно. Великолепное описание у Стендаля — ничуть не устарело.

Исполинский внутренний алтарь в соборе Петра. Витые колонны.

«Пиета» — Микеланджело. Человек противопоставил себя богу. Величавость. Купол.

Девочки на конфирмации — белые кружева. Крестины. Семья и кормилица итальянка, как у Брюллова. Синий корсаж, белые чулки.

На площади святого Петра. Сломался аппарат. Иностранцы, гиды, полицейские. Могучая колоннада. Все кипит от голубей.

Граница Ватикана — белая мраморная полоса.

Стадион. Пустынность. Мощная скульптура. Лавры. Колизей — суровый, молчаливый, тяжкий, будто сцементированный кровью. В нем живут.

В город с Катерли и Рахмановым. Студентки-итальянки в магазине. Попросили автограф.

Тихий сквер над туннелем. Пустынные теплые улицы. Памятник Карлу-Альберту. Бронзовая треуголка. Фонтан. Дети. Платаны. Вечереющая тишина Рима. Все — с газетками. Усталость и отдых.

Вокзал Термини — удивительное здание. Ужин. Тележки. Сотрудник «Правды» и итальянский репортер. Прощание с Римом. Поезд. Глубокий сон. Сельский полицейский в купе. Ночные окраины Неаполя.

На «Победе». Тотчас ушли. Синий, лиловоющий, волшебный дым Средиземного моря. Маяки Сардинии. Акимов рисовал мой портрет (шарж). Зной.

Проходим Алжир. Выступал в команде.

Ночь перед Гибралтаром. Уснул на шлюпочной палубе. Разбудил капитан. Тропическая сырость и жар, горячий воздух. Все мокрое насквозь, как от дождя. Много кораблей (военных) идут к Суэцу. Сигналы, маяки — Тарифа и Гибралтар.

Вошли ночью в Атлантику. Океан спокоен.

Люди — Гамзатов, банкет в его честь. Гранин с аквалангом, пробовал его на рассвете в парходном бассейне, чуть не утонул, поэт Орлов, его теория о старой культуре, Елена Осиповна Катерли, нежный и обидчивый Рахманов, Цымбал (его тосты), молодой композитор Родин Щедрин, сухой и чуть высокомерный Акимов, розыгрыш Гранина, радио мне от Симонова: «Прошу телеграфировать мнение французской общности о последних стихах Грибачева», мои соседи по каюте — журналист Волков, был в Египте, судья из Минска, Женя Рыбак.

Прошли мыс Санта Мария — половину пути. Открылись берега Португалии, страны, всю жизнь привлекавшей меня и чем-то очень таинственной. Сухие горы, каменные скалы, разрушенные замки и крепости, безлюдье, монастыри и маяки, похожие на крепости (на мысе Сан-Висенте). Базальт и гранит.

Ночью — огни Лиссабона. Старые дымные парходы с высокими тонкими трубами.

Впереди Бискайя. Беседа в салоне с капитаном. Очень откровенный человек. Парходок довольно неважный, тиходух, горелые шпангоуты.

Вошли в Бискайю, оторвались от берегов Испании. Свинцовая хмурая вода. Мертвая зыбь. Холодно. Заболел. Жар. Широкая и отлогая волна. Авианосец, как призрак. Долго запрашивал нас фиолетовыми огнями.

Утром — Гавр. Зеленый мыс, предместье. Радиолокационная станция вся во флагах. Отлив. Тинистые молы. Пустынность. На берегу — ажаны в синем. Белые портупей и кобуры. Дети, встречающие. Огромный порт. Пустые пути, тишина, рыболовы на велосипедах. Забастовка грузчиков.

Грохот поезда. В купе. Видно — нищий, бахрама на рукавах.

За окнами — Нормандия, сказочная страна. Сочная, тучная. Папоротник. Изгороди — барражи. Прелесть дорог и ферм. Вереск. Снимал с Акимовым на ходу. Ход бешеный. Гром, грохот, туннели.

Руан — среди высоких холмов, неожиданный. Туманная Сена. Вокзал, стиснутый между двух туннелей. Родина Флобера и Мопассана.

Круассе — выше Руана, ближе к морю. Мост через Сену. Мгла. Круговращение огней.

Париж! Вокзал Сен-Лазар. Толпы молодежи. Смех, оживление. «Дружба!» Усталость.

Ночной Париж. Вихрь огненных реклам. Опера, церковь Мадлен, как видение детства. Все знакомо до последней прожилки, и все незнакомо.

Ажаны, разноцветные машины, гостиница на набережной Орсей. Темноватый вестибюль. Лепной зал. Вино. Ужин. В другую гостиницу на такси.

На Монмартр. Путь булевара. Отель «Сентраль Манти». Против «Фоли Бержер». Домашняя маленькая гостиница. Красивая пожилая хозяйка-парижанка. Портье-малаец.

Комната. Гладиолусы. Валики вместо подушек. Очень старый дом. Крохотные ванны и уборные. За окнами — ряды мансард.

Вечером на бульвары с Катерли и Рахмановым. Бульвар Нувель Монд. Бульвар Пуассоньер, ворота Сан-Дени. Усталость. Сюрреалистические картины на асфальте. Спящие машины стоят вдоль тротуаров в два ряда. Целующиеся парочки, спящие на скамейках старики.

Подобрал бархатный пыльный лист платана. Около кафе — девушка, которую мы только что видели на афише, — «ню». Кого-то ждала.

Ночь в гостинице. Валики вместо подушек.

Рано утром с Граниным и Рахмановым в «Черво Парижа», на центральный рынок — халль. Целые кварталы стружек, пустых ящиков, теснота, банановые корки, кокосовые орехи. Кафе «Курящая собака». Рыбный ряд. Вода и лед. Лузи. Омары и кальмары. Запахи моря. Крики. Мясной ряд. Свиные головы от куфера. Кокетливые монахини. Гранин расцвел. Цветы и солнце. Русская женщина, забывшая язык.

Пон Нэв (Новый мост). Снимал его. Сена в серебряном утреннем тумане. Вдали — Нотр-Дам. Статуя Карла IV на мосту.

Остров. Суд. Латинский квартал. Чудесные улочки. Издательство во дворе на мансарде. Секретарша Жоржетта, молодые редактора. Писатель Пьер Гамарра. Рисунки Пикассо на стенах. Вино, книги. Разговор по телефону с Эльзой Триоле. Нас провожал Пьер Гамарра.

Дом, где живет Пикассо. Двор Академии. Плющ. Букинисты. Все в листьях. Ветки над Сенной. Открытки, эстампы. Книжный магазин. Книги импрессионистов. Дом, где родился Анатолий Франс. Свежесть реки. Консьержеры с круглыми башнями. Домой. Икра (подарили Пьеру Гамарра).

После обеда в Лувр. В вестибюле гостиницы — знакомство с двумя русскими женщинами. Лидия Николаевна Делекторская и ее двоюродная сестра. Работницы издательства. Автографы. Наши новые гиды (гид — студент Сорбонны в рваном пиджаке, русский, очень милый).

В Лувр. Зной. Великолепие, солнце, простота. Смотрел только две вещи — Венеру Милосскую и Джоконду. Сознательно. Сумрак. Теплота веков.

В сквере около Лувра. Снималась с Делекторской и ее сестрой. Дети и бабушка. «Пти-Жан».

Объезд Парижа. Эйфелева башня, мосты, площадь Конкорд, сад Тюльери. Монмартр. Сакр Кер. Около Триумфальной арки. Поток машин. Кафе с Лидией Николаевной и Рахмановым. Бистро.

Обед. Портье-малаец и веселый старик коридорный — циркач. Толстый шотландец. Новая комната.

Версаль. Окраины Парижа, валы. Булонский лес. Кавалькады. Тень, вековые деревья. Спокойствие и уют Сены. Пароходики — «мухи». На стенах надписи времен Наполеона о том, что здесь не разрешается клеить афиши. Дворы Версаля, камень. Статуи. Сенегальцы. Дворец запущен. Залы, зеркала, парки. Горы зеленые. Стол, на котором был подписан Версальский мир.

Обратно — Нотр-Дам. Конترفорсы. Босой художник. Плющ над Сенной. Внутри — сумрак. Собор в соборе (от туристов). Монахини.

Латинский квартал. Сорбонна. Пантеон.

До этого — могила Наполеона.

К Лидии Николаевне на такси. (Катерли, Рахманов, Гранин и я.) Бульвар Пале Рояль. Окна в Люксембургский сад. Чудесная квартира. Секретарша Матисса. Его полотна и рисунки. Книги. Два кота. Воздух осени из сада.

Такси. Русский шофер из Одессы. Прочальный ужин. Аперитивы. Сувениры. Хозяйка гостиницы.

На вокзал Сан-Лазар. Проводы. Ящик с холодными фруктами. Прощание с Лидией Николаевной.

Грохот, лязг, огни Руана. Тихий Гавр в полночь. Отвал. Далекие маяки Джерсея и Гернсея. Вообще — много маяков.

Вошли в Ла-Манш.

Утром в тумане — меловые берега Англии (Альбиона), покрытые ярко-зеленым ковром свежей травы. Мачты радиостанций и пустыньность. Паромы, белый парусник, древний зеленовато-тусклый цвет воды. Ветер. Мягкая качка.

К вечеру — плавучие маяки и бакены с колоколами. Вошли в устье Рейна и Мааса.

Роттердам — самый большой порт Европы, вечер. На километры тянутся причалы, корабли, верфи, гигантские краны, уходящие огнями в небо. Все расправлено от несна.

Темный парк, кафе, драка парней с девушками в красных юбках. Наши бегали к полицейским, кричали, пока не оказалось, что эти парни и девушки танцуют рок-н-ролл по заказу владельца кафе. Для рекламы. Ровно в 12 часов они мирно сели на мотороллеры и уехали в город.

Отшли к середине реки. Утром на катере на берег. Автопульманы.

Роттердам — бордовые кирпичи, цветы на балконах. Простор. Памятник из рваного от бомбежек железа — «Выворванное сердце».

Музей Рембрандта. Чудесные дети. Мальчик. Архитектура музея, потолки с жалюзи, круглые проходы. Строгость, стройность, простота. «Урок анатомии», пейзажи фламандцев. Неофламандцы. Роден, Ван-Гог, Вламинк и Утрилло. За узкими открытыми окнами — чистый пустынный канал и девственные лужайки.

Покупал открытки. Флаги всех стран. Першероны и велосипеды.

В Амстердам. Переводчица — простая русская девушка из концлагеря вышла замуж за голландца Рыболовы, мельницы (из 2000 работает только 200).

Вдали Дельфт — родина Вермеера.

Гаага. Блоки над квартирами, поднимают все по купки (лестницы очень узкие).

Бешеный ход. Поля, плоскости.

Амстердам. Чистота, уют, сквер над каналом. Хрустальные катера. Каналы, шлюзы. Сотни машин с колесами, почти свисающими над водой. Нет гаражен. Барки с квартирами, занавески, уют, кошки, смех детей. Листва в воде. По всем городским каналам плавают утки.

Порт в устье Амстера, — громады парусных и грузовых кораблей, дым, волна, ветер. Дом, где родился Рембрандт.

Стремительный завтрак в ресторане. Магазины. Веселая продавщица. Кассирши всегда благодарят. С Катерли, — сувениры. Сабо, гербы городов для Алешки.

Отъезд в Гаагу. По пути снимал мельницу и поля левкоев.

Гаага. Дворец мира. Одинаковые домики, букеты цветов, колючий кустарник. С Акимовым по сумрачной улице. Велосипедисты с собаками в корзинках. Собаки лают на встречных.

В Шевенинген, — рыбачий маленький порт около Гааги. Дамбы. Серый ветер. Женщины и девочки в черном и в сабо. Баркасы, множество бочек с рыбой, теснота, потом — серое море. Шум волн. Старый маяк на дамбе свирял два луча над головами во мглу.

Вереницы нарядных машин. Золотой ресторан. Из Хемингуэя. Лакеи во фраках, красивые, как Оскар Уайльд. Ужин без хлеба. Просьба хлеба вызвала смятение. Джаз за матовой стеклянной стеной.

На дамбе. Девушки, негры. Тьма. Усталость. В автобусе до Роттердама дремал.

Отшли. Северное море. Бакены с мрачными колоколами. Выступал в музыкальном салоне. Гранин купил фарфоровую мельницу, она играет «Ах майн либер Августин!». Он обескуражен...

К вечеру на второй день вошли в устье Эльбы. Сумрак, дым, парходы из Гамбурга.

Утром канал. Шлюзы, неоновые неуютные вывески какого-то города.

Канал очень узкий. Голштиния. Березовые перелески, песни. Уютные домики. Встречные корабли. Маленькие лихтеры с лесом идут в Гамбург — множество. Мосты на огромной высоте. Вдали в тумане и огнях — Киль. Яхты.

Вышли в Балтику. Ночью прошли Борнгольм. Серая вода. Бледное солнце, осень.

На рассвете вошли в стоколмские шхеры. Серый ветренный рассвет. Сурово и прекрасно. Фермы, леса, протоки, маяки, коттеджи со своими пристанями, все уже заколочено на зиму. Десятки гранитных шхер, затем внезапно открылся за поворотом Стокгольм.

Город, вырубленный в скалах. Пакгаузы. Полицейские с короткими саблями. Гид — русский. Старик.

Старый город. Деревянные цветные дома, теснота. Узкие улочки. Готика (северная). Дети на скверах. Обширные сады. Пробег по городу. Кафе на сваях, над площадями и заливами.

Высокие и тонкие золотоволосые шведки. Спешка. Дождь, ветер, бешеное левое движение.

На «Победу». Ужин. Переоделся. В ратушу.

Гениальное здание архитектора Эсберга (?). Кирпичный зал. Северный ренессанс. Зал совета. Статуя Эрика — покровителя Стокгольма. Золотой зал. Капелла — сумрак, свет сверху, тишина, могучие колонны. Золотые рыцари на часах. Концерт. Девочки и девушки — стройность, нежность и сила. Народные танцы. Речь Акимова.

Дикий ветер. Ушли на рассвете. Снова шхеры, ветер, барашки, — впереди шторм.

Штормовали весь день — 9 баллов. Бортовая качка.

Утром — шторм на солнце, волна просвечивает зеленью, радуги от брызг.

30 октября. Хмурое утро. Ветер. Открылся берег вблизи Выборга. Толбухин маяк. Серое, ветреное море.

Родина. Кронштадт — черный, осенний. Вешки. Насыпь камней, на них растут березы. Купол Исаакия.

Порт. Ледяной ураган. Танюша на пристани. Швартовались два часа. Встреча.

Нозль КАЛЕФ

Перевод с французского
Надежды НОЛЛЕ

НА ЭШТАФЕ

Рисунок Аллы СОЛОВКИНОЙ

Глава IV

Женева продолжала путь. Парень повернулся к своей спутнице.

— Ну, ты идешь, Тереза?

Отдавая дань моде, он старался выговорить ее имя на английский лад и манерно произнес «Сириза». Его волосы, нарочито разлохмаченные, закрывали затылок. Чересчур широкий свитер с высоким воротником скрывал худые плечи. Вместо пальто на нем был доверху застегнутый серый пиджак с падающими плечами, расходящимися полами. Он не вынимал рук из карманов черных брюк с клетчатыми отворотами, обтягивающих шиколотку и лодыжку.

— Иду, иду, Фред, — ответила девушка, продолжая разглядывать анораки.

У Терезы были прямые волосы до плеч. Толстый шерстяной свитер, надетый поверх юбки, не скрывал маленькие груди. Во всем ее облике было что-то хрупкое и вместе с тем вызывающее. Фреду это нравилось. Но особенно ему нравились ее модные туфли без каблука; вроде стоптанных башмаков, они создавали впечатление какой-то домашней простоты.

Наконец Тереза присоединилась к Фреду. Они зашагали рядом, не касаясь друг друга.

Перед витриной книжного магазина Фред презрительно пожал плечами.

— Представляешь, еще находятся идиоты, которые пишут книги.

— Почему идиоты? — робко спросила Тереза. — Это некорошо?

Фред выпятил узкую грудь.

— Вопрос не в том. Для чего? Вот что следует спросить. Ну, ты напишешь одну книжонку, ну две, пять, десять, сто... Но все их тебе никогда не написать... Так что?

Опустив голову, Тереза усваивала урок. Быстрый взгляд Фреда остановился на женщине, которая только что стояла вместе с ними у витрины спортивного магазина. Она порылась в сумочке, достала флакон, а из него — таблетку и проглотила ее. «Все ясно, — подумал он, — она наркоманка. Я так и предполагал...»

Молодые люди обогнали женщину.

Но Женева не была наркоманкой. Она принимала пилюли для сердца.

Ну вот, теперь ей стало лучше.

Уже виднелось здание Ума-Стандарта. Женева продолжала путь. Еще несколько секунд, и она у цели. В конце концов почему бы Жюльену не задержаться? Конечно, не для того, чтобы ее подождать. Просто потому, что он никогда не торопился, назначив ей свидание. К собственной жене можно и опоздать.

Тем временем Фред и Тереза зашли за угол. На тротуаре стояла группа из Армии спасения. Две женщины в смешных форменных шапочках, надетых на глаза, с воодушевлением пели какой-то гимн. Видно было, как двигаются их губы, но звуки почти не слышались. Третья женщина, склонившись, писала что-то на асфальте большим куском мела. Речь шла о беге. При каждом ее движении юбка задиралась, и видны были подвязки для чулок. Фред хихикнул, подтолкнув Терезу локтем.

Она тоже все видела, но жест Фреда был ей неприятен. Она подавила раздражение, но достаточно быстро, и Фред соорудил презрительную гримасу.

— Ах! Да... Есть святые вещи... Еще бы. Я спрашиваю себя, удастся ли мне когда-нибудь выбить из тебя мещанство.

Он залпнул на слове, но не обратил на это внимания. Тереза тоже предпочитала переменить тему разговора. Она указала Фреду на рекламу у входа в кафе: женщина, осыпавшая золотым дождем, — мол, покупайте билеты Национальной лотереи!

— Что за женщина? — спросила Тереза.

— Даная, — ответил Фред с выражением непреодолимой скуки на лице.

— Даная? Что это значит?

Мгновение Фред созерцал рекламу.

— Еще один фокус, чтобы дать себя дурачить.

Они прошли мимо кафе. Фред остановился перед красным «фрегатом». Дверца машины была приоткрыта, но мотор работал.

— Не мешало бы проучить этого типа! Завел машину и смелся! Дамы и господа, подходите и пользуйтесь!

Он старался придать своему голосу грубоватые интонации и добавил шутя:

— Поехали?

Тереза вздрогнула, но тут же взяла себя в руки, жалея, что выдала свой страх, особенно после их маленькой перепалки. Взгляд Фреда застыл. Девушка знала этот взгляд. Хуже, чем если бы она сказала: «Слабó!» Задетый за живое, он непременно захочет доказать ей, что он-то ничего не боится.

— Ты думаешь, я на это не способен?

— Способен, — сказала она, — только... ты украдешь одну машину, украдешь две... Ты никогда не сможешь украсть все!

Он мрачно усмехнулся.

— Ты редко открываешь рот, но уж когда откроешь, так такое сморозишь... Садись.

— Может, хозяин отошел за сигаретами в кафе...

Фред посмотрел: в кафе было пусто.

— Садись! — повторил он.

И, не колеблясь больше, чтобы и себя поставить перед свершившимся фактом, он сел за руль. Тереза покорно обошла машину...

Женева, в свою очередь, свернула за угол. Какой-то пожилой мужчина поздоровался с ней. Она машинально ответила, не узнав его в ту минуту. Она как раз увидела красный «фрегат» в пятидесяти метрах от себя, и сердце у нее сразу перестало болеть. Жизнь прекрасна: Жюльен ждал ее! Ну, конечно, человек, который поздоровался с ней, — это же Альбер, привратник. Надо поторопиться. Из выхлопной трубы автомобиля показались серое облачко. Через заднее стекло Женева видела затылок мужа, готового тронуться с места.

— Жюльен...

Ей стало стыдно, что она кричит на всю улицу, и она пустилась бегом. Но вдруг кровь застыла у нее в жилах: молоденькая девушка в нелепом наряде — не та ли, что стояла у спортивного магазина? — обогнав вокруг машины, открывала дверцу и садилась с непринужденностью, свидетельствующей о давней привычке. Да, то была та самая девушка, что стояла у магазина... Подол ее юбки отпоролся и неряшливо висел...

У Жюльена есть любовница! Эта истина открылась ей во всей своей жестокой очевидности.

Это не могла быть Дениза; в данный момент Женева была так потрясена, что простила бы, если бы Жюльен проводил домой секретаршу. Хотя та и была чересчур красива, чтобы семейный покой не находился под угрозой. Но эта неизвестная особа? В два раза моложе, чем Женева!

Страдание парализовало ее, но жажда мести толкнула вперед! Она выцарапала глаза этой грязной девке, она... Машина тронулась с места, когда Женева была в двадцати метрах от нее. «Фрегат» повернул за угол и исчез.

Женева испустила вопль. Какая-то прохожая на всякий случай вторила ей. Собрались люди. Кто-то спросил:

— Вам некорошо, мадам?

Устремив в пространство безумный взгляд, она тяжело дышала, закусив губу.

— Нет... Нет... Все в порядке... Кольнуло в сердце, но сейчас уже прошло... Мне уже лучше, спасибо... Это пустяки.

Она стояла на месте и ждала, пока разойдутся невольные свидетели ее слабости. Зеваки нехотя уходили прочь, оглядываясь назад в тайной надежде, что она все-таки упадет замертво.

Женева постепенно охватывал безумный гнев. Оставшись одна, она не медля ринулась ко входу в здание. Судорожно сжав пальцами железные прутья, она трясла решетку.

В этот момент десятью с половиной этажами выше Жюльен тоже бросился на железные двери своей тюрьмы. Им овладело слепое бешенство. Любой ценой надо было выбраться из этого герметического колодца, из этой жуткой западни. Кто угодно мог войти в его кабинет, увидеть следы его преступления.

Кабина остановилась так резко, что Жюльен очутился на полу. В полной тишине. Он стукнулся коленом о стальную стенку, и от боли у него перехватило дыхание.

Он выпрямился, морщась от боли, прислонился спиной к стенке кабины и помассировал ногу.

— Альбер! — крикнул он.

Никто не появлялся, и Жюльен на ощупь нажал на первую попавшуюся кнопку. Потом на вторую, третью... Ничего.

При свете зажигалки он нашел кнопку с надписью «привратник», нажал на нее. Прислушался, стараясь уловить далекий звонок. Ничего.

Внезапно разозлившись, он ударил ногой в стальную стенку. Колено снова обожгла боль. Он выругался, в бешенстве завопил:

— Альбер! Отзовитесь же, черт подери! Альбер!

Зажигалка погасла, и Жюльен почувствовал себя пленником в этой непроглядной темноте. Здание погрузилось в тишину, нарушаемую время от времени далекими шумами улицы.

Жизнь продолжалась. Совсем близко. Достаточно было выбраться из этой idiotской клетки. Стиснув зубы, сжав кулаки, Жюльен боролся с охватившей его паникой...

Вот уже добрых десять минут Женева шла быстрым шагом, почти бежала. Почувствовав, как закололо в боку, она вынуждена была замедлить шаг. Она так радовалась тому, что в своих будущих воспоминаниях уже окрестила «возвращением» Жюльена. Она радовалась тому, как сейчас появится неожиданно для него... Но не разминутся ли они? От мысли, что сюрприз может не получиться, слезы выступили у нее на глазах. Она зашагала быстрее: «Если он меня любит, интуиция подскажет ему, и он подождет. Если он уехал, моя жизнь кончена!»

Сердце на секунду замерло: «Не бросай меня, Жюльен!»

Ее сердце... Это сердце болело каждый раз, как она думала о Жюльене или делала физическое усилие. Она остановилась у витрины спортивного магазина и даже не заметила юную пару, одетую по последней моде Сен-Жермен де Прэ, лениво разглядывавшую витрину. Парень смерил Женева критическим взглядом: «Смешная бабенка... И одета безвкусно... Явно с приветом!»

Кто угодно мог заставить его в этих стенах, скрывающих труп! А Женевьева? Женевьева будет волноваться, подумает бог знает что! Он закричал:

— Альбер! Альбер! Откройте же, черт возьми! Жюльен задержал дыхание, чтобы не пропустить ответный возглас. Тишина. Жуткая тишина. Кажется—он не был в этом уверен,—кажется, из глубины колодца до него доносились глухие удары... шум машин... далеко... далеко...

Откинув полу своей пелерины, к Женевьевае приблизился полицейский.

— Что с вами, мадам? Здесь закрыто, разве вы не видите?

Он подавлял в себе желание отвести женщину в полицейский участок. Вечно эти прилично одетые дамочки устраивают скандалы. Тяжело дыша, красная от стыда, Женевьева опустила голову.

— Что-нибудь случилось?—спросил полицейский.

— Нет... Нет...

— Что же тогда вы здесь делаете?

— Мой муж!—крикнула она, не в силах дольше сдерживаться.

— Что ваш муж? Он там, внутри?

— Нет, он только что уехал...

— В таком случае вам совершенно незачем туда входить. Идите, мадам...

Женевьева повиновалась. Гнев был лишь уловкой, чтобы заглушить горе: Жюльен ее не любит. Теперь у нее есть доказательство.

Наконец-то такси...

— Улица де Варен, тридцать два!

Но и сидя в машине, она так и не смогла заплакать.

Вдоль Сены по дороге Марли мчался красный «фрегат».

Глава V

Моросил дождь. Фред, вцепившись в руль и всем телом наклонившись вперед, гнал машину—он выигрывает чемпионат мира! То была мечта его детства. А Терезу терзало любопытство: как зовут типа, у которого они только что украли машину? Не выдержав, она включила освещение и, заливаясь, прочла вслух имя на табличке, прикрепленной к приборной доске:

— Жюльен Куртуа...

— Это что еще?—проворчал Фред.

— Так зовут владельца машины.

— Ну, а мне какое дело? Жюльен! Ха! Вот дурацкое имя!

Она опять замолчала. С Фредом трудно разговаривать: ведь он настолько умней и образованней ее. Ну, а ему надоело продолжать гонки на первенство мира. Он обрушился на социальное неравенство.

— Жюльен Куртуа! Представляешь? Какой-нибудь тип вроде моего папеныки. Заплавивший жиром. Живет припеваючи. Денег куры не клюют. Зимой ходит в шубе. Акций полон мешок! Презирает всех этих бедолаг, у которых ничего нет, чтоб заработать на хлеб, кроме рук и головы. Вот пари держу, что он просто гроза для своих служащих. Вылитый папаша. Ничего, пусть прогуляется.

Фред уже сам не знал, кого хотел заклеймить—своего отца или того неизвестного.

— Давай, дождичек! Все одно к одному. Раз уж я собрался отдохнуть за городом!

Небрежным движением он включил дворники. Стекло стало мутным, сквозь него ничего не было видно.

— Bravo!—завопил Фред.— Совсем здорово! Нет, ты представляешь? Эти проклятые буржуи ничего толком не могут. Теперь мы рискуем сломать шею, потому что твой болван пожалел денег на хорошие дворники!

Тереза подумала о другом: может быть, внутреннее освещение мешает водителю? Она подняла руку, чтобы выключить свет. Свитер при этом движении сильнее обтянул грудь. Правая рука Фреда тут же потянулась к Терезе. Но одной рукой он плохо держал руль, и машина потеряла управление.

— Черт побери!—выругался Фред.

«Фрегат» ехал зигзагами. Тереза сжалась в комок. Наконец, Фреду удалось справиться с машиной. Злясь за пережитый страх, он обрушился на подружку:

— Ну, хороша же ты со своими номерами! Идиотка! Ты вообще соображаешь? Счастье, что я хорошо вожу машину, а то бы мы врезались в дерево! Но тебе, конечно, на это плевать! Тебе лишь бы покрасоваться!

Взмокший от страха, он неслушающей ногой нажал на тормоз.

Женевьева неожиданно крикнула:

— Остановите! Остановите!

Шофер резко затормозил, и старый «рено» занесло. Он не успел повернуть на улицу де Варен и остановился на тротуара. Таксист, которому большие усы явно служили фильтром для никотина, рассердился:

— Предупреждать надо, дамочка! Предупреждать! А не орать так! В чем дело?

Женевьева не знала, плакать или смеяться.

— Я подумала, я... Ответьте лучше меня домой.

— А куда это «домой»?

— В Отей, улица Молитор... Извините, но я вдруг поняла, что мой муж поехал прямо домой, наверное... Ну и тогда я...

Таксист внимательно смотрел на нее. Смутившись, Женевьева рассыпалась в ненужных объяснениях.

— А на улице де Варен живет мой брат...

Таксист воспользовался ее смущением и грубо прервал:

— Ваш брат или сборщик налогов, мне-то какая разница.

Женевьева обиженно замолчала.

— Ладно,—сказал шофер,—значит, едем в Отей?

— Да,—сухо ответила она.—Улица Молитор.

Женевьева поджала губы. Вот уж действительно эти плебеи... Машина медленно повернула направо и увеличила скорость. Женевьева сдерживала истеричное хихиканье. Она была так счастлива! Боже, как можно быть такой глупой! В городе наверняка сотни красных «фрегатов». Абсолютно никаких оснований не было утверждать, что «фрегат», который она только что видела, принадлежал ее мужу. Он, бедняжка, наверняка томится дома в ожидании. А когда его заставляли ждать в одиночестве, он пил. Просто так, со скуки. К несчастью, он плохо переносил алкоголь. Она наклонилась вперед.

— Быстрее, прошу вас...

— Ха! Ничего себе! Если бы вы не напутали, мы бы уже давно были на месте. А я не могу ехать быстрее. Эта машинка тридцать восьмого года рождения...

Женевьева снимала и вновь натягивала перчатки, пока таксист занимался сравнительным анализом старых и новых автомобилей.

— Есть и хорошее, ничего не скажу. Обогрев, например, зимой это удобно, но... что касается материала, уж извините. Теперешний и в сравнение не идет.

Она его не слышала. Она думала о двух мужчинах, которые заговорили с ней сегодня на улице. Один из них даже шел за ней некоторое время... Надо признаться, что в розовом костюме она кажется стройней. Все равно неправда, что она стареет. Она вновь улыбалась. Часто ощущение счастья зависит от упорства, с каким человек желает не обмануться.

«Не пей слишком много, любовь моя,—мысленно приказывала она Жюльену,—будь благоразумен, я сейчас приду, видишь...»

Когда она расскажет ему о своих подозрениях, о своем гневном, от строго пожуриет ее. Он скажет, поглаживая ее по плечу: «Сумасшедшая! Ведь ты знаешь, что я люблю только тебя...» «Знаю,—ответит она,—знаю, сама не понимаю, что на меня нашло...» Впрочем, эта девчонка совсем не в его вкусе. Жюльен предпочитает зрелых женщин, чтобы относились к нему с материнской нежностью. Как Женевьева. Он любил, чтобы его убажвали. И терпеть не может заботиться о других. «Когда мне будет нравиться молоденькие девчонки,—говорил он обычно,—значит, я начну стареть!»

И он смеялся, не замечая даже, что посыпает соль на ее раны.

Такси остановилось. Женевьева расплатилась, оставив шоферу щедрые чаевые. Не из доброты. Из трусости. У дверей ее охватило сомнение. Она обернулась и робко попросила:

— Если вы не торопитесь, подождите меня все же пять минут... Может быть...

— Может оказаться, что вашего муженька нет дома? Понял. Подожду.

Он засмеялся, и она его возненавидела. Конечно, посторонним людям трудно ее понять, но этот уж чересчур груб. Она не могла найти ключ, нервничала, наконец позвонила, и горничная открыла дверь.

— Мосье давно дома?

— Мосье?

— Ну да, мосье!—крикнула Женевьева, бегом устремляясь в гостиную.

— Ах, нет, мадам! Я его не видела.

Женевьева застыла на месте.

— Значит, он звонил?

— Нет, мадам, сегодня не было звонков.

Вся энергия Женевьевы ушла на недавний гнев. Сил оставалось только на то, чтобы плакать. Плакать, умереть от слез. Горничная продолжала:

— То есть, нет... я забыла. Мадам Дормьен звонила, она спрашивала у мадам...

Жестом Женевьева приказала горничной замолчать и медленно направилась в спальню. И сразу же испытала ужас перед одиночеством. Она не сможет остаться одна. Такси...

Она высочила из дома.

— Подождите!

— Ага! Его нет, а?—усмехнулся шофер.—Ну, не убивайтесь. Ведь братишка-то с улицы де Варен остается. Не стоит из-за этого зарезывать такую симпатичную мордашку. Ничего страшного. Все это поправимо...

Как она плохо думала о нем, об этом таксисте и его

усах. Этот чужой человек понимает ее лучше, чем собственный муж.

Сидя на полу кабины, откинув голову, Жюльен пытался собраться с мыслями. Его беспокоила реакция Женевьевы, чьи поступки никогда нельзя было предвидеть. Эта истеричка может поднять на ноги весь город!

Сколько времени ему придется просидеть, как узнику, в этом лифте?

Мозг, словно без его участия, выдал ответ: один день и две ночи. Тридцать шесть часов.

В понедельник утром вернется Альбер и включит ток.

До этого момента он будет совершенно один. Нет, не совсем. Рядом находился мертвец: Боргри. Даже если Жюльену удастся найти объяснение насчет бумаг, оставшихся на столе, он никого не заставит поверить, что не знал Боргри, с которым ему придется так долго пробывать один на один... Он—в лифте, а тот—в своей жалкой комнате. Он слышал смех полицейских: «Кого вы хотите убедить, будто все это время сидели в застрявшем лифте?»

Надо бежать. Чего бы это ни стоило. Об этом идиотском приключении никогда не должны догадаться. Никто никогда не должен как-то сопоставить его и Боргри. Но для этого надо выбраться отсюда.

Он с неистовством бросился на приступ железной двери. Послышался щелчок. Жюльен, отчаянно надеясь, потянул дверь изо всех сил. Она медленно поддавалась.

Фред нервничал, сыпал проклятиями. Он жал на стартер, а этот паршивый мотор не заводился.

Тереза еще не отошла от последней головомойки, которую он ей устроил, и не осмеливалась заговорить. Однако ей казалось, что если Фред не повернет ключ...

— Фред...

— Ну, что тебе еще надо?

— Это... Эта...

Она больше не смогла произнести ни слова и просто указала на ключ. К ее изумлению, Фред расхохотался.

— Надо же! Действительно... Подумай, ты не такая уж дурочка, какой кажешься.

Машина тихонько тронулась с места. Несмотря ни на что, Тереза покраснела от удовольствия, а Фред ругал себя за рассеянность и вспоминал истории о гениальных рассеянных людях.

Терезе было хорошо. Они ехали молча, на небольшой скорости. Она больше не испытывала страха.

— Ну? Ты не находишь, что это здорово? Скажи же что-нибудь!—настаивал Фред.

Не зная, правильно ли она делает, Тереза неуверенно подняла большой палец.

— Вот так!

— Я, например,—продолжал Фред,—такой понимаю жизнь. У тебя есть машина, ты срываешься, когда захочешь, едешь за город проветриться, расслабиться. Общество неправильно устроено. Есть существа, которым в интересах коллектива надо обеспечить минимум... Дом, слуг, деньги, машины...

Тереза устремила на своего приятеля взгляд, полный сдерживаемого восхищения: какой же он умный! Конечно, такому человеку, как он, необходимо разрядиться время от времени. Он продолжал:

— Вот, например, вещь, которую папа никогда не поймет. Невозможно заговорить с ним об этом без того, чтобы он не начал вспоминать, как ему тяжело приходилось вначале. И сколько довелось терпеть, и как пробиваться. Что в его время все было не так, и что о работе думали прежде, чем о развлечении и т. д. и т. п. А я тебе так скажу: старое поколение пусть отправляется на свалку. С меня хватит. Мы живем в двадцатом веке. У нас, молодых, слишком много здесь...

Он отпустил руль, чтобы постучать себя по лбу. Тереза затаила дыхание, но все обошлось.

— У нас слишком много здесь, чтобы ждать-ждать, как эти олухи. Мы, молодые, не можем терять время. Мы вот сейчас, сию минуту хотим творить, вводить новшества, организовывать, разрушать и опять строить.

У Терезы на языке вертелся вопрос. Важный вопрос, который ее мучил. Она осмелилась.

— Твой отец... все вернул?

— Вернул?

— Банку.

— Какому банку?

— Ну, деньги...

— Какие деньги?

Это он нарочно. Ей пришлось напомнить ему, что его выгнали за растрату из банка, где он работал. Он отреагировал с преувеличенным энтузиазмом. Очень хорошо, что она напомнила об этом.

— Уж давно я так не смеялся. Ты бы видела предка, он на стенку лез от бешенства...

— Но он заплалил?—настаивала она.

Фред бросил на нее сочувственный взгляд.

— Бедная моя Тереза! А что же ты хочешь, чтоб он сделал? Чтобы он позволил мне опозорить его честное имя? Ха! Нет. Успокойся, когда я что-нибудь

ГИМНАСТЕРОЧКА

Музыка Вячеслава ГРОХОВСКОГО
Стихи Анатолия СОФРОНОВА

Пропылилась...
Пропылилась, износилась гимнастерочка,
Что по свету...
Что по свету побродила по всему,—
Сколько радости и сколько горькой горечи
Принесла ты в жизни сердцу моему!
Сколько радости и сколько горькой горечи
Принесла ты в жизни сердцу моему.

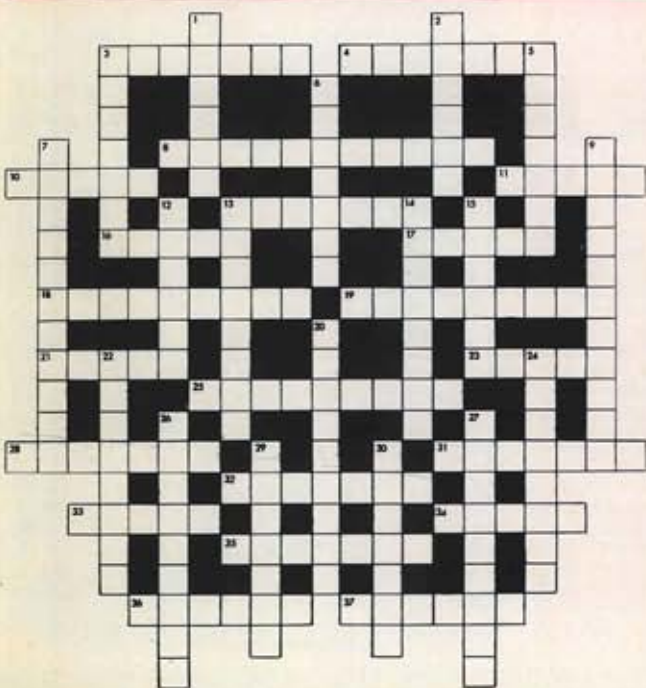
Но случилось...
Но случилось, что пришла пора несладкая,
Прощался...
Прощался он со мною у двора,
Подтянул он гимнастерочку солдатскую
И сказал он мне: «Любимая, пора».

Только знают...
Только знают земли-версты, версты дальние,
Сколько писем...
Сколько писем получала от него.
А вернулся с орденами и медалями—
Как встречала я красавца моего!
А вернулся с орденами и медалями—
Как встречала я красавца моего!

Примечание: повторить первый куплет.

КРОССВОРД

Составил Л. УМАНСКИЙ,
Москва

По горизонтали:

3. Устройство визуального отображения информации на экране телевизора, осциллографа.
4. Полярный летчик, Герой Советского Союза.
8. Металлургический центр, ударная комсомольская стройка первых пятилеток.
10. Предварительный набросок картины.
11. Роман Ю. Н. Тынянова о декабристе.
13. Тригонометрическая функция.
16. Французский ученый, иностранный почетный член Петербургской Академии наук.
17. Способ плавания.
18. Вид спорта, восхождение на горные вершины.
19. Толстый слой резины на пневматической шине.
21. Курорт в Киргизии.
23. Экваториальное созвездие.
25. Советский летчик-космонавт.
28. Порт в Великобритании.
31. Самоходная тележка.
32. Растение, закрепитель песков в пустыне.
33. Перелетная птица.
34. Природный водоем.
35. Низменность на западе СССР, где ведутся гидротехнические работы.
36. Инструмент для нанесения наружной резьбы.
37. Тихоокеанский лось.

По вертикали:

1. Породообразующий минерал.
2. Пушной зверек.
3. Верхний слой почвы.
5. Колпачок с воспламеняющим составом в патроне, снаряде.
6. Врач.
7. Основная форма подготовки научных и научно-педагогических кадров.
9. Наука о методах создания приборов для передачи, обработки и хранения информации.
12. Физик, академик, дважды Герой Социалистического Труда.
13. Бальный танец.
14. Герой кинофильма «Баллада о солдате».
15. Произведение М. Раверя для оркестра.
20. Железнодорожная путевая машина.
22. Стихотворение Я. В. Смелякова.
24. Комплекс сооружений для соревнований по конному спорту.
26. Подъемно-транспортное сооружение.
27. Небольшая морская рыба.
29. Песня И. О. Дунаевского.
30. Чертежный прибор.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 11

По горизонтали:

7. Лагерь. 9. Родари. 10. Педагог. 11. Маршак. 13. «Сережа». 14. Конструктор. 17. Колембина. 18. Масленица. 19. Пантелеев. 20. Магнитола. 24. Кабалевский. 29. «Квант». 30. Картинг. 31. Петух. 32. Афанасьев. 33. Евпатория.

По вертикали:

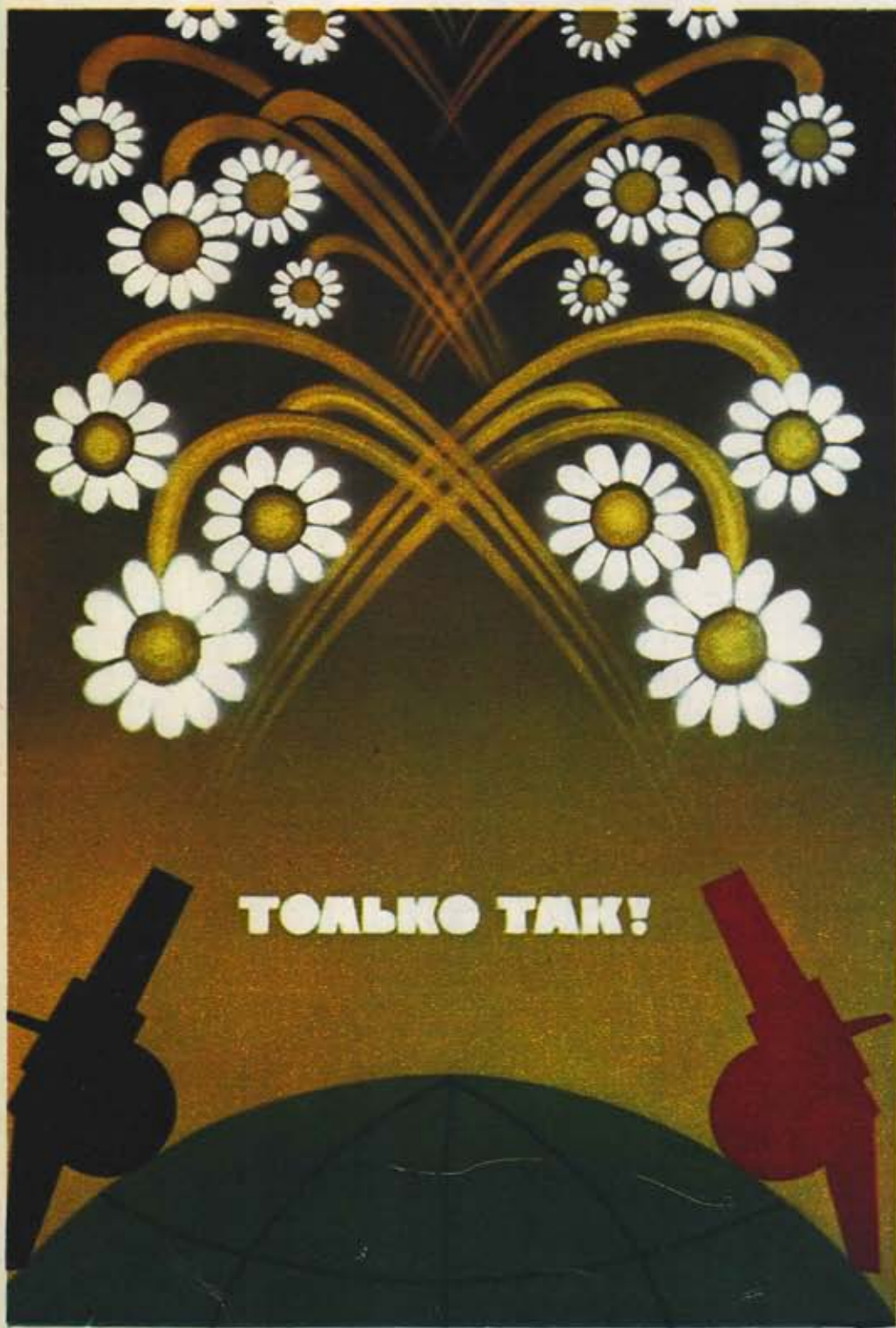
1. Корчак. 2. «Пионер». 3. Мазай. 4. Одесса. 5. «Тройка». 6. Драже. 8. Гаврош. 12. Колыбельная. 13. Соколянский. 15. «Вольница». 16. «Свинопас». 21. Флейта. 22. Таранец. 23. Эсенова. 25. Свифт. 26. Ананян. 27. Федора. 28. Мухин.

БОЕЦ И АГИТАТОР

«Мы рождались в пламени, в пороховом дыму», — сказал поэт о своем поколении. И мощно, призывно зазвучал голос молодого искусства — советского плаката. Оно звало бойцов в бой, мобилизовывало рабочих и крестьян на борьбу с голодом и разрухой, гневно обличало все старое, отживающее. Во множестве боев вступал боец-плакат: за мир, против колониализма, агрессоров всех мастей, в защиту угнетенных. Он звал на трудовой подвиг в легендарные времена первых пятилеток, зовет на него сегодняшних первопроходцев Сибири, первостроителей городов и промышленных гигантов будущего. Он учит любить Отчизну, быть верным делу ленинской партии — учит всех, от мала до велика.

Плакат стал художественной летописью свершений и прекрасных событий в жизни Страны Советов и по праву занимает достойное место в нашем социалистическом искусстве.

Я — СЫН СТРАНЫ СОВЕТОВ!

А. ЛЕМЕШЕНКО. ИНТЕРКОСМОС

В. ФЕДЬКОВ. Я — СЫН СТРАНЫ СОВЕТОВ

